

ISSN 1817-9568

DISCOURSE-P
Дискурс*Пи
Научный журнал

PHILOSOPHY -
ФИЛОСОФИЯ
POLITICAL SCIENCE -
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
PAST & PRESENT -
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
PUBLIC RELATIONS -
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
PHILIOLOGY -
ФИЛОЛОГИЯ

№ 4 (37) 2019

IPL INSTITUTE of
PHILOSOPHY & LAW

THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
URAL BRANCH • 1988

Институт философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук

DISCOURSE-P
Дискурс*Пи

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
DISCOURSE-P
Дискурс*Пи
Екатеринбург – 2019



**«ДИСКУРС-ПИ»
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
№ 4 (37) 2019
Декабрь 2019**

Выходит четыре раза в год

Учредитель:

Институт философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук

Издатель:

Издательский Дом «Дискурс-Пи»
620075, г. Екатеринбург,
ул. Малышева, 76, кв. 8
Тел.: +7 902 870-86-06
e-mail: info@discourse-p.ru
http://www.discourse-p.ru

Свидетельство о регистрации:

ПИ № ФС77-54425 от 10.06.2013 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций

Дата выхода в свет 04.04.2020 г.

Формат 70x100^{1/16}

Усл. печ. л. 12,7

Тираж 300 экз.

Заказ № 133817

Отпечатано в типографии ИП Крючкова С.Г.
620062, г. Екатеринбург,
ул. Первомайская, 77ж

Рукописи рецензируются

Требования к рукописям научных статей,
представляемых для публикации
в научном журнале «Дискурс-Пи»,
размещены в конце выпуска

**Материалы направляйте
в редакцию по адресу:**

620990, г. Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, 16,
Институт философии и права УрО РАН
Телефон: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

**Все выпуски журнала
размещаются на сайте**

www.madipi.ru

**При перепечатке ссылки на журнал
обязательны**

**Редакция рекомендует авторам
придерживаться стилистики
научного дискурса**

**Подписной индекс 71227
в Объединенном каталоге «Пресса России»**

Цена свободная

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Виктор Николаевич Руденко – Институт философии и права УрО РАН, академик РАН, Екатеринбург, Россия

ВЫПУСКАЮЩАЯ РЕДАКЦИЯ

Ольга Русакова – главный выпускающий редактор, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Дарья Ковба – ответственный секретарь, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Екатерина Грибовод – секретарь-координатор, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Цинянь Ань – Народный университет Китая, Пекин, КНР

Сагади Булекбаев – Казахский университет международных отношений и мировых языков им. Абылай хана, Алма-Аты, Казахстан

Марина Гаврилова – Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, Санкт-Петербург, Россия

Лишуан Го – Университет Фудань, Шанхай, КНР

Сергей Зырянов – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Челябинский филиал, Челябинск, Россия

Михаил Ильин – Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия

Риккардо Кампа – Ягеллонский университет, Краков, Польша

Евгений Кожемякин – Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

Андрей Королев – Российское Философское Общество, Москва, Россия

Владимир Лобовиков – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Ольга Малинова – Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия

Михаил Малышев – Автономный университета штата Мехико, Толука, Мексика

Виктор Мартьянов – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Елена Пономарева – Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия

Ольга Попова – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Нелли Романович – Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Воронежской филиал, Воронеж, Россия

Василий Русаков – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Шон Сэйерс – Университет Кента, Кентербери, Великобритания

Сянмэй Сюй – Институт по изучению партийной истории и литературы при ЦК КПК, Пекин, КНР

Лидия Тимофеева – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

Диоп Тьерно – Университет Шейха Анта Диопа, Дакар, Сенегал

Леонид Фишман – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Лариса Хопёрская – Киргизско-Российский славянский университет, Бишкек, Киргизия

Александр Чумаков – Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

06.06.2017 Научный журнал «Дискурс-Пи» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (группы научных специальностей: 23.00.00 Политология, 09.00.00 Философские науки)

Журнал индексируется в базе данных системы Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в базу данных «КиберЛенинка»

**«DISCOURSE-P»
SCIENTIFIC JOURNAL
№ 4 (37) 2019
December 2019**

Published four times a year

Founded by
Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences

Published by
Publishing House «Discourse-P»
Malysheva Street, 76, apartment 8
Ekaterinburg, 620075, Russia
Phone: +7 (902) 870-86-06
E-mail: info@discourse-p.ru
http://www.discourse-p.ru

Mass Media Certificate of Registration:
PI № FS77-54425 from June 10, 2013
given by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media

Passed for printing on April 4, 2020
Format 70x100^{1/16}
Reference sheet area 12,7
Issues – 300
Order # 133817

Printed by typography
of individual entrepreneur S.G. Kryuchkova
ul. Pervomajskaya 77 Zh
Ekaterinburg, 620062, Russia

Manuscripts are reviewed
The requirements for scientific articles
to be published in the «Discourse-P» scientific journal,
are located at the end of the issue

Mailing address of Editorial Office:
Scientific Journal «Discourse-P»
Institute of Philosophy and Law
ul. S. Kovalevskoy 16
Ekaterinburg, 620990, Russia
Phone: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

**All issues of the journal
are available on the website**
www.madipi.ru

**At a reprint the references to the journal
are obligatory**

**Editorial recommends authors
to adhere to the style
of scientific discourse**

**Subscription index
in the United Catalog «Russian Press» 71227**

Free price

EDITOR-IN-CHIEF

Victor Nikolaevich Rudenko – Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Academician of RAS, Ekaterinburg, Russia

EDITORIAL TEAM

Olga Rusakova – Commissioning Editor, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Daria Kovba – Executive Secretary, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Catherine Gribovod – Secretary Coordinator, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

EDITORIAL BOARD

Qinian An – University of China, Beijing, China

Sagadi Bulekbaev – Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Almaty, Kazakhstan

Riccardo Campa – Jagiellonian University, Poland

Alexander Chumakov – Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Leonid Fishman – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Marina Gavrilova – St. Petersburg State Institute of Cinema and Television, St. Petersburg, Russia

Lishuang Guo – Fudan University, Shanghai, China

Michael Ilyin – National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Larisa Khoperskaya – Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan

Andrew Korolev – Russian Philosophical Society, Moscow, Russia

Eugene Kozhemyakin – Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Vladimir Lobovikov – Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Olga Malinova – Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Mikhail Malyshev – Autonomous University of Mexico, Toluca, Mexico

Victor Martyanov – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Helena Ponomareva – Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia

Olga Popova – St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Nellie Romanovich – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Voronezh Branch, Voronezh, Russia

Vasiliy Rusakov – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Sean Sayers – University of Kent, Canterbury, UK

Diop Thierno – Cheikh Anta Diop University, Dakar, Senegal

Lydia Timofeeva – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

Xiangmei Xu – Institute for the Study of Party History and Literature at the CPC Central Committee, Beijing, China

Sergei Zyryanov – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Chelyabinsk, Russia

June 6, 2017 the Scientific Journal «Discourse-P» is included in the list of leading peer-reviewed scientific journals and publications, where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following groups of scientific specialties: 23.00.00 Political science, 09.00.00 Philosophical Sciences

**The journal is abstracted/indexed
in the Russian Science Citation Index (RSCI)**

The journal is included into the «CyberLeninka» database

№ 4 (37)

Тропы метода

Давыдов Д.А.

Этические дискурсы о технологиях изменения природы человека:
попытка построения «классификационной матрицы»10

Русакова О.Ф., Курильченко С.С.

Политический медиадискурс:
вопросы теоретико-методологического и регионального анализа28

Фишман Л.Г.

Лев Гумилев как зеркало морального перелома49

Парадигмы и процессы

Глушкова С.И., Мартынов К.Э.

Тенденции развития институтов гражданского общества в России:
проблемы и противоречия.....61

Ворончихина Д.Н.

Современные концепции экологической безопасности.
Проблемы реализации экологической политики
в Российской Федерации.....79

Иванько Н.А.

Спорт в системе внутри- и внешнеполитической деятельности
государства в мире и России97

Трахтенберг А.Д.

Китайская система социального кредита: взгляд снаружи и изнутри 108

Наши переводы

Диоп Тьерно

Карл Маркс, марксизм и Черная Африка
(перевод с французского В.М. Русакова)..... 119

Конференц-зал

Синельникова Л.Н.

О дискурсологии в модульном измерении:
размышления о проблемах, рассмотренных в рамках юбилейного заседания
Ялтинского дискурсологического кружка
(25–27 сентября 2019 года) 131

4 (37)

Tropes of Method

Davydov D.A.

Ethical Discourses on Technologies for Human Enhancement:
An Attempt to Build a «Classification Matrix».....10

Rusakova O.F., Kurilchenko S.S.

Political Media Discourse:
Issues of Theoretic-Methodological and Regional Analysis.....28

Fishman L.G.

Lev Gumilyov as a Mirror of a Moral Turning-Point.....49

Paradigms and Processes

Glushkova S.I., Martynov K.E.

Trends in the Development of Civil Society Institutions in Russia:
Problems and Contradictions61

Voronchikhina D.N.

Modern Environmental Safety Concepts.
Problems of the Implementation of the Environmental Policy
in the Russian Federation.....79

Ivan'ko N.A.

Sport in the System of Domestic and Foreign Government Activity
in the World and Russia.....97

Trakhtenberg A.D.

China's Social Credit System: Look inside and Out 108

Our Translations

Diop Thierno

Karl Marx, Marxism and Black Africa
(Translated from French by V.M. Rusakov) 119

Conference Chamber

Sinelnikova L.N.

On Discourse Studies in the Modular Dimension:
Speculations about Problems Discussed As a Part of the Anniversary Meeting
Of Yalta Discourseology Circle
(September 25–27, 2019)131

ЭТИЧЕСКИЕ ДИСКУРСЫ О ТЕХНОЛОГИЯХ ИЗМЕНЕНИЯ ПРИРОДЫ ЧЕЛОВЕКА: ПОПЫТКА ПОСТРОЕНИЯ «КЛАССИФИКАЦИОННОЙ МАТРИЦЫ»*



Давыдов Дмитрий Александрович,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
кандидат политических наук,
научный сотрудник отдела философии,
Екатеринбург, Россия,
ORCID: 0000-0001-7978-9240,
E-mail: davydovdmitriy90@gmail.com

Статья поступила в редакцию 20.12.2019, принята к публикации 10.02.2020

Для цитирования: Давыдов Д.А. Этические дискурсы о технологиях изменения природы человека: попытка построения «классификационной матрицы» // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2019. № 4 (37). С. 10-27. doi: 10.24411/1817-9568-2019-10401

Аннотация

В статье произведена попытка классификации этических дискурсов о технологиях изменения природы человека. Показано, что существующие обозначения различных концепций изменения природы человека не всегда в полной мере выражают их суть. Зачастую они многозначны (к примеру, «христианский трансгуманизм») или имеют несколько противоположных значений («постгуманизм» как синоним слова «трансгуманизм» и как обозначение этической позиции, оппонирующей всему гуманистическому наследию Просвещения). Возражения может вызывать и сама терминологическая привязка дискурсов об изменении природы человека к «базовому» термину «гуманизм» (трансгуманизм, постгуманизм). Автор стремится определить, как на дискурс о технологиях изменения природы человека влияет та или иная «ценностная оптика». В основу предлагаемой классификации положено 2 критерия: «ориентир высших ценностей» и «основное условие реализации высших ценностей». Соответственно, выделено 16 разновидностей этических дискурсов (этических «позиций»), определяемых по взглядам на то, что является

* Статья выполнена в рамках работы по проекту МК-2621.2019.6 грантов Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (Конкурс – МК-2019).

источником высших ценностей (человек, трансцендентное, социальное или природа), и что является основным условием их реализации (также: человек, трансцендентное, социальное и природа). Предложенная классификация не претендует на выражение всего многообразия этических дискурсов по соответствующей проблематике, а скорее служит своеобразным «логическим каркасом», помогающим ориентироваться во всем многообразии возможных подходов и точек зрения. Делается вывод о том, что не следует говорить о какой-то оригинальной философии (или философиях) изменения природы человека. Вместо этого технологии «улучшения» человека либо принимаются в рамках той или иной ценностной «оптики», либо со схожих базовых этических позиций отвергаются.

Ключевые слова:

трансгуманизм, постгуманизм, биоэтика, гуманизм, антигуманизм, антропоцентризм.

UDC 17

DOI: 10.24411/1817-9568-2019-10401

ETHICAL DISCOURSES ON TECHNOLOGIES FOR HUMAN ENHANCEMENT: AN ATTEMPT TO BUILD A «CLASSIFICATION MATRIX»

Davydov Dmitriy Aleksandrovich,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Candidate of Political Sciences,
Department of Philosophy, Researcher,
Ekaterinburg, Russia,
ORCID: 0000-0001-7978-9240,
E-mail: davydovdmitriy90@gmail.com

Article received on December 20, 2019, accepted on February 10, 2020

To cite this article: Davydov, D.A. (2019). Eticheskie diskursy o tekhnologiyah izmeneniya prirody cheloveka: popytka postroeniya «klassifikacionnoj matricy» [Ethical discourses on technologies for human enhancement: an attempt to build a «classification matrix»]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 4(37), 10–27. doi: 10.24411/1817-9568-2019-10401

Abstract

The article attempts to classify ethical discourses on technologies for changing human nature. It is shown that the existing designations of various concepts of human

“enhancement” do not always fully express their essence. They are often ambiguous (for example, “Christian transhumanism”) or have several opposite meanings (“posthumanism” as a synonym for the word “transhumanism” and as a designation of an ethical position that opposes the entire humanistic legacy of the Enlightenment). The terminological linking of discourses about human enhancement to the “basic” term “humanism” (transhumanism, posthumanism) may cause objections. The author seeks to determine how one or another “value optics” affects the discourse on technologies for human “enhancement”. The proposed classification is based on 2 criteria: “a guideline for higher values” and “the main condition for the realization of higher values”. Accordingly, 16 varieties of ethical discourses (ethical “positions”) determined by the views on what is the source of higher values (man, transcendental, social or nature), and what is the main condition for their realization (also: man, transcendental, social and nature), are identified. The proposed classification does not pretend to express the whole variety of ethical discourses on the relevant issues, but rather serves as a kind of “logical framework” that helps to navigate the whole variety of possible approaches and points of view. It is concluded that one should not talk about some kind of original philosophy (or philosophies) of changing the nature of man. Instead, technologies for human “enhancement” are either adopted within the framework of a particular value “optics” or are rejected from similar basic ethical positions.

Keywords:

transhumanism, posthumanism, bioethics, humanism, antihumanism, anthropocentrism.

Введение

Сегодня мир стоит на пороге масштабных социальных, политических и технологических трансформаций, которые могут затронуть, в том числе, природу человека. Бурное развитие нано, био-, инфо-, когно-, социо- (NBICS) технологий ставит на повестку дня радикальные трансформации телесности и ментальности: изменение («улучшение») психических, когнитивных, физических и т. д. возможностей. Дискуссии о трансгуманизме и трансгуманистической перспективе привлекают внимание многих философов, ученых, правоведов, богословов и в целом – широкую общественность. Поднимаются серьезные этические вопросы о допустимости и границах «трансформационного» вмешательства в организм человека, о возможных направлениях и идеологии такого вмешательства, о социальном, культурном, политическом, экономическом и т. п. контекстах развития технологий изменения природы человека.

Тем не менее, само поле этических дискуссий по поводу перспектив развития технологий изменения природы человека остается концептуально туманным. Большая часть устойчивых этических позиций не имеет четких общепринятых обозначений. В итоге наблюдается некоторая терминологическая путаница, а то и вовсе – попытки обозначить одними и теми же словами принципиально разные этические позиции. Так, под словом «трансгуманизм» иногда понимают любые этические концепции, утверждающие необходимость или желательность «улучшения» (технологической модификации, «прокачки» – «enhancement»)

человека. В таком случае можно говорить, например, о христианском трансгуманизме (Cole-Turner, 2017). Однако трансгуманизм иногда понимают скорее как продолжение светского (секулярного) гуманизма, имеющее социокультурные корни в философском наследии Модерна (Ferrando, 2013; Оттуа, 2014 и др.). Иногда противопоставляются позиции на основании какого-то одного критерия; при этом, опять же, большое многообразие различных интерпретаций, реакций, позиций и т. п. редуцируется до какой-либо «бинарной оппозиции». К примеру, велик соблазн редуцировать гуманизм и трансгуманизм до некоей единой магистральной линии развивающегося (трансформирующегося) идейного источника преобладающих ценностей западного (развитого и т. п.) общества. При этом зачастую упускается многообразие различных вариаций гуманизма (к примеру, коммунистический гуманизм) и трансгуманизма, из которых вытекают диаметрально противоположные выводы практического характера. Такой «бинаризм» нередко приводит к исключению из поля зрения других возможных этических позиций. Так, мы видим, что в современных биоэтических дискуссиях практически не фигурирует персоналистская альтернатива различным «трансгуманистическим» концепциям. Непростая ситуация возникла и с соотношением терминов «постгуманизм» и «трансгуманизм». Иногда их отождествляют, и это вполне объяснимо: этика трансгуманизма построена на утверждении «спасительной» роли новых технологий, которые нацелены на качественное «преобразование» человека. В этом смысле, действительно, речь идет о перспективе создания пост-человека. Однако у термина «постгуманизм» есть и другое значение: это совокупность оппозиционных гуманизму и тому, что многие исследователи сегодня понимают под трансгуманизмом, этических концепций, вышедших из постмодернистского дискурса. Часто можно встретить попытки терминологически обозначить «чистый» гуманизм, который остается за вычетом теистических «остаточных» компонентов. Появляются такие формулировки, как «эксклюзивный гуманизм» у Ч. Тейлора (Тейлор, 2017) или «либеральный гуманизм» у Ю. Н. Харари (Харари, 2016), которыми также можно обозначить очень разные явления философской мысли. В целом можно говорить о том, что использование устоявшихся терминов (вроде «гуманизма», «трансгуманизма» и т. п.) для фиксации той или иной этической позиции относительно перспектив развития технологий изменения природы человека довольно проблематично в виду многогранности, многоаспектности самой проблематики «улучшения» человека. Настоящая статья является результатом попыток автора классифицировать основные этические дискурсы о технологиях изменения природы человека. Я постараюсь далее представить нечто вроде «классификационной матрицы», которая могла бы служить инструментом упорядочивания этических позиций по поводу технологий изменения природы человека. Разумеется, любая классификация приводит к упрощению, к абстрагированию от конкретных индивидуальных или коллективных воззрений. Однако метод классификации позволяет наглядно представить общие существенные черты изучаемых явлений, рассмотреть этические дискурсы как своеобразную «структуру», в которой одни элементы находят себя в отношениях с другими. В конце концов, речь идет и о попытке сформулировать более разнообразную терминологическую «палитру» для характеристики всевозможных точек зрения, посвященных рассматриваемой проблематике.

В целом можно отметить, что проблематика «техногенного» изменения природы человека затрагивает предельно широкий спектр этических дискурсов. Тем не менее, я все же попытаюсь сделать акцент именно на «трансгуманистической» перспективе.

В основе предлагаемой классификации лежат два ключевых критерия.

Первый критерий обозначен как «ориентир высших ценностей». Под данным ориентиром я понимаю ту область наблюдаемого или ненаблюдаемого мира, которая, по взглядам тех или иных мыслителей или приверженцев соответствующих идейных течений, является предполагаемым сосредоточением наиболее *ценного* в жизни. Таких основных «областей» можно выделить четыре. Это, во-первых, сам человек как посюстороннее существо с его «внутренним миром», эмоциями, переживаниями и т. п. Как правило, речь здесь идет об «имманентном» человеческом процветании, экономически обусловленном «простом человеческом» счастье и т. п. Во-вторых, это может быть трансцендентное как область выходящего за пределы посюстороннего бытия, неких высших смыслов, движение к которым подразумевает сложные духовные поиски, испытания и т. п. В-третьих, это то, что можно обозначить как пространство межперсонального (социального), включающее те смыслы и ценности, которые формируются за пределами «посюстороннего» существования отдельных индивидов, но при этом не пренебрегают черты трансцендентного. Это может быть коллективная память о поступках выдающихся личностей, героев, идеалы личности как гармоничной части социального целого и т. п. Наконец, речь может идти о природе как источнике высших ценностей (природная гармония, эстетика природного и т. п.).

Второй критерий во многом схож с первым. Однако здесь фокус смещается с того, что является самим ориентиром в определении высших ценностей, к основным условиям их реализации. Я также обозначаю эти условия, как «человек», «трансцендентное», «социум» и «природу» (см. таблицу 1). Но человек или, скажем, трансцендентное здесь берутся уже в значении сил (или источников таковых), которые, как полагается, ведут или могут вести общество (или мир, вселенную и т. п.) к процветанию и достижению заданных (или обусловленных) ориентиром ценностей. Поясню: если мы полагаем основным ориентиром жизненных ценностей человека и его «посюстороннее» процветание, то в качестве основной *силы*, ведущей к этому процветанию, могут быть выбраны самые разные «явления». Это может быть сам человек, полагающийся на свои индивидуальные, «земные» и т. п. возможности. Это может быть и трансцендентное, но взятое уже не как то, к чему мы должны быть устремлены как к чему-то самоценному, а скорее как некоторая сила, необъяснимым образом действующая на этот мир, и на которую стоит ориентироваться ради все того же «житейского» процветания отдельных людей.

Таким образом, «человек», «трансцендентное», «социум» и «природа» могут являться как ориентирами высших ценностей, так и основными условиями их реализации. В итоге мы имеем распределение этических дискурсов, представленных в таблице 1.

Таблица 1

		Ориентир высших ценностей			
		Человек	Трансцендентное	Социум	Природа
Основное условие реализации высших ценностей	Человек	Индивидуалистический антропоцентризм	Индивидуалистический трансцендентализм	Индивидуалистический социоцентризм	Индивидуалистический природоцентризм
	Трансцендентное	Религиозный антропоцентризм	Религиозный трансцендентализм	Религиозный социоцентризм	Религиозный природоцентризм
	Социум	Социальный антропоцентризм	Социальный трансцендентализм	Социальный социоцентризм	Социальный природоцентризм
	Природа	Натуралистический антропоцентризм	Натуралистический трансцендентализм	Натуралистический социоцентризм	Натуралистический природоцентризм

Рассмотрим кратко получившиеся 16 позиций.

1. **Индивидуалистический антропоцентризм** подразумевает, что высшей ценностью является сам человек как здесь-живущее существо, его «посюстороннее», непосредственное «житейское» благополучие. При этом в качестве основного условия реализации высшей ценности выступает сам человек. По крайней мере, человек должен иметь свободу на самоопределение, и никакая «заботливая» власть не должна отнимать у него это право. Грубо говоря, это своеобразный «либертарно-либеральный» секулярный гуманизм (антропоцентризм). Такой антропоцентризм есть плод длительной эволюции гуманизма, постепенно трансформировавшийся от религиозного «гуманизма» к Ренессансу и далее в сторону «полной» секуляризации. Отметим, что большую часть дискурсов, ныне обозначаемых термином «трансгуманизм», можно ассоциировать именно с индивидуалистическим антропоцентризмом. Действительно, такие авторы, как Н. Бостром (Bostrom, 2016 и др.) или, скажем, Р. Курцвейл (Kurzweil, 2005 и др.) нередко апеллируют к свободе каждого распоряжаться своим телом, выводят тезис о неизбежности радикальной трансформации как раз из этого неотъемлемого права телесной «суверенности». Есть и авторы, прямо позиционирующие себя как либертарианские трансгуманисты. Так, например, Р. Бейли утверждает, что любые попытки ограничить возможности «улучшения» собственного тела являются нарушением гражданских прав и свобод. Соответственно, ничто не может обеспечить дальнейшего процветания человечества, кроме свободного рынка (Bailey, 2005). Однако ни сам гуманизм, ни так называемый «трансгуманизм» отнюдь не исчерпываются индивидуалистическим антропоцентризмом.

2. **Религиозный антропоцентризм** также утверждает человека и его «посюстороннее» бытие в качестве высшей ценности. При этом уже не человек и его «сущностные» силы оказываются основным условием достижения желаемого блага. Скорее, условием человеческого благополучия полагается трансцендентное. В конце концов, можно отрицать существование Бога как некоего существа,

судящего мир, его можно ассоциировать с неким Началом мира, принципами добра, справедливости и т. п., которые изначально недоступны «эмпирическому» человеку. Многие деистические концепции признавали существование Бога как первопричины, но исключали его прямое влияние на мир. При этом можно попытаться хотя бы отчасти познать первоначальный замысел. Благополучное общество нуждается в познании божественных истин (тайн «божественного промысла»), в соответствии с которыми оно и должно установить свои законы (например, считать, что «Декларация независимости» соответствует Божьему замыслу и т. п. (Тейлор, 2017, с. 490)). Ч. Тейлор называет такую установку «провиденциальным деизмом», получившим распространение на рубеже XVII–XVIII веков. «Замысел Бога о человеке, – пишет Тейлор, – свелся к задаче осуществления людьми в своей жизни порядка, который Бог задумал для их счастья и благоденствия» (Тейлор, 2017, с. 311).

Конечно, можно говорить о том, что деизм попросту выражает в религиозных терминах волю человека к земному процветанию. Тем не менее, все же есть разница между ценностным индивидуализмом и деистическим «провиденциализмом». Последний пытается сообразовать жизнь с некими высшими принципами, открываемыми Разумом, Интуицией и т. п., в то время как индивидуалистический антропоцентризм ориентируется на индивидуальные предпочтения «земного» человека.

Трудно сказать, является ли религиозный антропоцентризм (не обязательно в форме провиденциального деизма) актуальным сегодня, тем более относительно технологий изменения природы человека. Однако мы можем рассматривать этот мир как *созданный* Богом или какой-то таинственной силой *для человека* (и его «земного процветания»). Человек эволюционирует, изменяется, может, в конце концов, перестать быть «человеком». При этом отсутствие прямого вмешательства Бога в жизнь людей вовсе не означает, что этот Бог или, шире, – трансцендентное теряет всякое значение. По крайней мере такой подход, в отличие от, скажем, постмодернизма, оставляет надежду на познание Тайны мироздания. Религиозно-антропоцентрическая «трансгуманистическая» этика может сочетать в себе тезис о земном процветании человека с положением о том, что это процветание – просто символизация эволюционного движения в верном направлении навстречу к непознанным Большим Истинам.

3. Зато актуальность **социального антропоцентризма** вполне очевидна. Данная этическая позиция также «провозглашает» посюстороннее процветание человека в качестве высшей ценности. Но, в отличие от индивидуалистического антропоцентризма, социальный антропоцентризм скептически смотрит на потенциал отдельных индивидуумов достичь желаемого процветания. Отдельные люди беззащитны перед природными стихиями, своими собственными страстями и неконтролируемыми эмоциями, другими людьми, несправедливостью политических или экономических систем и т. п. Процветание может быть достигнуто только путем объединения индивидов в Единое общество. В принципе, здесь нет смысла останавливаться и подробно разбирать все возможные направления социального антропоцентризма. Укажу лишь, что различные марксистские дискурсы не теряют актуальности и являются хорошим примером социального антропоцентризма. Применительно к технологиям изменения природы человека социальный антропоцентризм является важным противовесом индивидуалисти-

ческому антропоцентризму. Дальнейшее развитие «индивидуалистического» капиталистического общества может происходить в условиях неравного доступа к технологиям улучшения человеческого организма. Существуют риски появления расы сверхлюдей, в чьих руках будет концентрироваться вся власть и богатство мира и т. п. (Conde & Javier, 2018). Решать данную проблему можно только путем борьбы за достижение более справедливого общества, которое ставит интересы общественного целого выше процветания отдельных «избранных» индивидов.

4. **Натуралистический антропоцентризм** ставит акцент на природных факторах достижения человеческого процветания. Здесь возможны самые разные интерпретации того, чем является «природа», и как она может влиять на дальнейшую эволюцию человека. Рассмотрим один возможный подход – экологический. Согласно такому подходу, человек – это не просто уязвимое существо. Он – существо во многом иррациональное, зачастую не способное осознавать последствия, скажем, безудержного потребления, загрязняющего окружающую среду. Такой натуралистический антропоцентризм рассматривает человека как часть экосистемы планеты Земля, которая постепенно выходит из относительного равновесия. Соответственно, для человеческого процветания необходимо, прежде всего, вернуть экосистему Земли к равновесному состоянию. Натуралистический антропоцентризм, таким образом, – это то, что свойственно большинству экологических дискурсов. При этом технологии изменения природы человека вполне могут этому поспособствовать. Сегодня существует движение, находящееся «в плоскости» натуралистического антропоцентризма, сторонники которого именуют себя техногайнистами (от «techno-» – технология и «gaian» – Гея). Так, С. Мэтью Ляо, профессор философии и биоэтики в Нью-йоркском университете, утверждает, что воздействие человечества на окружающую среду может быть уменьшено за счет генной инженерии людей, чтобы иметь меньший рост, нетерпимость к употреблению мяса и повышенную способность видеть в темноте, тем самым используя меньше освещения и т. п. (Liao, Sandberg & Roache, 2012).

5. В отличие от антропоцентризма **трансцендентализм** как таковой источником высших ценностей считает вовсе не «земное» бытие человека, а то, что находится за пределами посюстороннего. Это может быть вечная жизнь в загробном мире, «возвращение» к изначальной вечной Субстанции, слияние с Абсолютом и т. п. (дело может дойти до того, что «земные» блага отрицаются в принципе (аскетизм)).

При этом **индивидуалистический трансцендентализм** характеризуется тем, что основным условием реализации высших ценностей оказывается сам человек. Логика здесь такова: каждый человек идет по своему собственному пути к трансцендентному. Трансцендентное «находится» где-то в глубине души, интуитивно. При этом положения традиционных религий либо отрицаются вовсе, либо признаются, но только в результате индивидуального «согласия» с ними. Индивидуалистический трансцендентализм настолько распространился, что Ч. Тейлор называет сегодняшнее время «веком подлинности» (речь здесь, видимо, идет о стремлении каждого найти «подлинное Я» в вере). За пределами догматических религий, согласно Тейлору, постепенно расширяется диапазон промежуточных позиций: «многие люди отходят от активной религиозной практики, по-прежнему декларируя себя принадлежащими к какой-то конфессии или

как верующих в Бога. На ином уровне расширяется спектр верований во что-то потустороннее, не столько в личного Бога, сколько в некую безличную силу, другими словами, все большее число людей выражают религиозные верования, которые выходят за пределы христианской ортодоксии. Логика этого развития ведет к росту нехристианских религий, особенно религий, имеющих восточное происхождение, к распространению практик Нью-Эйдж и взглядов, наводящих мосты между гуманизмом и духовностью и стирающих границы между ними, практик, связывающих духовность с терапией» (Тейлор, 2012, с. 635).

В принципе, индивидуалистический трансцендентализм оставляет большое пространство для «трансгуманистического воображаемого». Если путь к трансцендентному у каждого свой, то не может быть и никаких существенных моральных преград для трансформации человеческой природы. Напротив, те или иные радикальные изменения могут трактоваться как способы духовного преобразования (обретения душевной гармонии, очищения от греховных побуждений или, скажем, улучшения возможностей человеческого организма ради благих дел и т. п.).

6. Религиозный трансцендентализм, напротив, указывает на то, что только само «трансцендентное», данное нам, скажем, в откровениях святых или священных писаниях, является условием достижения искомого блага. При этом «догматика» не обязательно должна идти вразрез с идеей применения технологий «улучшения» человека. Однако само улучшение, будучи все же делом «мирским», должно пониматься как нечто второстепенное. Р. Коул-Тернер, к примеру, представляет своеобразную «христианскую версию трансгуманизма» и сравнивает ее с трансгуманизмом «секулярным»: «обе версии трансгуманизма открыты для идеи развития и надлежащего использования технологий совершенствования человека. Обе признают актуальность широких публичных дискуссий о технологической политике и о глобальных грандиозных вызовах, которые нависают над темными облаками человеческого будущего. Обе рассматривают человека как податливое существо и признают, что, будучи произвольными продуктами эволюции, наши человеческие пределы не являются данными Богом моральными ограничениями того, что мы можем сделать с собой. Но в вопросе о месте индивида в более широком процессе трансформации христиане, как правило, готовы пожертвовать своим собственным индивидуальным существованием. Прежде всего, они должны быть готовы судить обо всех разработках и применениях технологий по стандарту Божьей цели, а не по личной выгоде» (Cole-Turner, 2017, p. 43).

7. Социальный трансцендентализм, в целом, схож с религиозным. Правда, акценты здесь ставятся на социальных или политических аспектах движения к реализации высших ценностей. Смысл движения к Богу или какому-то высшему существу / абсолюту и т. п. вполне может быть определен не столько как индивидуальное спасение / просветление (путем ли «погружения в себя» или в чтение / интерпретации священных текстов или повествований о жизни и деяниях святых) и т. п., а как коллективная преобразовательная работа по объединению человечества в единое целое. Приведем в качестве примера воззрения философа и богослова-иезуита П. Тейяра де Шардена. Одним из ключевых в его работах является термин «ноосфера». Вселенная, согласно философу, эволюционным путем движется к росту сознательности, «в направлении сверхмышления,

то есть сверхперсонализации» (Тейяр де Шарден, 2002, с. 371). Ноосферу Тейяр де Шарден определяет как «органическую суперагрегацию душ», когда «Земля не только покрывается мириадами крупинок мысли, но окутывается единой мыслящей оболочкой, образующей функционально одну обширную крупинку мысли в космическом масштабе» (Тейяр де Шарден, 2002, с. 365). При этом ноосфера – это один из последних этапов движения к наиболее организованной сложности и одновременно наивысшему сознанию. Момент рождения из синергии высшего сознания Тейяр де Шарден обозначает как Точку Омега. Она и является тем «трамплином в трансцендентное», моментом перехода в Вечность при предельной концентрации так называемой радиальной («духовной») энергии, тогда как все временное неизбежно исчезает.

При этом замечу, что Тейяр де Шарден не видел никаких проблем в том, чтобы, как минимум, не отвергать технологии изменения природы человека. Эти технологии у него могут ускорить движение к Точке Омега. «Ныне наша амбиция возросла, – пишет Тейяр де Шарден. – Создавать не золото, а жизнь! И кто осмелится, видя то, что произошло за последние пятьдесят лет, сказать, что это простой мираж?.. Постигая гормоны, не находимся ли мы накануне подчинения себе развития нашего тела и даже самого мозга? Открывая гены, не будем ли скоро контролировать механизм органической наследственности? И овладевая синтезом белков, не будем ли мы в состоянии однажды вызвать то, что Земля сама по себе, по-видимому, уже не в состоянии более произвести – новую волну организмов, нежизнь, порожденную искусственно?» (Тейяр де Шарден, 2002, с. 363).

8. **Натуралистический трансцендентализм**, в свою очередь, призывает не столько созерцать внутренний мир, читать священные тексты или выстраивать «ноосферу», сколько ориентироваться на природные процессы. В целом можно саму Природу ассоциировать с Богом или Абсолютом. Фактически натуралистический трансцендентализм включает в себя пантеистические воззрения на мир, коих существует довольно много: от даосизма и стоицизма до философских построений таких философов, как Б. Спиноза. В даосизме, к примеру, утверждается, что Великий Дао – это всеобщий Закон и Абсолют. Каждый человек должен попытаться познать Дао и *слиться* с ним. При этом достичь просветления можно путем *недеяния* – созерцательного отношения к жизни: необходимо вслушиваться в ритм мироздания, медитировать и т. п. Примечательно, что в даосизме отрицалась идея бессмертия души (сохраняющей личность и т. п.). Соответственно, поиску способов достичь «земного» бессмертия в Древнем Китае уделялось очень много времени и сил. Как отмечает Е. А. Торчинов, «для традиционной китайской культуры не характерна вера в бессмертие души. Реальным признавалась только единая психофизическая целостность живого существа. Сам дух <...> понимался вполне натуралистически: как утонченная материально-энергетическая субстанция – ци. После смерти тела она рассеивалась в природе. К тому же даосизм унаследовал от архаического шаманизма учение о множественности душ – животных (по) и мыслящих (хунь). Тело выступало единственной нитью, связывающей их воедино. Смерть тела приводила к разъединению и гибели душ. Поэтому уже в глубокой древности огромное значение придавалось средствам продления физической жизни, а долголетие (шоу) стало одной из важнейших ценностей

китайской культуры» (Торчинов, 2017, с. 12–13). Все это пересекается с современным дискурсом иммортализма: попыток достижения бессмертия с помощью радикальной трансформации человеческой природы (генной инженерии, загрузки сознания на цифровой носитель и т. п.).

9. Социоцентризм как таковой отличается акцентированием внимания на том, что можно обозначить как *пространство межперсонального*. Не «земное» благополучие отдельных индивидуумов и не трансцендентное являются высшими ценностями (или их источниками), а то, что создается / возникает в процессе взаимодействия людей. Это может быть следующее: само по себе общественное целое как некий организм, принадлежность к которому придает смысл жизни ограниченному «эмпирическому» человеку, «бессмертная» память о чьих-то достижениях, героических поступках, равнодушное со-бытие с другими, взаимные эмоции, любовь и т. п.

Индивидуалистический социоцентризм при этом «рассматривает» *отдельных индивидов* как творцов социальных ценностей. При этом эти индивиды находятся как бы в состоянии «отчужденности» по отношению к обществу. Вернее так: они стремятся к утверждению себя в обществе посредством преобразования общества и «во имя» общества, но при этом делают это в процессе своего возвышения «над» обществом. Само «общество» оказывается «полем битвы» героев, стремящихся к славе и власти. Яркий пример индивидуалистического социоцентризма – философия Ф. Ницше, в которой сверхчеловек стремится к созданию ценности, к утверждению-себя-в-мире, к творческому преобразованию этого мира в порыве «воли к власти» (Ницше, 2011). Думается, параллели между ницшеанским концептом сверхчеловека и современной тематикой изменения природы человека очевидны.

10. **Религиозный социоцентризм** является установкой, согласно которой без веры в трансцендентное невозможно достичь желаемой общественной гармонии. Можно считать наиболее важным «процветание» общества как единого целого, в «нутре» которого создаются коллективные ценности. Все это может сопровождаться сакрализацией социального. Конфуцианство, к примеру, является преимущественно этическим учением, стремящимся к единству общественного целого. Но некоторые аспекты конфуцианства (особенно его поздних «версий») имеют явные черты религии. К примеру, конфуцианство одобряет обряды, связанные с принесением жертв душам умерших предков, многие конфуцианцы чтят Небо как некую безличную Божественную силу (хотя тут имеются разночтения), устанавливающую порядок и т. п. Как отмечает диакон Георгий Максимов, «Религиозное обоснование стоит за всеми основными предписаниями конфуцианства. Человек должен почитать и слушаться правителя не потому, что у того в руках сосредоточена реальная власть, а потому что правитель – «сын Неба», правящий в соответствии с его волей. Говоря о добродетели сыновней почтительности, конфуцианские тексты указывают, что человек должен почитать отца потому, что отец – это Небо для сына. И так, приводя свою жизнь в соответствие с ритуалом, с конфуцианскими требованиями, человек, по мысли китайского мудреца, начинал жить в гармонии с Богом» (Максимов, 2011).

Можно также привести более «поздний» пример: идея «социалистического» богостроительства (А.В. Луначарский, В.А. Базаров, М. Горький,

А. А. Богданов и др.), приверженцы которой не «искали» Бога как некую надмировую сущность, а стремились «построить» его из мощи коллектива. Само социальное целое при этом обретает сакральные смыслы. По отношению к конкретному индивиду это «социальное трансцендентное» выступает в качестве заместителя Бога. На все это может наслаиваться своеобразный скрытый мистицизм, который в движении к покорению природы и росте коллективности усматривает реализацию высших ценностей. Социалистический идеал может быть лишь предметом веры, мечты, тем более что и при социализме человек будет нуждаться в вере, в жажде счастья, в «новой религии» (Романенко, 2019). Наконец, можно пытаться вслед за Вольтером усматривать в религии важнейший социальный регулятор.

Такой дискурс должен гармонично смотреться в связке с идеей изменения природы человека. Мы можем ассоциировать рост «коллективной мощи» и единства социального целого с утверждением *веры* в человека и его силы. При этом любой прогрессистский порыв в Космос или Светлое будущее не может избежать обращения к трансцендентному. Оно в таких случаях присутствует как «скрытая сакральность», какими бы научными «опровержениями» существования Бога как надмирового существа это не сопровождалось. Сама вера в Прогресс, в то, что за пределами сегодняшнего «разобщенного» атомизированного состояния лежит некая Высшая реальность, является сущностно «трансценденталистской».

11. **Социальный социоцентризм** стремится к реализации порождаемых межперсональным пространством ценностей путем поддержания *единства общества*. Это может быть, например, особая, атеистическая (или «мягче» – не-теистическая), версия персоналистской философии, утверждающая в качестве высшей ценности вовлеченное, не-равнодушное сосуществование (со-бытие) личности с другими личностями, активное творческое преобразование мира. Социальный социоцентризм также может отсылать к проблеме поиска смысла жизни в благих делах, в стремлении обрести добрую память у потомков. Наконец, возможна установка на стремление к единству интересубъективного пространства культуры, связывающего разные поколения в один «диалог в вечности». На мой взгляд, социальный социоцентризм ставит важную проблему сохранения относительного «языкового» и культурного единства человечества, находящегося перед угрозой утраты всяких оснований для общности опыта или возникновения эмпатических чувств. Технологии изменения природы человека (например, создание существ, обладающих принципиально другим мышлением) могут разрушить те остатки единого «жизненного мира», которые позволяют жителям одной эпохи понимать жителей других эпох.

12. **Натуралистический социоцентризм** подразумевает, что достигнуть реализации высших, «социальных», ценностей можно только путем тесного «взаимодействия» с природой (ее «покорения», «одухотворения», гармоничного с ней «сосуществования»). К примеру, Н. Федоров является философом памяти, отчуждения. В этом «социоцентричность» его философии, хотя здесь речь, конечно, должна идти о своеобразном сочетании социоцентризма и трансцендентализма. Но Федоров считается еще и основателем русского космизма (также К. Циолковский, В.И. Вернадский и др.) – философского направления, утверждающего, что человек является «промежуточным», на-

ходящимся в процессе роста, существом, призванным преобразить не только внешний мир, но и собственную природу. Задача человечества – «одухотворить» весь мир. С помощью собирания атомов и молекул человечество когда-нибудь сможет воскресить предков и заселить ими дальние планеты. Космизм Федорова можно обозначить как одну из важнейших предтеч современных дискурсов об изменении природы человека: «при сосуществовании, – пишет Федоров, – при полноорганности личности бессмертны, а последовательность является свободным действием личностей, переменою форм, путешествием, так сказать, при коем меняются органы, как экипажи, одежды (т. е. время не будет иметь влияния на личности, оно будет их действием, деятельностью); единство же личностей будет проявляться в согласном их действии на весь мир, в регуляции и бесконечном творчестве» (Федоров, 1995, с. 301).

13, 14, 15, 16 **Природоцентризм: индивидуалистический, религиозный, социальный и натуралистический.** Так как основной принцип предложенной здесь классификации читатель уже, наверное, понял, я постараюсь более кратко охарактеризовать последнюю группу подходов – природоцентризм. Понятно, что индивидуалистический природоцентризм будет делать ставку на действиях отдельных индивидуумов. Религиозный природоцентризм будет отсылать к неким сакральным тайнам миропорядка, лежащим за пределами «посюстороннего» бытия здесь-и-сейчас. Социальный природоцентризм окажется ориентирован на социальные институты. Сложнее охарактеризовать натуралистический природоцентризм, но из примера ниже будет, надеюсь, ясна и его суть. В целом природоцентризм – это этическая установка, согласно которой источником высших ценностей является сама *природа*. Природоцентризм характеризует скептическое отношение к гуманистическим ценностям, согласно которым человек – это «венец природы». Скорее, человек – это иррациональное, разрушительное существо, осуществляющее множественные акты насилия над всей живой и неживой материей. Соответственно, необходимо критически переосмыслить все те достижения человеческой цивилизации, которые ранее считались незыблемыми. Природоцентризм ставит в центр внимания саму *эволюционирующую материю* в ее устремленности к жизни и разнообразию форм бытия. Различные экотеррористические акции энвайронменталистов – примеры социальных действий, вызванных следованием природоцентрическим установкам. Дело может доходить до поджогов, взрывов и экономических диверсий, наносящих ущерб в миллионы долларов, а то и вовсе приводящих к смерти невинных людей (см., например, деятельность «Фронта освобождения Земли» (Earth Liberation Front, ELF)). Однако «индивидуальными» «подрывными» акциями дело отнюдь не исчерпывается. Можно пытаться изменить само человеческое общество, осуществляя деконструкцию «гуманистических» мифов о человеке как «рациональном поработителе» природы. Человек – это не централизованная «монада», а «сборка», место пересечения дискурсов, совокупность материальных и нематериальных связей, теряющихся в пучине «релятивностей». Это как раз то, о чем повествуют сторонники идеи «постгуманизма» (и зарождающегося на почве постмодернизма философского направления, которое сегодня обозначают как «новые материализмы» (см. Braidotti, 2013; Haraway, 1991 и др.).

Существуют и «религиозные» дискурсы, выступающие за полное уничтожение человечества или в лучшем случае – за радикальное сокращение чело-

веческой популяции. К примеру, в Бостоне (Массачусетс) имеет место быть так называемая Церковь Эвтаназии, основанная Крисом Корда и Кимом (Робертом Кимберком). Как указано на веб-сайте церкви (<https://www.churchofeuthanasia.org/>), это «некоммерческий образовательный фонд, посвященный восстановлению баланса между людьми и остальными видами на Земле». Члены этой организации утверждают, что это может превратиться в реальность только путем массового добровольного сокращения популяции. Основной лозунг церкви «Спаси планету, убей себя», а основополагающая идеология изложена в заповеди «Не роди» и четырех основных столпах: самоубийство, аборт, каннибализм и содомия («любой половой акт, не предназначенный для продолжения рода»). Или, например, деятельность Движения добровольного вымирания человека (VHEMT), которое призывает всех людей воздерживаться от воспроизводства, чтобы вызвать постепенное добровольное вымирание человечества.



Рисунок 1 – Акции в пользу «добровольного вымирания»

Соответственно, идея технологического изменения природы человека приобретает новый окрас в дискурсах природоцентризма. Человек с помощью

технологий может быть «минимизирован», сведен к чему-то вроде концентрированного сознания на цифровом носителе, функционирование которого не мешает существовать остальным формам жизни. Допустим и более «радикальный» вариант, который как раз соответствует *натуралистическому природоцентризму*. Человек должен перестать считать себя конечным пунктом эволюции. Скорее его «промежуточная» роль заключается в создании более прогрессивного элемента, который подхватит эволюционное лидерство и продолжит большое дело Природы. Хотят этого отдельные люди или нет, выход эволюции за пределы человечества неизбежен. Например, таким следующим этапом эволюции может быть сверхмогущественный искусственный интеллект или сверхсущество, которое обладает таким интеллектом (а то и целая раса сверхсуществ).

Заключение

Итак, какой вывод можно сделать из вышесказанного? Прежде всего, стоит отметить, что не следует говорить о трансгуманизме как о философской концепции или направлении. Можно сказать, что лучше осторожно относиться к самим терминам «трансгуманизм» или «постгуманизм» в силу их привязки к термину «гуманизм». Тем более, что существует некоторая путаница в их употреблении, когда они то выступают в качестве синонимов, то определяются как диаметрально противоположные этические позиции («антропоцентрический» трансгуманизм и «анти-гуманистический» постгуманизм). Напротив, фактически существует большое количество этических позиций (отмечу, что многие из них уже относительно старые), утверждающих те или иные ценности в качестве высших и высказывающихся об основных условиях их достижения. В настоящей статье я попытался обрисовать возможный принцип классификации этих дискурсов по двум критериям: «ориентир высших ценностей» и «основное условие реализации высших ценностей». Разумеется, это только определенный «логический каркас», абстрактная «модель», которая как я полагаю, может облегчить навигацию по очень разнообразному и сложному интеллектуальному пространству, в котором фигурируют дискурсы о технологиях изменения природы человека. Более того, речь шла скорее об этических «оптиках», а не о конечных, «завершенных» этических позициях-высказываниях по тем или иным вопросам. Отмечу, что каждая из представленных 16 «оптик» позволяет как принимать, так и отрицать технологии изменения природы человека, причем опираясь практически на одни и те же базовые аргументы. К примеру, мы можем считать генную инженерию человека способом достичь индивидуального процветания (индивидуалистический антропоцентризм), однако мы также можем рассмотреть в ней угрозу индивидуальным свободам (смогут ли генетически трансформированные дети отказаться от того, что им «навязжут» их создатели?). Обращение к трансцендентному также порождает две диаметрально противоположные позиции: многие верующие люди, к примеру, считают человека изначально греховным, «падшим» созданием, которому не стоит доверять «дело Бога», и вряд ли они разделят энтузиазм многих современных богословов, которые поддерживают идею «улучшения» человека, хоть и со многими «но». В какую ячейку из представленной таблицы мы не заглянем, везде можно найти аргументы «за» и «против». Соответственно, есть сама идея изменения при-

роды человека, есть сами объективные возможности, которые открывают перед человечеством наука и технологии. Как эта перспектива будет «преломлена» в «социальном воображаемом», зависит от этических «оптик» и конкретных ситуационных аргументов, взвешивающих все «за» и «против».

Список литературы

1. Максимов, Г. (2011, 1 августа). Конфуцианство как религия. *Богослов. RU*. Взято с <https://bogoslov.ru/article/1875775>
2. Ницше, Ф. (2011). *Воля к власти*. М.: Азбука-Аттикус.
3. Отгуа, Ж. (2014). Трансгуманизм – это гуманизм? *Человек*, 6, 46–53.
4. Романенко, М. В. (2019, 5 ноября). *Богостроительство*. Взято с <http://lunacharsky.newgod.su/issledovania/bogostroitelstvo/>
5. Тейлор, Ч. (2017). *Секулярный век*. М.: ББИ.
6. Тейяр де Шарден, П. (2002). *Феномен человека: Сб. очерков и эссе*. М.: ООО «Издательство АСТ».
7. Торчинов, Е. (2017). *Путь золота и киновари. Даосские практики в исследованиях и переводах*. СПб.: Пальмира.
8. Федоров, Н. Ф. (1995). Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т. е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства. Записка от неученых к ученым, духовным и светским, к верующим и неверующим. В Н. Ф. Федоров, *Сочинения* (Т. 1). М.: Прогресс.
9. Харари, Ю. Н. (2016). *Sapiens: Краткая история человечества*. М.: Синдбад.
10. Bailey, R. (2005). *Liberation Biology: The Scientific and Moral Case for the Biotech Revolution*. Amherst (New York): Prometheus Books.
11. Barad, K. (2003). Posthumanist Performativity: Toward An Understanding of How Matter Comes to Matter. *Signs Journal of Women in Culture and Society*, 28(3), 801–831. doi: 10.1086/345321
12. Bostrom, N. (2016). *Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies*. Oxford: Oxford University Press.
13. Braidotti, R. (2013). *The Posthuman*. Cambridge: Polity Press.
14. Cole-Turner, R. (2017) Christian Transhumanism. In T.J. Trothen, & C. Mercer (Eds.), *Religion and Human Enhancement, Palgrave Studies in the Future of Humanity and its Successors* (pp. 35–47). Coventry, UK: University of Warwick. doi: 10.1007/978-3-319-62488-4_3
15. Conde, A., & Javier, S. (2018). ¿Es posible un transhumanismo marxista? *Eikasía – Revista de Filosofía*, 82, 47–86.
16. Ferrando, F. (2003). Posthumanism, Transhumanism, Antihumanism, Metahumanism and New Materialisms: Differents and Relations. *Existenz*, 8(2), 26–32.
17. Haraway, D. (1991). *Simians, Cyborgs and Women: the Reinvention of Nature*. London: Free Association.
18. Kurzweil, R. (2005). *The Singularity is Near*. New York, NY: Viking Books.

19. Liao, S.M., Sandberg A., & Roache R. (2012). *Human Engineering and Climate Change*. Routledge Print. Retrieved from <http://www.smatthewliao.com/wp-content/uploads/2012/02/HEandClimateChange.pdf>

References

1. Nietzsche, F.W. (2011). *Volja k vlasti* [The will to power]. Moscow: Azbuka-Attikus.
2. Taylor, Ch. (2017). *Sekuljarnyjve* [Secular age]. Moskva: BBI.
3. Teilhard de Chardin, P. (2002). *Fenomen cheloveka: Sb. ocherkoviesse* [The phenomenon of man]. Moscow: ACT.
4. Torchinov, E. (2017). *Put' zolota i kinovari. Daosskie praktiki v issledovaniakh i perevodakh* [The path of Gold and cinnabar. Taoist practices in research and translation]. S-Pb: Pal'mira.
5. Fedorov, N.F. (1995). Vopros o bratstve, ili rodstve, o prichinakh nebratskogo, nerodstvennogo, t.e. nemirnogo, sostoianiiia mira i o sredstvakh k vosstanovleniiu rodstva. Zapiska ot neuchenykh k uchenym, dukhovnym i svetskim, k veruiushchim i neveruiushchim [To the question of brotherhood or kinship, on the reasons for non-brotherly, unrelated, i.e. non-peaceful state of the world and on the means restoring relationships]. In N.F. Fedorov, *Sochinenija* (Vol. 1). Moscow: Progress.
6. Harari, Y.N. (2016). *Sapiens: Kratkaia istoriia chelovechestva* [Sapiens: A brief history of humankind]. Moscow: Sindbad.
7. Bailey, R. (2005). *Liberation Biology: The Scientific and Moral Case for the Biotech Revolution*. Amherst (New York): Prometheus Books.
8. Barad, K. (2003). Posthumanist Performativity: Toward An Understanding of How Matter Comes to Matter. *Signs Journal of Women in Culture and Society*, 28(3), 801–831. doi: 10.1086/345321
9. Bostrom, N. (2016). *Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies*. Oxford: Oxford University Press.
10. Braidotti, R. (2013). *The Posthuman*. Cambridge: Polity Press.
11. Cole-Turner, R. (2017). Christian Transhumanism. In T.J. Trothen, & C. Mercer (Eds.), *Religion and Human Enhancement, Palgrave Studies in the Future of Humanity and its Successors* (pp. 35–47). Coventry, UK: University of Warwick. doi: 10.1007/978-3-319-62488-4_3
12. Conde, A. & Javier, S. (2018). ¿Es posible un transhumanismo marxista? *Eikasía – Revista de Filosofía*, 82, 47–86.
13. Ferrando, F. (2003). Posthumanism, Transhumanism, Antihumanism, Metahumanism and New Materialisms: Differents and Relations. *Existenz*, 8(2), 26–32.
14. Haraway, D. (1991). *Simians, Cyborgs and Women: the Reinvention of Nature*. London: Free Association.
15. Kurzweil, R. (2005). *The Singularity is Near*. New York, NY: Viking Books.
16. Liao, S.M., Sandberg A., & Roache R. (2012). *Human Engineering and Climate Change*. Routledge Print. Retrieved from <http://www.smatthewliao.com>

com/wp-content/uploads/2012/02/HEandClimateChange.pdf

17. Maksimov, G. (2011, August 1). *Konfutsianstvo kak religii* [Confucianism as a religion]. *Bogoslov.RU*. Retrieved from <https://bogoslav.ru/article/1875775>

18. Romanenko, M. V. (2019, November 5). *Bogostroitel'stvo* [God-building]. Retrieved from <http://lunacharsky.newgod.su/issledovania/bogostroitelstvo/>

19. Hottois, G. (2014). Transgumanizm – e'to gumanizm? [Is transhumanism humanism?]. *Chelovek*, 6, 46–53.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЕДИАДИСКУРС: ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА



Русакова Ольга Фредовна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
заведующая отделом философии,
доктор политических наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
ORCID: 0000-0001-6920-2549,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru



Курильченко Сергей Сергеевич,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
аспирант,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: s.kurilchenko@list.ru

Статья поступила в редакцию 11.11.2019, принята к публикации 10.02.2020

Для цитирования: Русакова О.Ф., Курильченко С.С. Политический медиадискурс: вопросы теоретико-методологического и регионального анализа // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2019. № 4 (37). С. 28–48. doi: 10.24411/1817-9568-2019-10402

Аннотация

Статья посвящена вопросам теоретико-методологического и регионального анализа политического медиадискурса как агента политической коммуникации. Отмечается, что участие политического медиадискурса в производстве социально значимых медиаэффектов, связанных с переформатированием массового сознания, неизбежно приводит к усилению внимания научной и медийной общественности к проблематике его теоретико-методологических исследований. В статье дается краткий обзор ключевых зарубежных и отечественных работ, посвященных разработке теории и методологии изучения политического медиадискурса. Предпринимается попытка методологического синтеза трех подходов к осмыслению политического

медиадискурса, а именно – кратологического, структурно-коммуникативного и медиатехнологического, рассматриваются их базовые черты, структурно-тематические единицы и концептуальные пересечения смысловых полей данных подходов. Авторы утверждают, что кратологический подход (рассмотрение медиадискурса как агента и ресурса политической власти) является философской и теоретико-методологической базой для понимания сущности и форм реализации политической коммуникации, которая раскрывается в своем структурном и технологическом разнообразии посредством применения двух остальных подходов.

В заключительном разделе настоящей статьи на основе применения медиатехнологического подхода к изучению регионального политического медиадискурса дается анализ медиаэффектов и конкретных форм их воплощения (журналистских штампов), источниками которых выступал ряд СМИ Свердловской области, действующих в течение определенного временного периода, а именно с сентября 2018 по сентябрь 2019 г.

На основе проведенных исследований был сделан вывод о том, что суждение о способности медиа к формированию регионального политического медиадискурса преувеличено и нуждается в корректировке.

Ключевые слова:

политический медиадискурс, кратологический подход, структурно-коммуникативный подход, медиатехнологический подход, медиаэффекты, региональный политический медиадискурс, журналистские штампы.

UDC 327+81.27

DOI: 10.24411/1817-9568-2019-10402

POLITICAL MEDIA DISCOURSE: ISSUES OF THEORETIC-METHODOLOGICAL AND REGIONAL ANALYSIS

Rusakova Olga Fredovna,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Head of the Department of Philosophy,
Doctor of Political Sciences, Professor,
Ekaterinburg, Russia,
ORCID: 0000-0001-6920-2549,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Kurilchenko Sergey Sergeevich,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
graduate student,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: s.kurilchenko@list.ru

Article received on November 11, 2019, accepted on February 10, 2020

To cite this article: Rusakova O.F., & Kurilchenko S.S. (2019). Politicheskij mediadiskurs: voprosy teoretiko-metodologicheskogo i regional'nogo analiza [Political Media Discourse: Issues of Theoretic-Methodological and Regional Analysis]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 4(37), 28-48. doi: 10.24411/1817-9568-2019-10402

Abstract

The article is devoted to theoretic-methodological and regional analysis of political media discourse as an actor of political communication. It is noted that the participation of the political media discourse in the production of socially significant media effects related to the transformation of mass consciousness leads to increased attention of the scientific and media community to the problems of its theoretical and methodological research. The article provides an overview of key foreign and domestic works on the development of the theory and methodology of studying political media discourse. An attempt is made to methodologically synthesize three approaches to understanding the political media discourse, namely, cratological, structural-communicative and media-technological, their basic features, structural-thematic units and conceptual intersections of the semantic fields of these approaches are considered. The authors argue that the cratological approach (considering the media discourse as an actor and resource of political power) is a philosophical and theoretical and methodological basis for understanding the essence and forms of political communication, which is revealed in its structural and technological diversity through the application of the other two approaches.

In the final section of this article, based on the application of a media- technological approach to the study of regional political media discourse, an analysis is made of media effects and specific forms of their implementation (journalistic stamps), the sources of which were a number of Sverdlovsk region mass media operating over a certain time period, namely, from September 2018 to September 2019.

Based on the studies, it was concluded that the judgment on the ability of the media to form a regional political media discourse is exaggerated and needs to be adjusted.

Keywords:

political media discourse, cratological approach, structural-communicative approach, media-technological approach, media effects, regional political media discourse, journalistic stamps.

Введение

Изучение места и роли медиаресурсов и медиатехнологий в развитии массовых коммуникаций выступает одной из актуальных задач современных гуманитарных исследований. В условиях медиатизации и цифровизации всех сфер общественной жизни возрастает влияние медийных продуктов и видов деятельности на массовое сознание. Процесс распространения медиатехнологий и медиамышления в политической сфере приводит к формированию

специфических видов синтеза и способов взаимодействия политики и массмедиа. Диффузия политической и медийной областей выступает сегодня предметом специальных исследований, в рамках которых возникает новая система понятий, появляются такие категории, как «медиакратия», «медиагизация политики», «политический медиадискурс». Политический медиадискурс выступает важнейшим агентом политической коммуникации в целом. Он играет активную роль в формировании политической идентичности граждан, в осуществлении их политической мобилизации, оказывает существенное влияние на формы и способы их политического участия, на процессы обострения и разрешения политических конфликтов. Политический медиадискурс – неперемный участник процесса государственного управления, децентрализованного гражданского участия в рамках цифрового и открытого правительства. Он является важным компонентом стратегий и практик мягкой силы многих стран. Политический медиадискурс – это носитель определенных ценностных установок, он играет важную роль в обеспечении информационной безопасности страны, продвижении ее национальных интересов.

Разнонаправленное активное участие политического медиадискурса в развитии современных социально-коммуникационных и информационных процессов неизбежно приводит к усилению академического интереса к данному феномену. В научных гуманитарных кругах актуализируется исследовательская проблематика, связанная с изучением современных теоретико-методологических подходов к анализу политического медиадискурса, к его разнообразным видам, формам и функциям. Выступая одним из ведущих коммуникативных ресурсов современного политического процесса, политический медиадискурс обладает способностью проектирования и форматирования массового сознания, виртуального конструирования политической реальности, формирования социально значимых и ценностно-ориентированных медиаобразов, фильтрации и ранжирования информации. Он является одновременно носителем и инструментом реализации медиатехнологий, способом производства политически востребованных имиджей и стратегических медиа-эффектов (Русакова, Русаков, 2017).

В настоящее время в недрах современного политического медиадискурса стали часто возникать и набирать когнитивную эффективность такие новообразования, как фейк-дискурс, дискурс постправды, дискурс постпамяти. Последний связан с процессом переинтерпретации прошлого в зависимости от установок политической конъюнктуры. Специальные исследования теоретико-методологических основ изучения политического медиадискурса, включая анализ его разнообразных форм и современных медиатехнологий, могут существенно расширить представления о методах ведения современных информационных войн, привести к дальнейшей актуализации проблематики обеспечения информационной безопасности государств.

Теоретико-методологические основы изучения политического медиадискурса

В гуманитарных науках ключевой вехой в разработке теоретико-методологических основ изучения политического медиадискурса стал выход в свет работы Н. Фэркло «Медиадискурс» (Fairclough, 1995). В ней подробно

анализируются теоретико-методологические подходы к изучению медиадискурса, основанные на изучении, главным образом, медиатекстов: лингвистический, социолингвистический, семиотический, критико-лингвистический, социокогнитивный; семиотический, критический дискурс-анализ. В заключительном разделе своей работы автор непосредственно обращается к рассмотрению политического дискурса, транслируемого каналами медиа (Fairclough, 1995). Понятие «политический медиадискурс» в качестве самостоятельной категории Фэркло не рассматривает. Вместе с тем, он вводит в оборот термин «медиатизация политического дискурса» (Fairclough, 1995, p. 196) и подчеркивает процесс соединения в данном виде дискурса способов образования дискурса как такового («порядок дискурса») и способов образования политических систем и коммуникаций («политический порядок»).

Теоретико-методологический анализ собственно политического медиадискурса стал предметом специальных академических исследований сравнительно недавно. Первоначально его изучение проходило в рамках исследований, посвященных либо общей теории дискурса и дискурс-анализа, либо теории политического дискурса, либо теории массовых и политических коммуникаций. Одной из первых фундаментальных работ, посвященных теории политического дискурса, стала работа под редакцией Пола Чилтона и Кристины Шаффнер (Chilton, Schaffner, 2002). В ней рассматривались общие принципы изучения политического дискурса, особенности парламентского дискурса, проблемы идентичности и социального признания в дискурсе политических разговоров и текстов. Медийные же аспекты политического дискурса были вынесены за скобки.

Существенный вклад в изучение теоретико-методологических подходов (в первую очередь пост-структуралистского) к изучению политического дискурса как такового, а также некоторых медийных форм его проявления, внесла работа Я. Торфинга (Torfing, 1999). Согласно автору, в основе постмодернистской трактовки дискурса лежат концепты «власть», «гегемония», «социальный антагонизм», присущие политическим дискурсам в целом. В отдельных разделах своей работы Торфинг раскрывает особенности политического дискурса национализма, расизма, либерализма, коммунитаризма и иных политических течений. К анализу массмедийных видов политического дискурса он обращается исключительно в контексте проблемы влияния высоких технологий и инноваций массовой культуры на поддержание определенного порядка социального контроля и гегемонии со стороны определенных социальных групп (Torfing, 1999, p. 224).

Среди первых зарубежных исследований, совершивших поворот в сторону теоретико-методологического анализа процесса медиатизации политики, необходимо назвать коллективную монографию «Коммуникация и гражданство: журналистика и публичное пространство новых медиа» (Dahlgren & Sparks, 1991). Работа вышла по следам Коллоквиума, проведенного в мае 1989 года на базе Межуниверситетского Центра в Дубровнике при поддержке Департамента Журналистики, Медиа и Коммуникаций Стокгольмского университета. В фокусе внимания авторов – теория коммуникативного действия и публичной политики Юргена Хабермаса, которая рассматривается исследователями как система взаимодействия различных акторов, формирующих общественное мнение и производящих трансформации политических структур. В работе в качестве

одного из важнейших коммуникативных акторов эпохи медиатизации общества называется журналистика. Проблемы медиатизации политики анализируются в контексте вопросов демократизации общественной жизни посредством новых медиа.

В 2005 г. под редакцией Дэвида Ховарда и Якоба Торфинга была опубликована коллективная монография «Теория дискурса в европейской политике» (Howard & Torfing, 2005). Там в разделе «Теория дискурса: достижения, аргументы и вызовы» («Discourse Theory: Achievements, Arguments, and Challenges») Торфинг, определяя перспективные направления развития теории политического дискурса, обращает свое внимание на возможность появления новой теории политического дискурса, в которой, по его словам, постструктуралистская концепция дискурса М. Фуко соединится с теорией дискурса политической журналистики (Howard & Torfing, 2005, p. 30). Данный вывод вплотную подводит автора к необходимости обращения к понятию «политический медиадискурс».

Процесс дальнейшего изучения политического медиадискурса связан с разработкой собственно теории медиатизации политики как самостоятельного исследовательского направления. Из зарубежных источников, посвященных данной теме, выделим следующие: МакДональд М. «Исследуя медиадискурс» (MacDonald, 2003); Карпентьер Н., Деклин Б. «Внедрение теории дискурса в медиа-исследования. Применение теоретического анализа дискурса (ТАД) к изучению медиа практик и дискурсов» (Carpentier & De Cleen, 2007); Талбот М. «Медиадискурс. Репрезентация и Интеракция» (Talbot, 2007); «Политический дискурс в медиа: кросскультурные перспективы» под редакцией А. Фетзери, Г.Е. Лорбах (Fetzer, Lauerbach, 2007); Кепплингер Х. «Медиатизация политики» (Kerplinger, 2008). Важно также отметить, что за рубежом широкую исследовательскую и издательскую деятельность в области изучения медиадискурса осуществляет Медиа Дискурс Центр – The Media Discourse Centre (MDC).

В отечественных исследованиях проблемы теоретико-методологического анализа политического медиадискурса и процесса медиатизации политики получили свою фундаментальную разработку в работах М. Р. Желтухиной (Желтухина, 2003), А. Б. Бушева (Бушев, 2016), Л. Н. Синельниковой (Синельникова, 2015), Е. И. Ишменева (Ишменев, 2012), М. В. Ильина (Ильин, 2015), в коллективных монографиях, опубликованных под редакцией Л. Н. Тимофеевой (Тимофеева, 2012), Е. А. Кожемякина и А. В. Полонского (Кожемякин, Полонский, 2016), Т. В. Дубровской (Дубровская, 2017).

В последнее время в России растет число диссертационных исследований, посвященных анализу теоретико-методологических и коммуникативных проблем, связанных с изучением политического медиадискурса. Среди них выделим диссертации Воробьевой Ю. И. (Воробьева, 2013), Гарбузник А. Ю. (Гарбузник, 2015), Тумановой Г. А. (Туманова, 2015), Курушкина С. В. (Курушкин, 2017), Пастуховой О. Д. (Пастухова, 2019).

В диссертации Ю. В. Воробьевой представлен теоретико-методологический анализ политического медиадискурса с позиции коммуникативно-прагматического подхода, рассматривается кратологическая функция политического медиадискурса, направленная на легитимацию власти. Диссертация Гарбузник А. Ю. посвящена изучению производства медиаэффектов, создаваемых политическим медиадискурсом, в частности, таких его форм, как установление информации

онной повестки дня, прайминг и фрейминг. Научная значимость диссертации С. В. Курушкина состоит в осуществлении теоретико-методологического анализа ценностных структур политического медиадискурса, на основании применения аксиологического подхода рассматривается такой его компонент, как триггер – механизм активации определенного оценочного сценария. В диссертации О. Д. Пастуховой рассматриваются процедуры эвфемизации и хеджирования в качестве значимых компонентов политического медиадискурса.

Вместе с тем заметим, что основную массу работ, посвященных анализу политического медиадискурса, составляют исследования, в которых главное внимание сконцентрировано на изучении процедур создания конкретных жанров политических медиатекстов, конкретных медийных инструментов и технологий, используемых в политико-дискурсивных практиках (Statham, 1996; Володина М. Н., 2011; Матисон, 2013; Нестерова, 2009).

В отдельный ряд можно выделить работы, посвященные анализу образной (имиджевой) составляющей политического медиадискурса, т. е. изучению конкретных видов политического медиаобраза (Власян, 2019; Желтухина, 2016; Озюменко, 2017; Шевцова, 2015).

Отметим также, что целый ряд теоретико-методологических подходов к изучению политического медиадискурса был разработан в работах Русаковой О. Ф. (Русакова, 2008, 2011, 2013, 2018; Русакова, Грибовод, 2014; Русакова, Русаков, 2016).

Основной вывод, который нами делается на основе анализа представленных работ, можно свести к следующим умозаключениям: современное состояние исследований в области анализа политического медиадискурса свидетельствует о том, что в рамках различных гуманитарных наук (политические науки, лингвистика, теория журналистики, теория коммуникации, теория масс-медиа и др.) сложились определенные исследовательские направления, связанные с доминантным применением тех или иных методов дискурс-анализа. Наиболее широко используются лингвистические и постструктуралистские методы дискурс-анализа, методы критического дискурс-анализа. Происходит также овладение в процессе изучения политического медиадискурса методами коммуникативного и аксиологического (ценностного) дискурс-анализа. Вместе с тем попытки интеграции или методологического синтеза разнообразных методов и теорий дискурс-анализа при изучении политического медиадискурса встречаются крайне редко. Следует также отметить, что существует определенный методологический разрыв между общетеоретическими исследованиями политического медиадискурса и исследованиями прикладной направленности, изучающими конкретные жанры и медиатехнологии политического дискурс-анализа. В рамках прикладных исследований, как правило, основное внимание уделяется инструментально-технологическим аспектам функционирования политического медиадискурса, анализу конкретных методов ментального конструирования политической картины мира посредством определенных приемов создания информационно-политического медиатекста (медиапрайминг, медиафрейминг и др.).

В связи с вышесказанным нами предпринимается попытка конструирования некой синтетической модели, объединяющей в одну целостную систему различные научные подходы к анализу политического медиадискурса.

Кратологический, структурно-коммуникативный и медиатехнологический подходы к анализу политического медиадискурса

В настоящем разделе при анализе политического медиадискурса мы принимаем попытку синтеза трех существующих методологических подходов к пониманию сути данного феномена, а именно кратологического, структурно-коммуникативного и медиатехнологического подходов.

Рассмотрим далее в общих чертах суть каждого из названных подходов.

Кратологический подход к пониманию политического медиадискурса

С точки зрения кратологического подхода политический медиадискурс представляет собой властный ресурс, функционирующий в политической среде и производящий виртуальную политическую продукцию (Русакова, Грибовод, 2014, с. 66). Медиадискурс формирует представления публики о политических событиях, ранжирует политические факты по определенным шкалам их социальной значимости, предоставляет обществу идеологические, когнитивные и аналитические услуги в виде интерпретаций, комментариев, рационального и эмоционально-образного осмысления политических реалий (Там же). С расширением информационно-политического пространства властный потенциал политического медиадискурса существенно возрастает: «Обладая силой виртуализации политической реальности, медиадискурс превращает политику в символический идеологический конструкт. Сконструированная медиадискурсом виртуальная картина политической реальности представляет собой политическую медиареальность, которая включена в символическое поле политики и оказывает существенное воздействие на политическое сознание граждан» (Грибовод, 2013; Русакова, Грибовод, 2014, с. 67).

Между агональными политическими медиадискурсами ведется напряженная борьба за доминирование определенных способов означивания политических явлений, за утверждение в массовом сознании тех или иных политических медиаобразов происходящих событий. В современных медиа войнах побеждают те дискурсы, которым удается превратить собственную интерпретационную версию политических событий в общераспространенную и общепринятую. При этом часто используются манипулятивные технологии, связанные с производством фейк-дискурсов, дискурсов постправды и постпамяти. Яркими примерами противоборства данного рода могут служить официальные политические медиадискурсы, производимые украинскими и российскими СМИ в отношении таких фактов, как Евромайдан, присоединение Крыма к Российской Федерации, вооруженный конфликт на Донбассе (Русакова, Русаков, 2019).

Базовой концептуальной основой кратологической модели политического медиадискурса выступает оппозиция «свой-чужой». Медиадискурс в данном случае является посредником процесса завоевания политического доверия у публики, привлекая её на сторону «своих» и настраивая против «чужих». При этом используются такие технологии, как дискредитация «чужих» и героизация «своих». В условиях обострения информационного противоборства происходит

трансформация «чужих» в образ «врага», а политический медиадискурс превращается в дискурс вражды (Фурсов, 2018).

Кроме того, следует отметить, что кратологический подход к осмыслению сущности политического медиадискурса предполагает непосредственное включение его смыслообразующих составляющих в символическое пространство политических идеологий. Дело в том, что практически любой политический медиадискурс является идеологически насыщенным, то есть репрезентирует ту или иную идеологическую интенцию, выступая тем самым носителем определенных идеологических ценностей. О тотальной идеологичности политического медиадискурса говорит в своих работах Тён А. ван Дейк (Ван Дейк, 2013). Согласно Ван Дейку, понятие идеологии является ключевым для размышлений о роли дискурса в реализации или легитимизации власти. Он считает, что медиадискурсу принадлежит особая роль в воспроизводстве идеологии как выражении групповых интересов и в идеологических трансформациях. Дискурс властной элиты, по мнению Ван Дейка, принципиально идеологичен, поскольку именно политическим элитам принадлежит функция формирования и воспроизводства общественных мнений и оценок посредством СМИ. Символические элиты, контролирующие стиль и содержание медийного дискурса, отмечает автор, частично контролируют также способы воздействия, а значит и идеологическое воспроизводство общества (Ван Дейк, 2013, с. 56). В качестве наглядного примера идеологически окрашенного политического медиадискурса выступает конфронтационный дискурс, развернувшийся в американских СМИ между сторонниками и противниками будущего президента США Дональда Трампа (Бисимбаев, 2019).

Структурно-коммуникативный подход к изучению политического медиадискурса

С точки зрения структурно-коммуникативного подхода политический медиадискурс – это определенная система структурно оформленных коммуникативных планов, а именно – интенционального, актуального, виртуального, контекстуального, психологического и осадочного (Русакова, 2018; Русакова, Русаков, 2011).

Интенциональный план политического медиадискурса – это совокупность основных элементов коммуникативного проекта, которые обеспечивают его продвижение от замысла к непосредственному воплощению. К ним относятся: идеи, замыслы мотивы; элементы стратегического планирования; элементы ресурсного обеспечения проекта; элементы моделирования адресной аудитории и барьеров публичной коммуникации.

Актуальный план политического медиадискурса или перформанса – это процессуальный коммуникативный акт, живая дискурсивная практика, включающая использование как вербальных, так и невербальных (визуально-образных, графических, аудиальных и др.) форм коммуникации. В рамках данного плана осуществляется прямая трансляция и презентация коммуникативного проекта, включаются следующие властные функции политического медиадискурса: овладение вниманием целевой аудитории; вовлечение адресата в коммуникацию; заражение адресата идеями и чувствами; убеждение, внушение, идеологическая

обработка публики; управление интеракцией, включающее провоцирование ответной реакции адресата, изначально заложенной в коммуникативном проекте. В целом актуальный план предполагает реализацию следующих коммуникативных стратегий: коммуникативно-вовлекающая; информирующая; соблазняющая; убеждающая; эмоционально-возбуждающая; воодушевляющая; развлекающая; ментально-преобразующая; имиджирующая; мобилизующая (Русакова, Русаков, 2011, с. 119–120).

Основными элементами усиления вербального воздействия на адресат и реализации функции управления впечатлениями от производимой коммуникации выступают фигуры и тропы речи, к которым, к примеру, относятся метафоры, эвфемизмы, хештеги и др.

Виртуальный план политического медиадискурса – это ментальный механизм, осуществляющий кодирование и декодирование смыслов, передаваемых посредством политического медиадискурса. Центральным элементом данного плана является смысловой пакет, представляющий собой ценностное ядро медиа-сообщения. В своем виртуальном измерении политический медиадискурс представляет собой процедуру герменевтической коммуникации, в процессе которой осуществляются следующие операции: операция «трансплантации» смыслового пакета медиа-сообщения в массовое сознание, связанное с преодолением определенных барьеров коммуникации; операция фильтрации реципиентом поступающих к нему смысловых единиц; операция ментального усвоения (полное или частичное) смыслового пакета целевой аудиторией (проверяется степенью адекватности или неадекватности откликов на медиа-сообщение) (Русакова, Русаков, 2011, с. 135). В содержательном плане виртуальный план политического медиадискурса включает следующие процедуры ментального воздействия на массовую аудиторию: способы означивания и оценки феноменов политической реальности (символизация и аксиологизация); способы интерпретации политических событий; способы идентификации и позиционирования политических явлений (Русакова, Русаков, 2011, с. 140). Одним из ключевых концептов, лежащих в основе данных процедур, является концепт политики памяти, на базе которого осуществляется стратегический план отношения к прошлому, разрабатываемый и осуществляемый политическими институтами общества (Грибовод, Ковба, Моисеенко, 2019). Данный план предполагает включение в массмедийное пространство определенных способов обозначения и интерпретации прошлого, выполняющих функцию ментального конструирования и переозначивания исторических событий и явлений.

Контекстуальный план политического медиадискурса раскрывается посредством подключения к анализу медиатекстов предполагаемых у адресата необходимых знаний, ментального и профессионального опыта и навыков, посредством которых он способен осуществлять дальнейшее смысловое декодирование медиа-посланий. Погружение в контекст политического медиадискурса означает выявление новых смысловых пластов, которые скрыты от непосвященного взора.

Контекстуальный план информационно-политических изданий – это, по сути, текстуально неартикулированные смыслы медиа-послания, которые, тем не менее, вполне прочитываются искушенными в политике и идеологии людьми. Кроме того, в процедуру раскрытия контекстуального плана политического медиадискурса входят имеющиеся у публики определенные знания об идейно-

политических и ценностных предпочтениях его редколлегии и авторского коллектива. В целом можно выделить следующие разновидности контекстов медийной информации: контекст места действия события; сценографический контекст (исполнительское решение новостного коммуникативного проекта); контекст основного медийного сообщения (исторический, культурологический, экономический, социальный и др.) (Русакова, Русаков, 2011, с. 161).

Психологический план политического медиадискурса пронизывает все его структурные пласты, поскольку представляет собой эмоциональный заряд, который несут в себе буквально все, взятые в целом, компоненты данного дискурса – от стратегического замысла до выявленных через разнообразные контексты смысловые единицы медиа-сообщения. Эмоциональный пласт политического медиадискурса наиболее интенсивно представлен в его символически-образном воплощении, в котором основное предпочтение уделяется не столько логической аргументации, сколько чувственно-возбуждающим медиаобразам. Уровень эмоционального воздействия медиаисточника также существенно возрастает, когда предметом медиа-обсуждения становятся вопросы, вызывающие существенные расхождения во мнениях у граждан той или иной страны. В этой связи можно, в частности, говорить о высокой степени эмоциональной заряженности для жителей Великобритании такого широко обсуждаемого в СМИ концепта, как Brexit.

Осадочный план политического медиадискурса – это совокупность форм его «послевкусия» или эхо-эффекты, получающие свое воплощение в Интернет-лайках, перепостах, в разнообразных индексах цитирования, в медиаметрических исследованиях и рейтингах. Никуда не исчезли и традиционные формы осадочного плана политического медиадискурса. К ним можно отнести документальные кинофонды, содержащие уже известные медиаисточники, говорящие о политических событиях и персоналиях из прошлой жизни, а также – архитектурные комплексы и памятники, воздвигнутые в честь значимых политических событий и политических фигур.

На основе представленного структурно-коммуникативного анализа политического медиадискурса можно вычленить ряд его основных функций, воплощаемых конкретными планами. К ним мы относим, во-первых, функцию культурно-символической репрезентации и интерпретации политического события (представлена актуальным и осадочным планами); во-вторых, функцию смыслопорождения, идентификации и позиционирования (представлена виртуальным и контекстуальным планами); в-третьих, функцию коммуникативного и эмоционального доминирования (представлена интенциональным и психологическим планами). (Русакова, Русаков, 2011, с. 169–170).

Медиатехнологический подход к анализу политического медиадискурса

Главная задача данного подхода – ответить на следующие вопросы: какие приемы, медиатехнологии и медиатехники применяются основными производителями и промоутерами политического медиадискурса для получения требуемого результата; применение каких приемов, медиатехнологий и медиатехник является наиболее эффективным в плане успешного закрепления в массовом

сознании определенной политической картины мира, заданных политических образов и оценок явлений действительности.

В основе теоретико-методологического анализа политических медиатехнологий лежит концептуальная модель существования определенных стратегических установок внутри любого политического медиадискурса. К таковым, к примеру, относятся:

- стратегия репрезентации национальной идентичности;
- стратегия презентации политических институтов и персон;
- стратегия дискредитации политических оппонентов («чужих») и возвышение «своих»;
- стратегия ослабления коммуникативного напряжения и гармонизации общения в процессе социально-политического взаимодействия;
- информационно-интерпретативная стратегия (Туманова, 2016);
- стратегия манипуляции общественным мнением (Лопатин, 2019).

Среди ведущих медиатехнологий, направленных на реализацию основных стратегий политического медиадискурса, наиболее часто выделяют технологии праймтинга, установления повестки дня и фрейминга. В отдельную группу можно выделить вербально-невербальные приемы и технологии создания политических медиатекстов. К ним, в частности, относятся: технологии имиджирования медиаобраза политика и государства, приемы эвфемизации и хеджирования (Власян, 2019; Пастухова, 2019); манипулятивные медиатехнологии, к примеру, такие как создание и распространение новостных фейков, создание «альтернативных фактов», производство дискурсов постправды.

Выделенные нами 3 подхода к теоретико-методологическому анализу политического медиадискурса можно образно представить в виде взаимопроникающих концентрированных кругов. Самым объемным, а, следовательно, и более всего идейно насыщенным мировоззренческими установками является кратологический подход. Именно он задает общий смысл понятию «политический медиадискурс», выявляет его пересечения и взаимосвязь с близкими формами бытия (дискурс политической власти, политическая идеология, символическая политика и др.), показывает, что между разными политическими медиадискурсами ведется конкурентная борьба за доминирование в информационном пространстве. Внутри данного широкого круга логически вписывается более узкий по предмету своего исследовательского внимания структурно-коммуникативный подход.

Сфера его приложения имеет более частный характер, поскольку в нем процесс изучения политического медиадискурса разворачивается вокруг шести взаимосвязанных структурных планов, в рамках которых реализуются различные коммуникативные цели, стратегии и функции данного дискурса. Наконец, медиатехнологический подход является самым операциональным и коммуникативно-прагматичным. Проводимый на его основе анализ медиатехнологий и медиатехнологий, с одной стороны, углубляет наши представления о властной силе современных медиакоммуникаций, о способах достижения требуемого коммуникативно-стратегического медиаэффекта, а, с другой стороны, широкое использование манипулятивных медиатехнологий свидетельствует об угрозах и новых вызовах, встающих на пути достижения информационной безопасности современных стран.

Анализ регионального политического медиадискурса (на примере медиаштампов свердловских СМИ)

Известно, что большая часть значимых коммуникационных холдингов территориально расположены в центре страны – в Москве. Региональные же медиа являются своеобразной «периферией». В чем-то они ориентируются на этот центр, и даже опираются на него, а в чем-то, наоборот, противопоставляются. И эта «периферия» в силу своей географической специфики, обладает также и особой региональной идентичностью. (Русакова, Русаков, 2011, с. 55–59).

Далее перейдем непосредственно к теме региональной идентичности уральских (свердловских) СМИ.

Определенные объекты, персоны, те или иные явления, которые с регулярной периодичностью появляются в региональных СМИ, успели настолько сильно закрепиться в медийной повестке, что само их упоминание сопровождается определенными словами и фразами, то есть – идентификаторами.

Используя методологию политического дискурс-анализа, мы просмотрели сообщения наиболее цитируемых медиа Свердловской области. Критерием отбора стало положение (место) ряда СМИ в региональном рейтинге, представленном компанией «Медialogия». Основным критерием рейтингового ранжирования выступил показатель цитируемости. Чем больше прочие СМИ ссылаются на данное конкретное медиа как источник информации, тем более высокую позицию в рейтинге оно занимает.

В результате анализа рейтинговых показателей основными эмпирическими источниками изучения медиаштампов, используемых свердловскими СМИ в целях придания знаковым политическим фигурам и объектам пристального внимания новых идентификационных смыслов, стали пять наиболее цитируемых СМИ: Ura.ru, Znak.com, E1, 66.ru и Областная газета.

Предметом настоящего исследования регионального политического медиадискурса являются медиаэффекты, производимые свердловскими СМИ, которые получили свое воплощение в форме речевых штампов, вошедших в повседневный речевой обиход многих жителей г. Екатеринбург.

Основная цель проводимого нами дискурсологического исследования состоит в том, чтобы показать динамику употребления в СМИ некоторых используемых ими расхожих штампов, которые, несмотря на противоречивый характер своей ценностной нагруженности, все же способствуют формированию у жителей Свердловской области чувства региональной идентичности, а, следовательно, выполняют свою главную властно-коммуникативную функцию.

Контрольными периодами для исследования были выбраны сентябрь 2018 года, март 2019 года и сентябрь 2019 года. Соответственно, данные периоды, связанные с изменениями тематики политического медиадискурса и сменой набора журналистских штампов, охватывают целый год. Первый временной промежуток пришелся на пик избирательной кампании по выборам депутатов Екатеринбургской городской думы (9 сентября 2018 года). Второй период, напротив, не был наполнен крупными событиями. Третий пришелся на начало нового витка политических конфликтов между администрацией Екатеринбурга и частью депутатов городской думы.

В таблице 1 представлены количественные показатели упоминаемости тех или иных личностей или объектов в публикациях региональных СМИ.

Таблица 1 – Динамика идентификации знаковых объектов посредством журналистских штампов в высоко-рейтинговых СМИ Свердловской области. Источник данных: <https://www.mlg.ru/ratings/media/regional/6429/>

№	Объект идентификации	Идентификатор	Упоминания (сентябрь 2018)	Упоминания (март 2019)	Упоминания (сентябрь 2019)
1	Актриса Юлия Михалкова	«Уральская пельмешка»	16/11	3/–	1/1
2	Музыкант Александр Пантыкин	«Дедушка уральского рока»	6/2	12/8	1/1
3	Политик Владимир Тунгусов	«Серый кардинал»	141/37	16/3	13/–
4	Недействующая водонапорная башня в районе Уралмаш	«Белая башня»	8/8	15/15	4/4
5	Плотина на реке Исеть в историческом сквере Екатеринбурга	«Плотинка»	5/5	28/27	6/6
6	Сысерть	«Уральская Рублевка»	25/2	13/1	17/2
7	Верхняя Пышма	«Столица УГМК»	40/2	35/–	23/1

В первом столбце таблицы мы указали сами эти объекты. Во втором – идентификаторы, под которыми они упоминаются. В третьем, четвертом и пятом столбцах указано число упоминаний, а также число упоминаний с конкретным идентификатором.

Приведенные в таблице объекты мы разделили на три типа:

1. Медийные персоны, упоминаемые в СМИ в силу своей известности и профессиональной деятельности.

2. Локальные объекты, привязанные к конкретной пространственной и топографической константе.

3. Муниципальные образования. Муниципалитеты, расположенные на территории Свердловской области.

Результаты исследования показали, что вторая группа имеет наиболее тесную привязку к своим идентификаторам и наиболее часто упоминается в СМИ совместно с ними. Тогда как первая и третья группы – гораздо реже. Так, например, Владимир Тунгусов, в прошлом руководитель администрации

губернатора области, а также заместитель главы Екатеринбурга после ухода с должности стал фигурировать в сообщениях СМИ на порядок реже и почти совсем не упоминался в качестве «серого кардинала». Спустя год, вследствие снижения заметности его влияния на городскую политику, такое наименование исчезает совсем. Актриса шоу «Уральские пельмени» Юлия Михалкова, чья избирательная кампания в Екатеринбургскую думу активно освещалась в СМИ, спустя год почти не упоминается в медиа.

В то же самое время знаменитая «Белая башня» вообще никак иначе не упоминается. Более того, некоторые СМИ в своих сообщениях не упоминают даже изначальное функциональное предназначение этого объекта (водонапорная башня), а воспринимают её исключительно как объект. 15 упоминаний в марте и 4 в сентябре 2019 г. включали в себя идентификатор «Белая башня». Но только в 11 случаях при этом в публикациях пояснялось, что же это вообще такое. Аналогичная ситуация возникла с плотиной на реке Исеть в центре Екатеринбурга, которую в местном городском обиходе именуют не иначе как «Плотинка».

«Белая башня» и «Плотинка» достойны особого упоминания ещё и потому, что эти идентификаторы изначально зародились именно в обиходном общении. И лишь потом были заимствованы масс-медиа. Остальные же идентификаторы – «уральская пельмешка», «серый кардинал» и т. д. – были искусственно созданы и введены в оборот самими журналистами. Соотношение упоминаний в региональной прессе объекта как такового и его идентификатора хорошо показывает, что «естественные» названия более устойчивы не только в обиходном общении, но также и в массовой коммуникации, чем непосредственные новеллы журналистов. Это становится очевидно, если мы сравним, например, число упоминаний Владимира Тунгусова в сентябре 2018 года – на пике политического сезона (141 упоминание, из них 37 с идентификатором «Серый кардинал»), и спустя ровно год (13 упоминаний, из них ни одного с идентификатором).

Это даёт возможность по-новому взглянуть на множество концепций, описывающих способности медиа к созданию запоминающихся образов и формированию региональной идентичности.

Даже внутри корпоративной культуры журналистские штампы не получают массового употребления. Хотя они с регулярной периодичностью транслируются в публикациях СМИ. Можно предположить, что и среди аудитории их восприятие также находится на невысоком уровне.

Но, между тем, если мы обратимся к тем СМИ, которые не нашли отражения в рейтинге «Медиалогии», например, – к некоторым федеральным изданиям, пишущим о Свердловской области, то мы увидим, что они не обращаются к данным идентификаторам вовсе или используют их значительно реже. То есть в контексте политической медиа-коммуникации провинция очень часто воспринимается как объект. (Русакова, Русаков, 2011, с. 87–89), у неё можно заимствовать информационные поводы, но не их смысловое наполнение.

Список литературы

1. Бисимбаев, Т.Р. (2019). Противостояние Д. Трампа и CNN. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 1(34), 129–134.

2. Бушев, А.Б. (2016). *Глобальный медиадискурс и межкультурная коммуникация. Опыт дискурсивного анализа*. Изд-во: Palmarium Academic Publishing.
3. Ван Дейк, Т.А. (2013). *Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации*. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ».
4. Власян, Г.Р. (2019). Хеджирование как способ гармонизации общения в процессе социального взаимодействия *Журналистский текст в новой технологической среде: достижения и проблемы*. Челябинск: Изд-во Челябинского гос. ун-та.
5. Володина, М.Н. (Ред.). (2011). *Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке*. М.: Академический Проект.
6. Воробьева, Ю.И. (2013). *Политический медиадискурс и легитимность власти* [автореф. дис. канд. полит. наук]. Взято с <http://www.dissercat.com/content/politicheskii-mediadiskurs-i-legitimnost-vlasti#ixzz5QCLMR66c>
7. Гарбузняк, А.Ю. (2016) Интерпретация реалий политической жизни страны в повестке дня общероссийской прессы: технологические аспекты [дис. канд. филос. наук]. Взято с. <https://docplayer.ru/27645656-Garbusznyak-alina-yurevna-interpretaciya-realiy-politicheskoy-zhizni-strany-v-povestke-dnya-obshcherossiyskoy-pressy-tehnologicheskie-aspekty.html>
8. Грибовод, Е.Г. (2013). Медиадискурс. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 3(13), 118.
9. Грибовод, Е.Г., Ковба, Д.М., Моисеенко, Я.Ю. (2019). Политика национальной памяти на постсоветском пространстве: подходы и практика. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 2(35), 28–41.
10. Дубровская, Т.В. (Ред.). (2017). *Политический, юридический и массмедийный дискурс в аспекте конструирования межнациональных отношений Российской Федерации*. М.: ФЛИНТА; Наука.
11. Желтухина, М.Р. (2003). *Тропологическая суггестивность массмедиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ*. М.: Ин-т языкознания РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК.
12. Ильин, М.В. (2015). Семиотика как основа изучения языка политики и развития дискурс-анализа. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 1(18), 43–47.
13. Ишменев, Е.И. (2012). *Политический медиадискурс: теория и национальные модели*. Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи».
14. Кожемякин, Е.А., Полонский А.В. (Ред.). (2016). *Современный дискурс-анализ: повестка дня, проблематика, перспективы*. Белгород: ИД «Белгород».
15. Курушкин, С.В. (2017). *Ценностно-политический дискурс сообществ (на примерах Интернет-СМИ России)* [автореф. дис. канд. полит. наук]. Взято с <https://dissers.spbu.ru/files/dissers2/1435/aftoreferat/6mHWWtWKjK.pdf>
16. Лопатин, С.В. (2019). Политический фрейминг как стратегия манипулирования политическим сознанием. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 1(34), 68–76.
17. Матисон, Д. (2013). *Медиа-дискурс. Анализ медиа-текстов*. Харьков: Изд-во «Гуманитарный Центр».
18. Нестерова, Н.Г. (2009). Коммуникативно-прагматическая специфика

спонтанного радиодискурса. *Вестник Томского гос. ун-та. Серия Филология*, 2009 (318), 37–41.

19. Озюменко, В.И. (2017). Медийный дискурс в ситуации информационной войны: от манипуляции к агрессии. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*, 21(1), 203–220.

20. Пастухов, А.Г. (Ред.). (2015). *Дискурсы власти*. Орел: ООО «Горизонт».

21. Русакова, О.Ф. (2008). Политическая дискурсология: актуальность исследования и теоретико-методологические основания. *Известия Уральского государственного университета. Серия 3. Общественные науки. Выпуск 6*, 61, 114–121.

22. Русакова, О.Ф. (2011). Кратологическая модель дискурса соблазна. *Известия Уральского университета. Серия 3. Общественные науки*, 4(97), 135–144.

23. Русакова, О.Ф. (2013). Медиадискурс как концепт дисциплины «политическая коммуникативистика». *Науч. Ведомости Белгород. гос. ун-та. Гуманит. Науки*, 27, 150–160.

24. Русакова, О.Ф. (2018). Политический медиадискурс: опыт структурного анализа. *Взаимодействие языков и культур: материалы Международной научной конференции, 28–30 мая 2018 г. Т. 1*. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 237–240.

25. Русакова, О.Ф., Грибовод, Е.Г. (2014). Политический медиадискурс и медиатизация политики как концепты политической коммуникативистики. *Научный Ежегодник Института философии и права УрО РАН*, 14(4), 65–77.

26. Русакова, О.Ф., Русаков, В.М. (2011). *PR-дискурс: Теоретико-методологический анализ*. Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи».

27. Русакова, О.Ф., Русаков, В.М. (2016). Парадигма мобильности в современном политическом медиадискурсе. *Вопросы политологии*, 4, 79–87.

28. Русакова, О.Ф., Русаков, В.М. (2017). «Мягкая сила» дискурса политических медиаобразов: анализ стратегических эффектов. *Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки*, 12(161), 53–66.

29. Русакова, О.Ф., Русаков, В.М. (2019). Дискурс постправды как медиатехнология политики постпамяти. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 2(35), 10–27.

30. Синельникова, Л.Н. (2015). Триада: законы власти – сценарии PR-политический дискурс. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 1(18), 48–55.

31. Тимофеева, Л.Н. (Ред.). (2012). *Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика*. М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).

32. Туманова, Г.А. (2015). *Коммуникативная стратегия и особенности ее реализации в политическом дискурсе (на материале русского и немецкого языков* [дис. канд. филол. наук]. Взято с <http://www.dslib.net/sravnit-jazykoved/kommunikativnaja-strategija-ubezhdenija-i-osobennosti-ejo-realizacii-v-politicheskom.html>

33. Фурсов, К.К. (2018). Дискурс вражды масс-медиа: процесс формирования и структура теории. *Социум и власть*, 5(73), 46–56.

34. Шевцова, Д. А. (2015). От публицистического образа к медиаобразу: движение научной мысли. *Современные проблемы науки и образования*, 2–3. Взято с <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=23609>
35. Carpentier, N., & De Cleen, B. (2007). Bringing discourse theory into Media Studies. The applicability of Discourse Theoretical Analysis (DTA) for the Study of media practices and discourses. *Journal of Language and Politics*, 6(2), 265–293.
36. Chilton, P., & Schaffner C. (Eds.). (2002). *Politics as Text and Talk: analytic approach to political discourse*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
37. Dahlgren, P., & Sparks, C. (Eds.). (1991) *Communication and citizenship: journalism and the public sphere in the new media age*. N.Y.: Routledge.
38. Fairclough, N. (1995). *Media Discourse*. London: Edward Arnold.
39. Fetzer A., & Lauerbach G.E. (Eds.). (2007). *Political Discourse in the Media: Cross-cultural perspectives*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
40. Howard D., & Torfing J. (Eds.). (2005). *Theory in European Politics: Identity, Policy and Governance*. N.Y.: PALGRAVE MACMILLAN.
41. Kepplinger H. (2008). Mediatization of Politics: Theory and Data. *Journal of Communication*, 52(4), 972–986.
42. MacDonald, M. (2003). *Exploring Media Discourse*. Oxford: University Press.
43. Statham, P. (1996). Television News and the Public Sphere in Italy: Conflicts at the Media/Politics Interface. *European Journal of Communication*, 11(4), 511–556.
44. Talbot, M. (2007) *Media Discourse. Representation and Interaction*. Edinburg: Edinburg University Press.
45. Torfing J. (1999) *New Theories of Discourse: Laclau, Mouffe and Zizek*. Oxford: Blackwell Publishers Ltd.

References

1. Bisimbaev, T.R. (2019). Protivostojanie D. Trampa i CNN [Confrontation D. Trump and CNN]. *Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi»*, 1(34), 129–134.
2. Bushev, A.B. (2016) *Global'nyj mediadiskurs i mezhkul'turnaja komunikacija* [Global media discourse and intercultural communication]. Palmarium Academic Publishing.
3. Carpentier, N., & De Cleen, B. (2007). Bringing discourse theory into Media Studies. The applicability of Discourse Theoretical Analysis (DTA) for the Study of media practices and discourses. *Journal of Language and Politics*, 6(2), 265–293.
4. Chilton, P., & Schaffner C. (Eds.). (2002). *Politics as Text and Talk: analytic approach to political discourse*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
5. Dahlgren, P., & Sparks, C. (Eds.). (1991) *Communication and citizenship: journalism and the public sphere in the new media age*. N.Y.: Routledge.

6. Dubrovskaja, N.V. (Red.). (2017). *Politicheskij, juridicheskij i massmedijnyj diskurs v aspekte konstruirovaniya mezhnacional'nyh otnoshenij Rossijskoj Federacii* [Political, legal and mass media discourse in the aspect of constructing interethnic relations of the Russian Federation]. M.: FLINTA; Nauka.
7. Il'in, M.V. (2015). Semiotika kak osnova izuchenija jazyka politiki i razvitija diskurs-analiza [Semiotics as the basis for the study of the language of politics and the development of discourse analysis]. *Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi»*, 1(18), 43–47.
8. Ishmenev, E.I. (2012). *Politicheskij mediadiskurs: teorija i nacional'nye modeli* [Political media discourse: theory and national models]. Ekaterinburg: ID «Diskurs-Pi».
9. Fairclough, N. (1995). *Media Discourse*. London: Edward Arnold.
10. Fetzer A., & Lauerbach G.E. (Eds.). (2007). *Political Discourse in the Media: Cross-cultural perspectives*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
11. Furtsev, K.K. (2018). Diskurs vrazhdy mass-media: process formirovaniya i struktura teorii [Discourse of mass media hostility: process of formation and theory structure]. *Socium i vlast'*, 5(73), 46–56.
12. Garbuznyak, A. Ju. (2015). *Interpretacija realij politicheskoy zhizni strany v povestke dnja obshherossijskoj pressy: tehnologicheskie aspekty* [Interpretation of the realities of the country's political life on the agenda of the all-Russian press: technological aspects]. [PhD dissertation]. Retrieved from <https://docplayer.ru/27645656-Garbuznyak-alina-yurevna-interpretaciya-realiy-politicheskoy-zhizni-strany-v-povestke-dnya-obshherossiyskoj-pressy-tehnologicheskie-aspekty.html>
13. Gribovod, E.G. (2013). Mediadiskurs [Media discourse]. *Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi»*, 3(13), 118.
14. Gribovod, E.G., Kovba, D.M., & Moiseenko Ja.Ju. (2019). Politika nacional'noj pamjati na postsovetском prostranstve: podhody i praktika [The policy of national memory in the post-Soviet space: approaches and practice]. *Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi»*, 2(35), 28–41.
15. Howard D., & Torfing J. (Eds.). (2005). *Theory in European Politics: Identity, Policy and Governance*. N.Y.: PALGRAVE MACMILLAN.
16. Kepplinger, H. (2008). Mediatization of Politics: Theory and Data. *Journal of Communication*, 52(4), 972–986.
17. Kozhemjakin, E.A., & Polonskiy, A.V. (Red.). (2016). *Sovremennyj diskurs-analiz: povestka dnja, problematika, perspektivy* [Modern discourse analysis: agenda, problems, prospect]. Belgorod: ID «Belgorod».
18. Kurushkin S.V. (2017). *Cennostno-politicheskij diskurs soobshhestv (na primerah Internet-SMI Rossii)* [The value-political discourse of communities (on the examples of the Russian Internet media)] [PhD thesis abstract]. Retrieved from <https://dissler.spbu.ru/files/dissler2/1435/aftoreferat/6mHWVtWKjK.pdf>
19. Lopatin, S.V. (2019). Politicheskij frejming kak strategija manipulirovaniya politicheskim soznaniem [Political framing as a strategy for manipulating political consciousness]. *Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi»*, 1(34), 68–76.
20. Matison D. (2013). *Media-diskurs. Analiz media-tekstov* [Media Discourse. Analysis of media texts]. Harkov: Izdatel'stvo «Gumanitarnyj Centr».

21. MacDonald, M. (2003). *Exploring Media Discourse*. Oxford: University Press.
22. Nesterova, N.G. (2009). Kommunikativno-pragmatischekaja specifika spontannogo radiodiskursa [Communicative-pragmatic specifics of spontaneous radio discourse]. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Serija Filologija*, (318), 37–41.
23. Ozjumenko, V.I. (2017). Medijnyj diskurs v situacii informacionnoj vojny: ot manipuljacii k agressii [Media discourse in an information war situation: from manipulation to aggression]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Lingvistika*, 21(1), 203–220.
24. Pastuhov, A.G. (Ed). (2015). *Diskursy vlasti* [Discourses of Power]. Orel: OOO «Gorizont».
25. Rusakova, O.F. (2008). Politicheskaja diskursologija: aktual'nost' issledovanija i teoretiko-metodologicheskie osnovanija [Political discourse: relevance of research and theoretical and methodological foundations]. *Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 3. Obshhestvennye nauki*, 6(61), 114–121.
26. Rusakova, O.F. (2011). Kratologicheskaja model' diskursa soblazna [Kratological model of the temptation discourse]. *Izvestija Ural'skogo universiteta. Serija 3. Obshhestvennye nauki*, 4(97), 135–144.
27. Rusakova O.F. (2013). Mediadiskurs kak koncept discipliny «politicheskaja kommunikativistika» [Media discourse as a concept of the discipline “political communication”]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 27(170), 150–160.
28. Rusakova, O.F. (2018). Politicheskij mediadiskurs: opyt strukturnogo analiza [Political media discourse: the experience of structural analysis]. *Vzaimodejstvie jazykov i kul'tur. T. 1*. Cheljabinsk: Izdatel'skij centr JuUrGU.
29. Rusakova, O.F., & Gribovod, E.G. (2014). Politicheskij mediadiskurs i mediatizacija politiki kak koncepty politicheskij kommunikativistiki [Political media discourse and the mediation of politics as concepts of political communicativistics]. *Nauchnyj Ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN*, 14(4), 65–77.
30. Rusakova O.F., & Rusakov V.M. (2011). *PR-diskurs: Teoretiko-metodologicheskij analiz* [PR-discourse: Theoretical and Methodological Analysis] (2nd ed.). Ekaterinburg: UrO RAN, ID «Diskurs-Pi».
31. Rusakova, O.F., & Rusakov, V.M. (2016). Paradigma mobil'nosti v sovremennom politicheskom mediadiskurse [The mobility paradigm in the modern political media discourse]. *Voprosy politologii*, 4, 79–87.
32. Rusakova, O.F., & Rusakov, V.M. (2017). «Mjagkaja sila» diskursa politicheskij mediaobrazov: analiz strategicheskij jeffektov [«Soft power» of the discourse of political media images: analysis of strategic effects]. *Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta. Serija 3. Obshhestvennye nauki*, 12(161), 53–66.
33. Rusakova, O.F., & Rusakov, V.M. (2019). Diskurs postpravdy kak mediatehnologija politiki postpamjati [Post-truth discourse as a media technology of post-memory policy]. *Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi»*, 2(35), 10–27.
34. Sinel'nikova, L.N. (2015). Triada: zakony vlasti – scenarii PR-politicheskij diskurs [Triad: laws of power – scenarios PR-political discourse]. *Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi»*, 1(18), 48–55.

35. Statham, P. (1996). Television News and the Public Sphere in Italy: Conflicts at the Media/Politics Interface. *European Journal of Communication*, 11(4), 511–556.
36. Shevtsova, D.A. (2015). Ot publicisticheskogo obraza k mediaobrazu: dvizhenie nauchnoj mysli [From journalistic image to a media image: the movement of scientific thought]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija*, 2–3. Retrieved from <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=23609>
37. Talbot, M. (2007). *Media Discourse. Representation and Interaction*. Edinburg: Edinburg University Press.
38. Timofeeva, L.N. (Ed.). (2012). *Politicheskaja kommunikativistika: teorija, metodologija i praktika* [Political communication: theory, methodology and practice]. M.: Rossijskaja asociacija politicheskaj nauki (RAPN); Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPEN).
39. Torfing, J. (1999). *New Theories of Discourse: Laclau, Mouffe and Zizek*. Oxford: Blackwell Publishers Ltd.
40. Tumanova, G.A. (2016). *Kommunikativnaja strategija i osobennosti ee realizacii v politicheskom diskurse (na materiale russkogo i nemeckogo jazvkov)* [A communicative strategy and features of its implementation in political discourse (based on Russian and German ulcers)] [PhD dissertation]. Retrieved from <http://www.dslib.net/sravnit-jazykoved/kommunikativnaja-strategija-ubezhdenija-i-osobennosti-ejo-realizacii-v-politicheskom.html>
41. Van Dejk, T.A. (2013). *Diskurs i vlast': reprezentacija dominirovanija v jazyke i komunikacii* [Discourse and Power: Representation of Domination in Language and Communication]. M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM».
42. Vlasjan, G.R. (2019). *Hedzhirovanie kak sposob garmonizacii obshhenija v processe social'nogo vzaimodejstvija Zhurnalistickij tekst v novoj tehnologicheskoy srede: dostizhenija i problem* [Hedging as a way to harmonize communication in the process of social interaction]. Cheljabinsk: Izd-vo Cheljabinskogo gos. un-ta.
43. Volodina, M.N. (Ed.). (2011). *Jazyk i diskurs sredstv massovoj informacii v XXI veke* [The language and discourse of the media in the XXI century]. M.: Akademicheskij Proekt.
44. Vorob'eva, Ju.I. (2013). *Politicheskij mediadiskurs i legitimnost' vlasti* [Political media discourse and the legitimacy of power] [PhD thesis abstract]. Retrieved from <http://www.dissercat.com/content/politicheskii-mediadiskurs-i-legitimnost-vlasti#ixzz5QCLMR66c>
45. Zheltuhina, M.R. (2003). *Tropologicheskaja suggestivnost' massmedial'nogo diskursa: o probleme rechevogo vozdejstvija tropov v jazyke SMI* [Tropological suggestiveness of mass media discourse: on the problem of the speech impact of tropes in the language of the media]. M.: In-t jazykoznanija RAN; Volgograd: Izd-vo VF MUPK.

ЛЕВ ГУМИЛЕВ КАК ЗЕРКАЛО МОРАЛЬНОГО ПЕРЕЛОМА



Фишман Леонид Гершевич,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
доктор политических наук,
главный научный сотрудник,
Екатеринбург, Россия,
ORCID: 0000-0001-5062-8291,
E-mail: lfishman@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 10.12.2019, принята к публикации 10.02.2020

Для цитирования: Фишман Л.Г. Лев Гумилев как зеркало морального перелома // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2019. № 4 (37). С. 49–60. doi: 10.24411/1817-9568-2019-10403

Аннотация

Статья посвящена попытке ответа на вопрос о причинах популярности в конце 1980-х – начале 1990-х гг. учения о пассионарности Л.Н. Гумилева. Утверждается, что популярность Гумилева слабо связана с его научными достижениями, многие из которых по прошествии времени выглядят сомнительными. В любом случае корни популярности Гумилева однозначно лежат скорее в области идеологии и социальной психологии, нежели собственно науки. Новизна предложенного решения заключается в том, что основное внимание уделяется ранее практически не рассматривавшейся причине популярности взглядов Гумилева, в то время как она имеет едва ли не самое важное значение. Это – моральное содержание определяющего элемента его философско-исторических взглядов, а именно его концепции пассионарности. Моральное содержание теории Гумилева удивительно точно вошло в резонанс с моральными сдвигами поздней советской эпохи, оказалось (в терминах самого Гумилева) ему комплементарным. Возможно, сам того не понимая, Л. Гумилев оказался наиболее успешным выразителем сути если не этногенетического, то морального слома и перелома 1980–1990-х. Когда этот слом в своей наиболее острой форме перестал быть актуальным, сошла на нет и популярность концепции этногенеза. Популярность учения о пассионарности Льва Гумилева объясняется его востребованностью в условиях катастрофической трансформации структуры советской этики. Когда не осталось ничего, кроме этики добродетели, та обнаружила свои релятивизм и всеядность, что многим доставляло моральный дискомфорт. В этих условиях учение о позитивной исторической роли пассионарности, как философия

истории, отчасти смогло заменить утраченный ярус универсальных ценностей – тем, что хотя бы придавало всемирно-исторический смысл происходящему в России.

Ключевые слова:

авантюристический капитализм, Л. Н. Гумилев, концепция этногенеза, мораль, теория пассионарности, этика принципов, этика добродетели.

UDC 17+32

DOI 10.24411/1817-9568-2019-10403

LEV GUMILYOV AS A MIRROR OF A MORAL TURNING-POINT

Fishman Leonid Gershevich,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Political Sciences,
Professor, Chief Researcher,
Ekaterinburg, Russia,
ORCID: 0000-0001-5062-8291,
E-mail: lfishman@yandex.ru

Article received on December 10, 2019, accepted on February 10, 2020

To cite this article: Fishman, L.G. (2019). Lev Gumilyov kak zerkalo moral'nogo pereloma [Lev Gumilyov as a mirror of a moral turning-point]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 4(37), 49–60. doi: 10.24411/1817-9568-2019-10403

Abstract

The article focuses on attempting to explain the reasons for popularity of the teachings on passionarity of L. N. Gumilyov in the late 1980s and early 1990s. The author claims that Gumilyov's popularity is weakly associated with his scientific achievements, many of which, with the passage of time, look dubious. In any case, the roots of Gumilyov's popularity clearly lie more in the field of ideology and social psychology than in science itself. The novelty of the proposed solution is in paying main attention to previously nearly unexamined reason for the popularity of Gumilyov's views, while it possibly is of the utmost importance. This is the moral content of the defining element of his philosophical and historical views, namely, his concept of passionarity. The moral content of Gumilyov's theory surprisingly accurately resonated with the moral shifts of the late Soviet era, turned out to be (in terms of Gumilyov himself) complementary. Perhaps without realizing it, L. Gumilyov turned out to be the most successful spokesman for the essence of, if not ethno-genetic, then moral breakdown and turn-around of the 1980–1990s. When this breakdown

in its most acute form ceased to be relevant, the popularity of the concept of ethnogenesis also came to naught. The popularity of the teachings on passionarity of Lev Gumilyov is due to its relevance in the conditions of catastrophic transformation of the structure of Soviet ethics. When there was nothing left but the ethics of virtue, it discovered its relativism and omnivorousness, which caused moral discomfort for many people. Under these conditions, the doctrine of the positive historical role of passionarity, as a philosophy of history, partly replaced the lost tier of universal values – with that it at least gave a world-historical meaning to what was happening in Russia

Keywords:

adventurous capitalism, L.N. Gumilyov, ethnogenesis concept, morality, theory of passionarity, ethics of principles, ethics of virtue.

Введение

Политик, идеолог, философ, писатель или музыкант, да мало ли еще кто, часто становятся теми, кого называют «властителями дум». Среди них редко оказываются ученые: каковы бы ни были их достижения, им редко удается изложить их захватывающим ум и воображение миллионов образом. Тем удивительней, что иногда случается и такое, как случилось при нашей жизни с историком Львом Николаевичем Гумилевым. И хотя пик его популярности давно миновал, вопрос «почему это произошло именно с ним?» по-прежнему требует ответа. Тем более, имеются основания полагать, что ответы на этот вопрос, касающийся не столь далекого прошлого, может пролить свет на истоки той ситуации, в которой мы находимся сегодня.

Но какого рода ответ мы можем дать на такой вопрос, и, главное, что может обеспечить его убедительность? Возможно, наиболее убедительным выглядел бы ответ, полученный путем опроса достаточно репрезентативной выборки респондентов по поводу их интеллектуальных увлечений 1990-х годов. Были ли они тогда склонны описывать себя в гумилевских категориях? К сожалению, у нас нет такой возможности. Кроме того, как говорит давний опыт историков и социологов, не стоит безусловно верить не только свидетельствам очевидцев каких-то событий, но даже и рассказам о своем внутреннем мире и своих ценностях.

Что же остается? Попытаться: а) выявить, каким образом «эпоха перемен» 1990-х преломлялась через призму индивидуального мировосприятия, прежде всего на уровне трансформации ценностей; б) вычленить те аспекты теории Льва Гумилева, которые с высокой степенью вероятности могли коррелировать с этими трансформациями, отвечая внутренним потребностям множества людей. Такой подход, разумеется, тоже не лишен субъективности. Но, по крайней мере, он исходит из факта, что когда-то Гумилев был очень популярен, в то время как если бы начали опрашивать современников этой популярности, то вполне могли бы ошибочно заключить, что это было не так. По прошествии достаточно долгого времени люди нередко оказываются склонными приписывать себе

прошлым взгляды и мотивы, которых они в реальности не имели (Юрчак, 2014, с. 42–43). Иными словами, 20–25 лет спустя многие из них могут абсолютно искренне считать, что Гумилев произвел на них гораздо меньшее впечатление, нежели это было на самом деле.

Так или иначе, в конце 1980-х – начале 1990-х книги Л. Н. Гумилева были удивительно популярны. В студенческие годы автора этих строк один из университетских преподавателей, чтобы дать аудитории представление о степени популярности Ницше в начале XX века, выразился так: не знать тогда ничего о Ницше – это примерно как сейчас не слышать ничего о Гумилеве. Но его популярность не продержалась долго. Она сверкнула падающей звездой и угасла в течение нескольких лет, хотя и оставила по себе яркое воспоминание.

При этом замечательно следующее. Практически все написанное Гумилевым было подвергнуто разрушительной критике уже в течение его жизни. Но эта критика не оказала практически никакого влияния на популярность его книг ни в течение указанного периода, ни после. Она (популярность) сошла на нет как-то сама собой; книги Гумилева не то что оказались совершенно забыты, но давно уже не вызывают и десятой доли того отклика, какой вызывали в свое время.

Очевидно, что популярность Гумилева слабо связана с его научными достижениями, многие из которых по прошествии времени выглядят сомнительными. Конечно, его взгляды могут быть восприняты как идеологическая основа для праворадикальных движений, разного рода «имперства». Но именно в те годы, когда слава Льва Гумилева намного превосходила славу его отца, правые радикалы и имперцы предпочитали обращаться непосредственно к евразийцам, а Гумилева читали весьма поверхностно. Можно также отметить, что при всем налете фатализма, концепция этногенеза Гумилева внушала известный исторический оптимизм, обещая исстрадавшейся в XX веке России своего рода цивилизационную «золотую осень». В любом случае корни популярности Гумилева однозначно лежат скорее в области идеологии и социальной психологии, нежели собственно науки. Как замечает С. Беляков, «теперь в евразийство верят главным образом романтики и политики. Иногда те и другие даже встречаются друг с другом, например, в московском центре Льва Гумилева, где проходят круглые столы и фуршеты, концерты и вечера, посвященные евразийству. Люди в смокингах и фраках поднимают тосты в честь Гумилева и евразийства. Только вот какое отношение эти гумилевцы-евразийцы имеют к теории этногенеза, что они вообще знают об идеях Гумилева, о его научных взглядах?» (Беляков, 2012, с. 728).

Моралист поневоле

И все-таки, почему Гумилев был в своё время так популярен? Не претендуя на исчерпывающий ответ, мы здесь хотели бы указать на ту из причин популярности взглядов Гумилева, которая до сих пор практически самостоятельно не рассматривалась, в то время как нам представляется, она имеет едва ли не самое важное значение. Это – моральное содержание определяющего элемента его философско-исторических взглядов, а именно его концепции пассионарности.

Николай Гумилев не был моралистом, но в свое время написал о своих читателях:

Я не оскорбляю их неврастением,
Не унижаю душевной теплотой,
Не надоедаю многозначительными намеками
На содержимое выеденного яйца,
Но когда вокруг свищут пули,
Когда волны ломают борта,
Я учу их, как не бояться,
Не бояться и делать что надо.

Его сын, много лет спустя, не писал ни стихов, ни моралистических и религиозных трактатов (хотя его концепцию «антисистем» не без основания можно считать разновидностью «вероучения»), но, в сущности, *выступил в той же роли морального учителя.*

Сразу оговоримся, что мы, конечно, не считаем возможным рассматривать Гумилева как преимущественно моралиста или этического философа. Таковым вовсе не обязательно быть, чтобы оказывать моральное влияние. Мы хотим сказать, что некоторые элементы его теории, желал он того или нет, сыграли свою роль в происходивших в конце 1980-х – начале 1990-х гг. моральных трансформациях позднего советского и постсоветского общества.

Как нам представляется, моральное содержание теории Гумилева удивительно точно вошло в резонанс с моральными сдвигами поздней советской эпохи, оказалось (в терминах самого Гумилева) ему комплементарным. Возможно, сам того не понимая, Л. Гумилев оказался наиболее успешным выразителем сути если не этногенетического, то морального слома и перелома 1980–1990-х; но когда этот слом в своей наиболее острой форме перестал быть актуальным, сошла на нет и популярность концепции этногенеза.

В чем состояла суть этого слома?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно в самых общих чертах представить структуру морали советского общества, да и вообще всякого «большого» общества, превосходящего «общность» размерами, структурой, культурой, сложностью социальных связей и т. д. Это – двухуровневая «моральная пирамида», свойственная любой универсальной системе ценностей, не обязательно светской. Верхний ее ярус – этика принципов, включающая в себя нормы и ценности, мировоззренчески фундированные таким образом, что смысл придерживаться их далеко выходит за пределы повседневной жизни, является трансцендентным. Ценности этого яруса морали подразумевают наличие неких общих представлений о справедливости, о том, как должен поступать человек по отношению к любому другому члену общества, вне зависимости от того, связан ли он с ним какими-то семейными, дружескими, корпоративными или иными узами. Данные предоставления могут быть общими для религий или конфессий, сравнительно мирно сосуществующих между собой и сходящихся в базовых онтологических и этических представлениях, взглядах по поводу смысла жизни и смерти и т. д. Место религий могут полностью или частично занять идеологии Нового и Новейшего времени – одна или несколько (но фактически признающих главенство какой-то одной, как в условиях либерально-консервативного-социалистического консенсуса на Западе).

Нижний ярус – этика добродетели и героическая этика.

В отличие от этики принципов, этика добродетели переключается с мотивов и результатов на характер человека. Ее основной вопрос – не «что я должен делать?», а «каким я должен быть, чтобы считаться хорошим человеком?» Поэтому трансцендентные, «внешние» этические эталоны заменяются фактическими образцами поведения, пригодными для того, чтобы наилучшим образом соответствовать своей социальной роли (Куренной, 2008, с. 68). Это – корпоративная этика, этика отношений между друзьями, членами семьи, локального сообщества и т. д. Ее разновидностью является героическая этика, которая, по сути, есть также этика корпоративная, пронизанная ценностями верности, чести, долга, самопожертвования и т. д. Однако она часто является мостом между универсальной этикой и этикой добродетели, в той мере, в которой верность ее адептов принадлежит «большим обществам» и обосновывается, помимо корпоративных требований чести, также и ценностями универсального характера (Фишман, 2012).

Основной принцип отношений между этими уровнями таков: верхний расставляет приоритеты или хотя бы указывает нижнему на его ограниченность, *указывает ему его место*. Разумеется, «большое общество» нуждается в обоих уровнях морали. На одних универсальных ценностях оно не строится, и Б. Уильямс, безусловно, прав, когда замечает: «мораль (то есть этика принципов) заблуждается, полагая, что «без ее специфических обязательств все будет отдано на откуп одним только склонностям, что без ее совершенной добровольности существует одна только сила, что без ее безусловно чистой справедливости не существует вообще никакой справедливости» (Уильямс, 2008, с. 173). Этика добродетели необходима хотя бы для того, чтобы побудить индивидов в рамках малых групп соблюдать верность трансцендентным ценностям для того, чтобы не быть исторгнутым из общностей, которые эти ценности разделяют. В то же время только люди чести могут быть стойкими борцами как за «большое общество», так и за идею – поэтому обычно у привыкших к жизни в рамках «больших обществ» героическая этика ассоциируется с верностью и самопожертвованием во имя больших общностей и трансцендентных ценностей. Таким образом, в двухуровневой системе морали этика добродетели светит отраженным светом и оказывается несколько переоцененной. В то же время, если исчезает или резко ослабевает этика принципов, сами по себе этика добродетели и героическая этика оказываются способными служить каким угодно общностям и самым разным целям.

К концу существования СССР в обществе доминировали ценности этики добродетели. Их значимость была завышена, поскольку молчаливо предполагалось не только то, что данные ценности есть ценности «нормальных людей», «естественные», но и то, что их достаточно для построения «нормального общества». Ценности же, восходящие к коммунистической идеологии, гуманизму и прочим трансцендентным умозрительным конструкциям, ассоциировались с ритуалами официальной повседневности, которой подавляющее большинство советских граждан по привычке отдавало дань, но давно уже не воспринимало всерьез, обретаясь, по выражению А. Юрчака, в «пространствах вневходимости» (Юрчак, 2014, с. 255–311).

Суть морального слома позднесоветских и постсоветских лет как раз и заключался в утрате даже формального доминирования ценностей этики

принципов. Больше ничто не «указывало на место» и этике добродетели, и героической этике. Люди, оказавшиеся на острие этого слома и объективно живущие по правилам этики добродетели, нуждались в объяснении того, почему это так получилось и в обосновании своего поведения, возвышающем их в собственных глазах. Им требовалось такое самооправдание и самовозвышение, поскольку они понимали, что большая часть их деятельности своекорыстна, идет на благо не обществу, а «своим», как бы их ни понимать, и что борясь за частное благо, они переступают через благо (а часто и через жизнь) других.

Некоторая часть общества нашла такое самооправдание в классическом либерализме с его апологией свободного рынка, свободной конкуренции и вытекающем из них социал-дарвинизме. Но такие оправдания могли удовлетворить далеко не всех, ибо они были отчасти банальны и скучны, а отчасти слишком циничны. Кроме того, они требовали от людей известной храбрости, поскольку подразумевали личную ответственность индивида и только его самого за свое нередко бесчеловечное поведение на рынке и не только. Но, главное, они подходили далеко не всем, поскольку лишь активное меньшинство с радостью бросилось искать счастья в (около) экономической деятельности эпохи дикого капитализма и криминальной революции. Было немало тех, кто занимался политикой, наукой, искусством и нередко презирал как либерализм, так и всякого рода буржуазность, не говоря уже об обывателях. Что могло разом объяснить и оправдать экономическую, неэкономическую деятельность, либерально-рыночную и антилиберальную ангажированность, наконец, активность и пассивность всех этих категорий людей?

Удивительно, но таким учением оказалась концепция этногенеза Гумилева, сформулированная совсем по другим поводам и ради достижения иных целей. Суть ее заключалась в том, что этносы рождаются, живут и умирают не столько по социальным, сколько по естественным законам природы. Ключевым в этой концепции было понятие пассионарного толчка, который запускает цикл эволюции всякого этноса. В процессе эволюции пассионарная энергия этноса постепенно доходит до высших значений, а затем иссякает. И если, к примеру, на стадиях подъема и перегрева история этносов прямо-таки фонтанирует свершениями, как великими и прекрасными, так великими и ужасными, то на стадиях надлома и инерции запал постепенно выдыхается, а на стадиях гомеостаза и обскурации иссякает совсем. Конкретно Россия в соответствии с этой теорией в 1990-х переживала «стадию надлома», в которой пассионарность все еще достаточно высока.

А что такое пассионарность? Сам Гумилев писал о ней так: «...пассионарность – это биологический признак, а первоначальный толчок, нарушающий инерцию покоя, – это появление поколения, включающего некоторое количество пассионарных особей. Они самим фактом своего существования нарушают привычную обстановку, потому что не могут жить повседневными заботами, без увлекающей их цели. Необходимо сопротивление сопротивлению заставляет их объединиться и действовать согласно; так возникает *первичная консорция*, быстро обретающая те или иные социальные формы, подсказанные уровнем общественного развития данной эпохи. *Порождаемая пассионарным напряжением активность при благоприятном стечении обстоятельств ставит эту консорцию в наиболее выгодное положение* (курсив здесь и далее

мой – Л. Ф.), тогда как разрозненных пассионариев не только в древности «либо изгоняли из племен, либо просто убивали». Примерно так же обстоит дело в классовом обществе. Это отметил Пушкин, написав: «...посредственность одна нам по плечу и не странна...» («Евгений Онегин», глава восьмая, IX). Правильно! Пассионарии обречены. Но если бы они всегда погибали, не успев ничего сделать, то мы до сих пор приносили бы в жертву младенцев, убивали стариков, пожирали тела убитых врагов, колдовством пытались извести друзей и родных. **Не было бы ни пирамид, ни Пантеона, ни «открытия» Америки, формулировки закона тяготения и полетов в космос. Однако все это есть и начало накапливаться еще в палеолите.** И жили бы сегодня на Земле не-современные французы, англичане, русские и т. п., а шумеры, пикты и другие, имена которых давно забыты» (Гумилев, 2001, с. 332).

«Пассионарность отдельного человека сопрягается с любыми способностями: высокими, малыми, средними; она не зависит от внешних воздействий, являясь чертой конституции данного человека; **она не имеет отношения к этическим нормам, одинаково легко порождая подвиги и преступления, творчество и разрушение, благо и зло**, исключая только равнодушие; и **она не делает человека «героем», ведущим «толпу»**, ибо большинство пассионариев находятся именно в составе «толпы», определяя ее потенциальность и степень активности на тот или иной момент» (Гумилев, 2001, с. 337).

Теперь представим, как все эти и подобные им, разбросанные в других сочинениях Гумилева описания пассионарности и пассионариев, звучали в 1990-е. Тогда многие люди вынужденно или добровольно оторвались от своего прежнего образа жизни и «повседневных забот», поставили себе иные, чем прежде, цели, и пытались энергично и рискованно их достигнуть. Нередко они «объединялись и действовали согласно», образуя своего рода «консорции», многие из которых, правда, злые языки называли почему-то мафиями, бандами и организованными преступными группировками. «Консорция» в реалиях России 1990-х – сообщество «друзей», которые рассчитывают для себя отвоевать место под солнцем, сконцентрировав максимально возможное количество властных и экономических ресурсов (и некоторые добиваются этой цели, чему мы являемся свидетелями). Так они могут ощутить свое родство с легендарными сообществами пассионариев древности, хоть основателями Рима, хоть грабителями-викингами, хоть первыми христианами, хоть людьми с целями приземленными, или же, наоборот, творческими и «буйными мифотворцами», «зачинателями новых традиций» (Гумилев, 2001, с. 447). Каждый найдет себе по вкусу. Хорошо и то, что пассионарию вовсе не обязательно быть «героем, ведущим толпу». Это импонировало «простому человеку», не герою – при том, что причастность к пирамидам и Пантеону все равно оставалась при них, точнее, при *таких же, как они*. Да, по Гумилеву пассионарность – в конечном счете – квинтэссенция, не имеющая отношение к морали жизненной силы. Концепт пассионарности поэтому служил оправданием фактически любой социальной активности. Ведь пассионарий представлял *двигателем* истории, уже *поэтому имеющим позитивное значение*¹, вне зависимости от того, какие бы гнусности и жестокости он

¹ Для интеллигенции (да и не только) советской школы, воспитанной на культуре Истории, вероятно, было важным соблюсти преемственность мировоззрения, заменив

не творил. Ведь «пассионарность – не просто «дурные наклонности»; ей приписываются все великие достижения цивилизации, вообще все сколь-нибудь яркое и выдающееся, хотя часто и ужасное.

Поэтому не удивительно, что по прошествии времени писатель А. Иванов высказался о 1990-х именно в таких выражениях: «Что стало с героями «лихих 90-х»? Тогда большую роль играли пассионарии. Они явились не из ниоткуда, они были рождены социальной средой, были плоть от плоти народа. Девяностые были временем, когда после длительного периода, может быть впервые после Гражданской войны, на арену вышел народ. И он сам за себя решал, как ему жить. Делал это так, как у него это получалось, а получалось плохо, зато никто над ним не стоял.

Девяностые были временем, когда история наконец сдвинулась с мертвой точки. И *пассионарии* были выразителями этого духа истории. Большим минусом было то, что действовали они в меру своего разумения, на свой страх и риск, а рамок, которые бы направляли их деятельность в цивилизованное русло, не было. Но все равно хорошо, что пассионарии были. Если бы не пассионарии, мир бы не менялся таким кардинальным образом» (Писатель Алексей Иванов).

Основатели империй, художники, полководцы и прочие великие люди – пассионарии; как же постсоветским людям начала 1990-х было удержаться от отождествления себя *с ними*, сдвинувшими, ни много ни мало, а саму Историю с мертвой точки, а не с банальными жуликами, бандитами и спекулянтами!

И теория этногенеза Гумилева позволяла им ассоциировать себя с великими. В период 1980–1990-х многие могли с основанием считать себя пассионариями. Ведь по шкале пассионарности (Гумилев, 2001, с. 405) к ней относились по степени убывания «жертвенность», «стремление к идеалу победы», «стремление к идеалу успеха» (бизнес-тренеры и прочие коучи могли гордиться собою), «стремление к идеалу знания и творчества» (интеллигенты, ученые и художественная богема тоже не обижены), «поиск удачи с риском для жизни» (если ты браток из «бригад», не все так плохо), даже «стремление к благоустройству без риска для жизни» (не сидишь на месте, «крутишься» – и то пассионарий). И вообще, порвать с привычным бытом, начать новую жизнь – «не грех, а подвиг» (Гумилев, 2001, с. 447).

Возвращаясь к нашим исходным тезисам относительно содержания позднесоветской морали, отметим, что при всем внешнем разрыве с прежней жизнью, на ценностном уровне разрыв не был радикальным. А. Иванов несколько преувеличивает, говоря о том, что у людей 1990-х «рамок, которые бы направляли их деятельность в цивилизованное русло, не было». Надо уточнить: это не означает, что не было вообще никаких рамок. В том-то и дело, что рамки *были, и это были вполне себе моральные рамки*. Что это были за рамки? Это были рамки морали, прямо унаследованной у позднесоветской культуры, а именно – этика добродетели и героическая этика. Ключевыми понятиями этой этики были верность товарищам, способность рисковать ради них жизнью, настойчиво преследовать свои и важные для сообщества цели, если надо – воевать за них, блисти честь; в ней ценились романтизм и известное бескорыстие и т. д. Словом,

марксистско-ленинскую вариацию этого культа на другую похожую – и с таким же безусловно позитивным отношением к Истории как движению, прогрессу.

эта этика, в конечном счете, требовала того, что Гумилев назвал пассионарностью – способностью к сверхнапряжению вплоть до самопожертвования ради достижения поставленной цели.

Что же произошло в 1990-е? Все эти ценности в общем остались, но их носители, если так выразиться, стали преследовать иные цели.

Один из авторов, писавший о знаменитом сериале «Бригада», заметил: «бригада – это *«три мушкетера наоборот»*. Такие необыкновенные качества, как быстрота мышления, отвага, неумная жизненная энергия и напор, сметающий все на своем пути, даны природному вождю неспроста. Все эти качества необходимы для того, чтобы обеспечить выживание своей стаи и ее прорыв в будущее» (Янушко). Криминальным браткам и их вождям, по большому счету, требовались те же моральные качества, что и кумирам миллионов советских мальчишек, восхищавшихся мушкетерами, пиратами, благородными авантюристами, бунтовщиками, революционерами и прочими подобными героями классической литературы. И эти моральные качества, пока они «знали свое место», будучи подчиненной частью универсальной ценностной иерархии, служили высоким целям. Но эти же моральные установки, предоставленные самим себе, в значительной мере оказались комплементарны «великой криминальной революции» 1990-х и возобладавшему на некоторое время «авантюристическому» (Вебер, 1990, с. 79) капитализму. Разумеется, подавляющее большинство российских граждан не ринулось в авантюрное предпринимательство и в криминальные структуры. Однако оно обнаружило такую степень понимания и терпимости ко всякого рода авантюрно-капиталистическим практикам, которая сделала их распространенными и даже оправдываемыми с помощью рационализаций вроде теории пассионарности.

Заключение

Подводя итог, мы можем сказать, что учение Гумилева позволило огромному количеству людей считать себя тоже по-своему успешными, даже если они не стали успешными экономически или политически. Ведь многие получили основание полагать себя если не солью земли, так дрожжами Истории, пассионариями, а это поднимало самооценку. Индивиды, которые с либерально-рыночной точки зрения выглядели как экономически неэффективные «неудачники», получили возможность оправдывать себя как все же пассионариев, но другой направленности, думать о себе как о «рыцарях», людях чести, верности слову, героях, а не торгашах и политиках. Людям же экономически успешным, пусть и не всегда морально безупречным, импонировала мысль о заслуженной награде за свою пассионарную энергичность, которую бессмысленно хвалить или осуждать с точки зрения мирного обывателя. А мирным обывателям, примерным семьянинам и работникам, «гармоничным» людям в классификации Гумилева, льстила мысль о том, что они являются основой всякого здорового общества. Они могли лелеять надежду найти достойное место в жизни если не прямо сейчас, то в обозримом будущем, когда эпоха перемен закончится. В этом ряду можно было бы упомянуть и так называемых «субпассионариев», людей с отрицательной пассионарностью, не трудолюбивых и не творческих, которые в эпоху перемен пополняют ряды маргиналов, примыкают к разного рода жуликам

и бандитам, идут в наемники и т. д. Вероятно, и этот человеческий тип, весьма характерный для России 1990-х, мог найти в теории Гумилева коли не утешение, так оправдание своему образу жизни, если б не сомнения в том, что он в них нуждался и вообще интересовался какими бы то ни было теориями. Словом, учение Гумилева на краткое время смогло удовлетворить тех, кто хотел и тех, кто не хотел меняться, *никого не заставляя поступаться своими ценностями*.

В целом же популярность учения о пассионарности Льва Гумилева объясняется его востребованностью в условиях обвала советской моральной пирамиды. Когда не осталось ничего, кроме этики добродетели, та обнаружила свои релятивизм и всеядность, что многим доставляло моральный дискомфорт. В этих условиях учение о позитивной исторической роли пассионарности, как философия истории, отчасти смогло заменить утраченный ярус универсальных ценностей – тем, что хотя бы придавало всемирно-исторический смысл происходящему в России. Гумилев импонировал нашим современникам эпохи морального перелома уже тем, что более всего от изучения истории хотел *смысла*: «Я хочу понять, как и почему все это произошло».

Для тех же, кто не нуждался в высоких смыслах, универсальных ценностях, да и по большому счету в «большом обществе», его учение просто оправдывало их отсутствие объективными обстоятельствами.

Но к концу 1990-х такая ситуация все менее удовлетворяла как «низы», так и «верхи», что, в общем-то, и предопределило закат популярности идей Гумилева. «Пассионарность» уже не сильно утешала, хотелось пожить спокойно и предсказуемо. По мере становления «стабильности» и укрепления вертикали власти, разгулявшуюся этику добродетели стали вновь пытаться поставить на служебное место, предлагая в качестве высшей инстанции то национальную идею, то православие, то патриотизм (Фишман, 2017). Эти попытки, по нашему мнению, увенчались скорей имитацией, чем действительным успехом. Этике добродетели если и указали ее место, то исключительно формальным образом: хотя решили притворяться, что на верхнем этаже постсоветской этической пирамиды «что-то есть», по большому счету, он так и остался пустым.

Список литературы

1. Беляков, С. (2012). *Гумилев – сын Гумилева*. М.: Астрель.
2. Вебер, М. (1990). *Избранные произведения*. М.: Прогресс.
3. Гумилев, Л. Н. (2001). *Этногенез и биосфера земли*. СПб: «Кристалл».
4. Куренной, В. (2006). *Этика добродетели: предисловие к публикации. Логос, 1(64), 59–69.*
5. *Писатель Алексей Иванов – об СССР, «лихих 90-х», «ужасных нулевых» и «новом застое»*. (без даты). Взято с <http://xoroshiy.ru/223833-pisatel-aleksey-ivanov-obssr-lihix-90-h-uzhasnyh-nulevyh-inovom-zastoe.html>
6. Уильямс, Б. (2008). Мораль: специфический институт. *Логос, 1(64), 149–144.*
7. Фишман, Л. Г. (2012). Героизм и универсализм. *Научный ежегодник ИФиП УрО РАН, 11, 227–235.*
8. Фишман, Л. Г. (2017). Получилось как всегда. Идеологические

потребности российской элиты: спрос и предложение. *Политическая концептология*, 1, 125–135.

9. Юрчак, А. (2014). *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение*. М.: Новое литературное обозрение.

10. Янушко, Е. (без даты). *Сериял «Бригада». Как один фильм повлиял на криминальную ситуацию в нашей стране*. Взято с <https://www.yburlan.ru/biblioteka/serial-brigada-kak-odin-film-povlijal-na-kriminalnuju-situaciju-v-nashej-strane>

References

1. Belyakov, S. (2012). *Gumilev – syn Gumileva* [Gumilyov – son of Gumilyov]. М.: Astrel.

2. Fishman, L. G. (2012). Geroizm i universalizm [Heroism and universalism]. *Nauchnyj ezhegodnik IFiP UrO RAN*, 11, 227–235.

3. Fishman, L. G. (2017). Poluchilos' kak vseгда. Ideologicheskie potrebnosti rossijskoj elity: spros i predlozhenie [It turned out as always. The ideological needs of the Russian elite: supply and demand]. *Politicheskaya konceptologiya*, 1, 125–135.

4. Gumilev, L. N. (2001). *Etnogenez I biosfera zemli* [Ethnogenesis and biosphere of the Earth]. SPb: “Kristall”.

5. Kurennoj, V. (2006). Etika dobrodeteli: predislovie k publikacii [Ethics of Virtue: Preface]. *Logos*, 1(64), 59–69.

6. *Pisatel Aleksej Ivanov – ob SSSR, “lihij 90-h”, “uzhasnyh nulevyh” i “novom zastoe”* [Writer Alexei Ivanov – about the USSR, the “dashing 90s”, the “terrible zero” and the “new stagnation”]. (n. d.). Retrieved from <https://xoroshiy.ru/223833-pisatel-aleksey-ivanov-obsssr-lihij-90-h-uzhasnyh-nulevyh-inovom-zastoe.html>

7. Uil'yams, B. (2008). Moral': specificheskij institut [Morality: a specific institution]. *Logos*, 1(64), 149–144.

8. Veber, M. (1990). *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. М.: Progress.

9. Yanushko, E. (n. d.). *Serial “Brigada”. Kak odin fil'm povlijal na kriminal'nyu situaciju v nashej strane* [The series “Brigade”. How one film influenced the criminal situation in our country]. Retrieved from <https://www.yburlan.ru/biblioteka/serial-brigada-kak-odin-film-povlijal-na-kriminalnuju-situaciju-v-nashej-strane>

10. Yurchak, A. (2014). *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'.* *Poslednee sovetskoe pokolenie* [Everything was forever, until it was no more: the last Soviet generation]. М.: Novoe literaturnoe obozrenie.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ



Глушкова Светлана Игоревна,

АНО ВО «Гуманитарный университет»,
зав. кафедрой прав человека,
доктор политических наук, доцент,
Екатеринбург, Россия,
ORCID: 0000-0002-4926-5507,
E-mail: glsvig@yandex.ru



Мартынов Константин Эрнестович,

АНО ВО «Гуманитарный университет»,
аспирант,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: uc@gu.ur.ru

Статья поступила в редакцию 02.12.2019, принята к публикации 10.02.2020

Для цитирования: Глушкова С.И., Мартынов К.Э. Тенденции развития институтов гражданского общества в России: проблемы и противоречия // Научный журнал «Диалог». 2019. № 4 (37). С. 61–78. doi: 10.24411/1817-9568-2019-10404

Аннотация

Целью данного исследования являются рассмотрение и анализ основных тенденций развития институтов гражданского общества в России, в частности, проблем и противоречий, возникающих в процессе развития. Используются исторический, логический, системный, сравнительный методы исследования. Предлагается новая категория «гражданская коммуникация». Авторы анализируют различные критерии и подходы к определению содержания гражданского общества и институтов, его составляющих.

В результате исследования утверждается, что уровень зрелости гражданского общества зависит от степени гражданского участия индивидов, развития гражданственности, от эффективности гражданской коммуникации власти и общества, от результативности институтов общественного контроля; сделан вывод о ведущей роли в развитии гражданского общества представителей педагогического, академического, экспертного сообщества, некоммерческих организаций. Знание своих прав и свобод, умения и навыки пользоваться ими, защищать себя и свою семью, правовая и финансовая грамотность каждого – все это способствует развитию гражданского общества, формированию высокой политической и правовой культуры.

Основные противоречия в развитии гражданского общества выражены в полярных приоритетах: гражданский диалог или властный монолог, гражданское участие или протестное движение, свободомыслие или инакомыслие, патернализм или гражданственность, общественный контроль или противостояние, др. Среди тенденций развития гражданского общества последних лет можно отметить следующие: растущая активность местных сообществ по защите скверов, парков, жилых и придомовых территорий, культурного наследия; формирование новых активных площадок (очных или виртуальных, интернет-площадок) для дискуссий, так называемых «точек кипения», форсайт-сессий, разработки инновационных проектов и инициатив; формирование институтов общественного, гражданского, социального контроля – общественных палат и общественных советов при органах исполнительной власти. При этом важно активно использовать все формы общественного контроля (общественная экспертиза, мониторинг конкретных, адресных, проблемных ситуаций, общественная проверка, публичные слушания, привлечение общественных контролеров и экспертов).

Ключевые слова:

гражданское общество, личная свобода, ответственность, права человека, гражданственность, гражданская коммуникация, институты гражданского общества.

UDC 323.2

DOI: 10.24411/1817-9568-2019-10404

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS IN RUSSIA: PROBLEMS AND CONTRADICTIONS

Glushkova Svetlana Igorevna,

Autonomous non-profit organization for higher education
“Liberal Arts University”,
Chair of Human Rights Department,
Doctor of Political Sciences, Associate Professor,
Yekaterinburg, Russia,
ORCID: 0000-0002-4926-5507,
E-mail: glsvig@yandex.ru

Martynov Konstantin Ernestovich,

Autonomous non-profit organization for higher education
“Liberal Arts University”,
Graduate student,
Yekaterinburg, Russia,
Email: uc@gu.ur.ru

Article received on December 2, 2019, accepted on February 10, 2020

To cite this article: Glushkova, S.I., & Martynov, K.E. (2019). Tendencii razvitiya institutov grazhdanskogo obshchestva v Rossii: problemy i protivorechiya [Trends in the development of civil society institutions in Russia: problems and contradictions]. *Scientific Journal “Discourse-P”*, 4(37), 61-78. doi: 10.24411/1817-9568-2019-10404

Abstract

The aim of the study is to review and analyze the main trends in the development of civil society institutions in Russia, in particular the problems and contradictions that arise in the process of development. Historical, logical, systemic, comparative methods of research are used. The authors propose a new category of “civic communication”. They analyze various criteria and approaches to determining the content of civil society and the institutions that make up it.

The study argues that the degree of civic participation of individuals, the development of citizenship, the effectiveness of civil communication between the authorities and society, and the effectiveness of institutions of public control influence the level of maturity of civil society. The authors conclude that representatives of pedagogical, academic, expert community and non-profit organizations play leading role in the development of civil society. Knowledge of their rights and freedoms, skills and abilities to enjoy them, to protect themselves and their family, legal and financial literacy of everyone - all this contributes to the development of civil society, the formation of a high political and legal culture.

The main contradictions in the development of civil society are expressed in polar priorities: civil dialogue or power monologue, civil participation or protest movement, freedom of thought or dissent, paternalism or civic consciousness, public control or confrontation, etc.

There are the following trends in the development of civil society in recent years: growing activity of local communities to protect squares, parks, residential and near-residential areas and cultural heritage; formation of new active sites (face-to-face or virtual, Internet sites) for discussions, so-called “boiling points”, foresight sessions, development of innovative projects and initiatives; establishment of institutions of public, civil and social control such as public chambers and public councils under the executive authorities. At the same time it is important to use actively all forms of public control (public expertise, monitoring of specific, targeted, problematic situations, public inspection, public hearings, involvement of public supervisors and experts).

Keywords:

civil society, personal freedom, responsibility, human rights, civic consciousness, civic communication, civil society institutions.

Введение

Вектор поиска смыслов и содержания гражданского общества менялся при переходе из века в век, от одного политического режима к другому. Многообразие контекстов понимания, структурного определения гражданского общества, оригинальность подходов к этому феномену до сих пор остается предметом исследования многих молодых и опытных ученых как в отдельных отраслях научного знания (философов, политологов, культурологов, юристов), так и в междисциплинарных исследованиях.

Одной из основных тенденций развития гражданского общества в XX в. можно назвать следующую: наряду с политическим и экономическим обществом, оно стало постепенно выходить во второй половине XX в. из-под жесткого государственного контроля и обретать самостоятельность, границы которой зависели от политического режима, правовой системы, экономического состояния той или иной страны.

Рассмотрение и анализ основных тенденций развития институтов гражданского общества в России, в частности, проблем и противоречий, возникающих в процессе развития, – цель данной статьи, в которой используются исторический, логический, системно-функциональный, сравнительный методы исследования.

При подготовке статьи изучались и анализировались научные труды российских и зарубежных ученых, специалистов по проблемам гражданского общества, правам человека, политической и правовой культуре, демократии, в частности, таких как С.С. Алексеев, Э. Араго, Л.Б. Гапоненко, Э. Геллнер, Р. Даль, Ю.Г. Ершов, М. Игнатъев, Джин Л. Коэн, Ю. Лотман, О.Ю. Малинова, Э.А. Паин, А.Ю. Сунгуров, А.С. Туманова, др.

Рассматривая степень изученности темы статьи в современных гуманитарных науках, надо отметить, что существует большое количество научных трудов (монографий, статей) по проблемам гражданского общества, однако данная тематика остается по-прежнему актуальной и нуждается в осмыслении и изучении. Среди известных российских исследователей институтов гражданского общества можно отметить (наряду с названными выше) следующих: А.А. Айвазян, Е.Г. Дьякова, В.А. Иноземцев, К.В. Киселев, В.С. Мартыанов, Л.И. Никовская, В.Н. Руденкин, В.Н. Руденко, О.Ф. Русакова, Л.В. Сморгун, А.Д. Трахтенберг, М.А. Фадеичева, Л.Г. Фишман, др.

До сих пор нет единого подхода в рассмотрении определения гражданского общества: одни исследователи считают, что это индустриальное общество, достигшее определенного уровня социально-экономического и культурного развития; другие понимают под гражданским обществом часть социума, сферу между индивидом и государством; третьи рассматривают гражданское общество как частную, не политическую сферу социума (Туманова, 2018, с. 100–101), в которой граждане посредством создания ассоциаций приобретают новый статус.

В структурном отношении гражданское общество можно рассматривать в следующих аспектах: 1) как внесударственную общественную реальность, противостоящую государству, 2) как частную сферу жизни людей, отличную от государственной и общественной сфер, 3) как общественную сферу, опосредующую отношения между частной сферой и государством (Гапоненко, Ершов, 2004, с. 12).

Истоки формирования идеи гражданского общества – в научных трудах классиков политико-правовой мысли Дж. Локка, Т. Гоббса, Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, Вольтера, И. Канта, Г. Гегеля, А. де Токвиля., М. Вебера, Т. Парсонса, др. Так, А. де Токвиль считал главным институтом гражданского общества добровольно созданные ассоциации. В эпоху Просвещения идея гражданского общества рассматривается как тесно связанная с идеей правового государства, и постепенно получает свое систематическое оформление, приращение новыми характеристиками и институтами в либеральной политико-правовой мысли XIX–XX вв.

При этом важным мотивирующим и объединяющим фактором при создании ассоциаций, союзов, организаций является дух общественной и социальной групповой солидарности, значение которого отмечал в свое время К. Манхейм (1994), выделявший три существенных этапа в развитии человека и в формировании человеческой морали: «1. Человек на стадии солидарности орды. 2. Человек на стадии индивидуальной конкуренции. 3. Человек на стадии постиндивидуальной групповой солидарности» (с. 305). Если в первом периоде преобладает «механическая солидарность», когда «успехи достигались посредством и в значительной степени однородных действий, основанных на традициях и страхе» (с. 305), то в третьем периоде – «новой интеграции больших групп» – формируется «высшая стадия общественной рациональности и моральности, стадия планирования» (с. 306). Думается, что в развитие идей о трех стадиях развития человека и человеческой морали К. Манхейма, можно предположить, что конце XX в. – начале XXI в. наблюдается формирование четвертого этапа – периода новой интеграции больших, средних и малых групп на основе того или иного типа солидарности, в частности: общественной, правозащитной, социальной, гражданской солидарности.

Актуальный и важный анализ развития идей о гражданском обществе был проведен Джин Л. Коэном и Эндрю Арато (2003), которые отмечали: основой рассмотрения гражданского общества Г. Гегелем были корпорации и сословия; К. Маркс выявил «негативные стороны гражданского общества, его атомизм и негуманистичность», смог «намного превзойти Гегеля в анализе социальных последствий капиталистического развития»; А. де Токвиль доказал совместимость гражданского общества и демократии; А. Грамши поставил в центр изучения гражданского общества ассоциации и культурные опосредования; Т. Парсонс исходил при рассмотрении гражданского общества из ключевой роли социальной интеграции (с. 178).

Особую актуальность в настоящее время приобретают идеи Ю. Хабермаса, понимающего гражданское общество в качестве сферы между личностью и государством, в которой и происходит их коммуникация; в теории публичной сферы он развивает идею А. де Токвиля о ключевой роли добровольных ассоциаций, отмечая: ведущие формы становления общественности – кофейни, читальни,

дискуссионные кружки, клубы, где происходит переход публики от контрагента власти в ее полноправного партнера – оппонента (Туманова, 2018, с. 102).

Результаты исследования

Активность гражданского общества в современном мире связана с уровнем гражданской культуры, культуры участия, гражданственности, уровнем развития гражданского образования, с активной гражданской позицией, демократической гражданственностью, с поиском новых форм коммуникации между властью и обществом.

Условия формирования гражданского общества

Важными предпосылками, базисными условиями формирования гражданского общества являются верховенство права, создание правового государства, развитие правовой культуры граждан. Знание своих прав и свобод, умения и навыки пользоваться ими и защищать себя и свою семью – все это способствует развитию гражданского общества, формированию правовой грамотности, высокой политической и правовой культуры; также важное значение имеют финансовая и налоговая грамотность граждан.

Для развития гражданского общества важно наличие различного типа общественных союзов, организаций, товариществ, объединений, др. Профессиональные союзы, общественные организации, товарищества собственников жилья; некоммерческие и неправительственные организации – все вместе они представляют большое социальное пространство, в котором граждане могут защищать свои индивидуальные и общественные интересы, вырабатывать стратегии и тактики представительства общественных интересов в органах государственной власти, защиты своих законных интересов, прав и свобод человека, гражданина, личности.

В процессе развития гражданского общества в России в конце XX – начале XXI вв. сохраняется достаточно много проблем, связанных с отстаиванием отдельными индивидами и общественными организациями, объединениями своих прав и общественных интересов, выстраиванием эффективной модели взаимодействия с органами государственной власти и местного самоуправления.

Изначально ключевыми идеями теоретиков гражданского общества были освобождение общества от поглощения государством, разграничение интересов и сфер компетенции государства и гражданского общества. Позже концепции гражданского общества становились все более детализированными и конкретными: либо были нацелены на поиск наиболее эффективного института (среди которых можно назвать этнические и экологические объединения, профессиональные ассоциации и союзы, научные и культурные организации, политические партии, университеты, семейные и религиозные организации, ветеранские и молодежные организации и движения, волонтерские и добровольческие объединения, независимые СМИ и др.), либо на поиск наиболее оптимальных моделей взаимодействия с органами государственной власти и др.

Многие современные эксперты, ученые считают, что эффективность гражданского общества зависит от степени личной ответственности, активности

и инициативности граждан. Другие полагают, что эта эффективность зависит от степени защиты прав человека и установленных границ свободы (каждого человека и общественных организаций/объединений) и уровня инакомыслия в конкретной стране.

В связи с этим важным является вопрос о характере активности и компетентности гражданина, степени его готовности воспользоваться правом на участие в управлении государством, участия в институтах гражданского общества. Нужна ли гражданам политическая опека со стороны государства или необходимо формировать гражданскую компетентность членов общества с целью их участия в управлении государством? Нет единого ответа и успешного политического рецепта, для каждого государства и общества этот вопрос решается применительно к конкретной политической, социально-экономической ситуации, с учетом уровня политической и правовой культуры граждан.

Гражданское просвещение и образование

Для развития зрелого формирования гражданского общества, для формирования гражданской компетентности человека, его умений и навыков по участию в управлении государством важно укреплять институты гражданского просвещения, в частности: формальное обучение, публичные дискуссии, обсуждения, свободный доступ к достоверной информации, другие атрибуты открытого общества (Даль, 2000, с. 79).

В развитие идеи Р. Даля о важности институтов гражданского просвещения для укрепления демократического, гражданского общества необходимо отметить востребованность гражданского образования и правового просвещения в современном обществе и государстве. При этом гражданское образование включает в себя: образование в области прав человека, «обучение культуре мира, воспитание толерантности, развитие межсекторного социального партнерства, менеджмент самоуправляющихся ассоциаций граждан (НКО)» (Сунгуров, 2018, с. 24).

Индикаторы и показатели развития гражданского общества

В настоящее время исследователи разрабатывают критерии эффективности гражданского общества, различные индикаторы гражданского общества, показатели защищенности прав и свобод человека и гражданина, общественных интересов. Так, ряд авторов отстаивает следующую систему важных индикаторов и показателей предпосылок развития гражданского общества (Мерсиянова, 2008, с. 90), и с этим вполне можно согласиться: уровень социального доверия, уровень predisposedности к общественной солидарности и коллективным действиям, уровень ответственности, уровень ощущения личной безопасности, уровень добровольчества и частной филантропии, уровень информированности, уровень участия.

Дилеммы и противоречия гражданского общества

В современных спорах об основах гражданского общества дилемма может быть сведена до разрешения таких основных противоречий: приоритет

личной ответственности или свободы человека; приоритет обязанностей или свобод человека; приоритет прав человека или его обязанностей; приоритет свободомыслия или инакомыслия; приоритет патернализма или гражданственности; приоритет взаимодействия с властью или сопротивления; приоритет гражданского участия или протеста; приоритет общественному контролю или противостоянию; приоритет гражданского диалога или монолога.

Так, один из крупнейших российских ученых – гуманитариев XX века Д. С. Лихачев, анализируя соотношение демократии и свободы, содержание понятий «свободный человек», «человек культуры», отмечал: «... Человек должен быть полностью интеллектуально и граждански свободным. Свободным от давления государства, партии, идеологии, карьерных соображений, различного рода внешних обстоятельств. И подчиняться целиком и без компромиссов только своей внутренней власти – власти совести» (Лихачев, 2006, с. 48). Эти идеи Д. С. Лихачева особенно важны при анализе истории развития российского общества, формирования российской культуры.

Давление бюрократии, препятствия на пути к личной свободе, политические и экономические барьеры, сословные ограничения, кризисы власти, природные и экономические «качели», исторические и политические бумеранги, резкие и жесткие реформирования – все эти факторы в российской истории способствовали возникновению и развитию свободомыслия, инакомыслия, оппозиционной культуры, противостояния власти и общества во многие периоды российской истории.

Особенности развития гражданского общества в России

Мощными факторами, тормозящими, препятствующими своевременному и последовательному развитию гражданского общества в России, стали и долгий период существования крепостного права (рабства), и опасные и тяжелые для советского народа времена репрессий, следствиями которых стали искалеченные судьбы, уничтожение многих культурных и ментальных оснований (важных для формирования гражданского общества: уважение человеческого достоинства, а также гражданской, политической, экономической свободы личности), и разрушение многих семейных традиций, преемственности многих поколений.

Сложный, тяжелый путь в России к гражданскому обществу был обусловлен и историческими обстоятельствами, особенностями формирования российской государственности, фундаментальной идеологической триады, ставшей своеобразным ментальным кодом – «самодержавие, православие, народность».

Во многом прав Ю. Лотман (2016), утверждающий при сравнении формирования взаимоотношений власти и общества, власти и человека на Западе и в России: «Централизованная власть в гораздо более прямой форме, чем на Западе, строилась по модели религиозных отношений. Построенная в «Домострое» изоморфная модель: Бог во вселенной, царь в государстве, отец в семье – отражал три степени безусловной врученности человека и копировала религиозную систему отношений на других уровнях. Возникшее в этих условиях понятие «государевой службы» подразумевало отсутствие условий между сторонами: с одной – подразумевалась безусловная и полная отдача себя, а с другой – милость. Понятие «службы» генетически восходило к психологии

несвободных членов княжеского вотчинного аппарата. По мере того, как росла роль этой лично зависимой от князя бюрократии, превращавшейся в бюрократию государственную, а также роль наемного войска князя, «воинников», психология княжеского двора делалась государственной психологией служилого люда. На государя переносились религиозные чувства, служба превращалась в служение. Достоинство определяется милостью...» (с. 416–417). И как утверждает Ю. Лотман (2016), исследуя средневековый период, если на Западе «психология обмена и договора культивирует знаковость, ритуал, этикет, то религиозно-государственная позиция» в России была ориентирована на символизм и практицизм (с. 417). Можно согласиться с Ю. Лотманом (2016), отмечавшим, что в XVIII в. «государственно-религиозная модель не исчезла, а подвергалась интересным трансформациям» (с. 422) в России: петровская государственность (с идеалом царя-работника), «как и допетровская централизованная государственность, требовала веры в себя и полного в себе растворения. Человек вручал себя ей. Создавалась светская религия государственности...» (с. 423), «быстро развивающаяся замкнуто-дворянская культура культивирует этикет, театрализацию быта...» (с. 426). «Дух договорности, пронизывающий культуру XVIII в.» (Лотман, с. 425), развитие в российской общественно-политической мысли идей французских просветителей об общественном договоре между властью и народом с трудом продвигались в России, как и многие другие идеи, играющие важную роль для формирования общественного мнения, общественных сил, зарождения институтов гражданского общества. В целом, многие российские самодержцы и представители дворянского сословия, как, например, Александр I, констатировали тот факт, что в России «самодержавие – печальная необходимость, которой он лично не одобряет» (Лотман, с. 425), и что для России, как отмечала еще Екатерина II, свойственно монархическое устройство и соответствующий дух законов/наказов/указов, согласно закономерностям географического детерминизма, утвержденным французским просветителем Ш. Монтескье.

Применяя к российскому прошлому категорию «травматическая память» (Малинова, 2015) как важный фактор формирования народного менталитета, становления гражданского общества, по нашему мнению, можно отметить, что травматическая память о царской России связана с ужасами крепостного права, такой тип памяти о советской России – с трагедиями репрессивного периода и гибельным для многих семей и поколений «афганским синдромом», а травматическая память о России конца XX – начала XXI в. – с бесконечно мучительным воспоминанием о распаде СССР, тяжелыми потерями чеченской войны, др.

Формирование в конце XX в. «хрупких ростков либерализма», основ гражданского общества, первых институтов прав человека было медленным и несистемным. Главными целями государства и переживаемыми гражданами проблемами того времени были «грандиозность переживаемых реформ» и связанные с ними риски. Так, Президент России Б.Н. Ельцин в Послании Федеральному Собранию РФ «О действенности государственной власти в России» (1995 г.) отмечал следующее: «Россия хорошо знает, что такое право силы. Осознать силу права только предстоит... Тем самым зреет опасное для нашего развития явление: права личности, никогда в отечественной истории не считавшиеся

практическим государственным приоритетом, рискуют и впредь остаться декларативными» (Малинова, 2015, с. 38–39).

Первые девятнадцать лет XXI в. стали тоже тяжелым испытанием для большинства жителей нашей планеты (многие из которых живут с пониманием постоянной опасности внезапного начала третьей мировой войны) во многих смыслах, в частности: в осознании приоритетов права силы или силы права, в понимании кризиса международного права и прав человека, в признании необходимости ограничений прав и свобод человека как индивида и как члена некоммерческих организаций, как члена гражданского общества, в целях обеспечения общественной, государственной, национальной, экологической безопасности.

Роль правозащитной идеи в развитии гражданского общества

Опасные тенденции в современном понимании и толковании прав человека (как основы гражданского общества) как политики или как идолопоклонства проанализировал Майкл Игнатъев (2019), который отметил, в частности: «Обозначение пределов, присущих правозащитной идее в качестве языка морального вмешательства, представляется еще более важным с учетом того обстоятельства, что один из факторов могущества, каким идеология прав человека некогда обладала на Западе, теперь лежит в руинах... Правозащитная идея перестанет быть имперской, если делается более политической: иначе говоря, если ее будут интерпретировать не в качестве языка, провозглашающего вековые ценности, а как дискурс, способный урегулировать конфликты», однако «...правозащитные принципы сами могут конфликтовать друг с другом» (с. 51–52), поэтому могут быть лишь определенной основой для урегулирования конфликтов.

Действительно, правозащитный лексикон стал составной частью выступлений, идейных платформ многих глав государств, политических лидеров, парламентариев различного уровня и политической направленности, международных переговоров, политического языка взаимодействия власти и гражданского общества. Риторика прав человека стала почти повсеместной, но это не усилило, а даже ослабило в определенной степени позиции правозащитных институтов: основания и аргументы в пользу прав человека достаточно часто бывают достаточно ясны и понятны всем сторонам конфликта или виновникам нарушения прав человека, но выполнять обязательства по их соблюдению стороны не всегда готовы в силу политических, экономических и других причин.

В этом отношении важно уточнение самих понятий «права человека», «право человека» в условиях размывания, обескровливания прав человека в политической жизни, науке, общественном мнении, в правовых документах, в расширении «каталога» этих прав... (Алексеев, 2006, с. 248).

Фундаментальное определение, не теряющее актуальности в любые времена, было дано в свое время С.С. Алексеевым (2006), который справедливо утверждал, что право, право человека – это «убежище от произвола, институт свободного самоутверждения человека, свобода и творческая активность людей» (с. 248). Анализируя права человека, он отмечал, что «Право в своем «высшем» значении – это цель наиболее высокой ступени сообщества

людей – современного гражданского общества. Общества, в центре которого – человек с высоким достоинством и неотъемлемыми правами» (с. 259). Можно согласиться с идеей С.С. Алексеева о трех уникальных функциях права в современном гражданском обществе: 1) право как носитель и гарант «свободы человека в оптимальных разумных формах», 2) определение условий и границ свободы человека, противостояние злоупотреблениям и преступлениям, 3) перевод «свободы вообще» «в деловую активность, в творчество, в созидательное дело» (с. 360).

Двойственную природу и различную целевую направленность гражданского общества отмечал Э. Геллнер, утверждавший: «Гражданское общество может контролировать государство и может ему противостоять. Оно не склоняется перед государством. И более того, согласно Марксу, именно гражданское общество является начальствующей инстанцией, а власть (и даже независимость) государства – всего лишь бутафорский фасад, обман». Э. Геллнер в более широком понимании рассматривал гражданское общество как «общество, где неполитические институты не испытывают давления со стороны политических институтов, и где ничто не сковывает индивидуальной свободы» (Геллнер, 2004, с. 216), где свобода дана даже «боязливым и рассеянным» (Геллнер, 2004, с. 95). Это определение, как и многие, основывается и акцентируется на утверждении ценности индивидуальной свободы, однако нет речи о личной ответственности; в то время как нет свободы без ответственности, нет прав без обязанностей. Свобода нужна всем – смелым и внимательным, «боязливым и рассеянным», но обладание свободой должно осознаваться одновременно с ответственностью, пониманием законных границ свободы, чтобы не были ущемлены права и свободы других свободных людей, сообществ и организаций.

Бесспорна взаимосвязь гражданского общества и правового государства, гражданского общества и правовой защиты личности. Некоторые авторы рассматривают, предлагая определенную типологию, зрелые и незрелые, развитые и неразвитые гражданские общества, другие считают некорректными такие выводы. В этом отношении более объективным и логичным было бы рассматривать этапы (стадии) становления и развития гражданского общества, так как «прыжка в зрелость» не может позволить даже один индивид, не говоря уже о сообществе самоорганизующихся индивидов, о гражданском обществе.

На различных этапах развития гражданского общества степень гражданского участия индивидов отличается, постепенно возрастает и расширяется, и тем самым способствует формированию и развитию политической и правовой культуры, гражданственности, культуры прав человека.

Результаты исследования

Уровень зрелости гражданского общества можно определить по степени участия каждого гражданина в выборах, политических дебатах и общественных дискуссиях, в принятии низовых решений, на местном, муниципальном и региональном уровнях, по степени *гражданской коммуникации* (предлагаем такое новое понятие для использования в политико-правовых исследованиях по гражданскому обществу) в целом; а также по уровню готовности гражданина принять участие в практическом преобразовании, улучшении жизни своего

двора, дома, района, города, области, региона, страны, вместе со своими коллегами, друзьями, членами профессионального сообщества, во взаимодействии с представителями власти и общества; в постепенном переходе, используя и развивая терминологию Ю. Лотмана, от коммуникации «Я-ОНИ» или «Я-Я» к коммуникации «Я-МЫ».

По нашему мнению, количественные и качественные показатели общественной активности и позитивной результативности ассоциаций могут рассматриваться как один из важных критериев уровня развитости и эффективности гражданского общества.

Как справедливо отмечают Э. Паин и С. Федюнин: «Без гражданского участия невозможна и собственно частная, или «негативная», свобода, которую» защищали такие известные либеральные мыслители, как Б. Констан и И. Берлин. «Как показывает история разных стран мира, практически вне зависимости от географии и культуры поддержание прав и свобод личности реализуется в непосредственной связи и при помощи установления режима народного (представительного) самоуправления, а именно путем создания собственно *гражданского общества*, в котором индивиды становятся активными субъектами социальности» (Паин, 2017, с. 41–42).

Можно согласиться с тем, что не существует *«прав человека самих по себе*, без гражданского общества и политического, национального союза, провозглашающего своей целью защиту этих прав... и создающего для этого необходимые условия (через участие и общественный контроль над институтами государства)» (Паин, 2017, с. 42). Об этом, как они справедливо отмечают, размышляли и такие классики философской и политической мысли, как Х. Арндт, М. Мамардашвили, выступавшие против поглощения человека и общества авторитарным или тоталитарным режимом.

Так, М. Мамардашвили, анализируя взаимосвязь гражданственности и личной свободы, в частности, и индивидуальных прав, в целом, доказывал, что «гражданское общество как особое символическое пространство, без которого невозможно само осознание прав человека и которое, следовательно, «является просто условием возможных осмысленных терминов постановки социальных, исторических и политических задач» (Паин, 2017, с. 43).

Отношение к понятию «гражданское общество» сохраняется противоречивым и в XXI веке. Так, как отмечала Т.И. Заславская, еще в начале 2000-х гг. по данным Фонда общественного мнения только 16% российских граждан ответили, что знают содержание этого понятия, а 22% дали примерно верное определение гражданского общества (Заславская, 2004, с. 180–181). Хотя уже в это время, по оценкам Г.Г. Дилигенского, наметилась четко выраженная тенденция роста «значимости индивидуальной ответственности и самостоятельности», что постепенно способствовало размыванию все еще сильного патерналистского синдрома. И в наше время содержание понятия «гражданское общество» и свою принадлежность к нему (или отсутствие таковой) может определить далеко не каждый.

В связи с этим представляют интерес результаты первого этапа исследовательского проекта Московского центра Карнеги по изучению взаимоотношений общества, власти и бизнеса в регионах России. В 2006–2008 годах исследования проводились в Иркутской, Мурманской, Астраханской и Оренбургской областях.

По результатам исследования Н. Петров и А. Титков обозначили следующие характеристики российского общества, многие из которых не потеряли своей актуальности и сегодня: 1) неоднородность, разделение, слабая структурированность; 2) одновременное сочетание нескольких укладов: советского, постсоветского, несветского; 3) межрегиональная дифференциация проявляется меньше, нежели внутри регионов; 4) «охотная зависимость от государства» – модель поведения, присущая значительной части общества, которую можно определить, как «застрявшую в транзите» 90-х годов; 5) территориальная перемешанность российского общества и «отсутствие корней на территории проживания», что является следствиями революционных преобразований XX века, двух мировых войн, массовых сталинских репрессий и переселений, индустриализации и др.; 6) российское общество – «общество новой урбанизации»; 7) развитие третьего сектора опережает развитие самого российского общества (Петров, Титков, 2010, с. 118–129).

Основной составляющей гражданского общества в современной России являются общественные объединения и другие некоммерческие организации (далее – НКО), в частности: общества инвалидов, благотворительные фонды и организации, ветеранские объединения, экологические организации, общества защиты прав потребителей, правозащитные организации; культурные, краеведческие и природоохранные движения, клубы по интересам; профсоюзы; спортивные, туристические, автомобилистские клубы/объединения; женские организации, товарищества собственников жилья, садовые и дачные товарищества, местные инициативные группы по обустройству жилых территорий; местные инициативные группы по защите имущественных, жилищных, потребительских прав и интересов местных жителей; группы/органы школьного/студенческого самоуправления (в том числе, студенческие советы, советы общежитий, др.); инициативные группы, объединения родителей; домовые комитеты, старшие по домам и подъездам; молодежные неформальные объединения неполитического характера, молодежные политические объединения, профессиональные ассоциации, религиозные общины и организации, движения национально-патриотического толка, этнические общины, национальные диаспоры, землячества (Мерсиянова, Якобсон, 2008, с. 37–38). Устойчивое и стабильное развитие этих общественных объединений, НКО, как и гражданского общества в целом в России, зависит от их поддержки, с одной стороны, гражданами, с другой стороны – органами власти; нужна национальная стратегия поддержки и развития общественных инициатив и региональные программы по продвижению такой стратегии.

В российском законодательстве в последние годы стали чаще использоваться термины «гражданское общество» и «институты гражданского общества». Данные понятия содержатся в государственных программах, используются в наименованиях органов власти (имеется ввиду созданный 1 февраля 2011 г. Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека), применяются в текстах ряда федеральных законов (например, в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» активно используется категория «институты гражданского общества»). Но, в целом, в законодательстве термин «институты гражданского общества» используется не так часто, поскольку по-прежнему отдается предпочтение терминам

«общественные объединения» и «общественные организации». В российском законодательстве нет легального определения понятий «институт гражданского общества», «гражданское общество», отсутствует единый подход к пониманию гражданского общества в юридической науке. Например, Е. Е. Никитина рассматривает гражданское общество как «ипостась любого цивилизованного (базирующегося на общественном разделении труда) человеческого общежития», как «определенную, качественную ступень развития общества, которое прошло стадию сословного или традиционного общества» (Никитина, 2017, с. 40–410). Можно согласиться с критериями определения института гражданского общества, которые выделяет Е. Е. Никитина: «наличие определенной формы, наличие общей цели; внегосударственный порядок образования и функционирования; самоорганизация; самоуправление; добровольность; равноправные отношения, отсутствие иерархии в системе» (с. 45).

Рассматривая тенденции развития России в первые 15 лет XXI века, можно отметить, что особенностями развития гражданского общества в России в период с 2000 по 2014 гг. стали такие, как: неровный, скачкообразный характер темпов развития, средняя гражданская активность, высокая степень зависимости от уровня социально-экономического развития страны, инфляции, от уровня социального неравенства.

Одной из тенденций развития гражданского общества последних лет (2015–2019 гг.) являются растущая активность местных сообществ, отстаивающих, прежде всего, гражданские, политические, экологические права, в том числе право на благоприятную окружающую среду, чистоту, благоустройство и независимость от внешних загрязнений и вмешательств, точечной застройки придомового пространства, а также отстаивающих районные и городские скверы, парки, другие территориальные объекты для отдыха людей и их семей в городах и регионах России.

За период с 2009 по 2019 гг. ряд институтов гражданского общества стал активно развиваться (например, общественные палаты и общественные советы в регионах РФ), другие – после признания «иностранными агентами» – либо перестали существовать, либо существенно снизили свою активность, либо преобразованы в другие организации.

Новыми тенденциями в развитии гражданского общества последних лет, по нашему мнению, стали следующие: 1) формирование местных сообществ, их активизация по защите скверов, парков и других мест отдыха горожан; 2) появление обучающих школ для разных возрастных категорий, в том числе «Школы активного горожанина», «Школы активного гражданина», др.; 3) формирование новых активных площадок для дискуссий, разработки инновационных проектов, «точек кипения», др.; 4) активное развитие волонтерских организаций, добровольчества; 5) формирование в Интернете виртуальных профессиональных сообществ, нацеленных на обсуждение совместных интересов, расширение интеллектуальных горизонтов, межрегиональное и международное сотрудничество; 6) обсуждение актуальных вопросов по развитию гражданского общества в виртуальном пространстве на просторах социальных сетей, в многочисленных группах ВК и ФБ, результатом которых являются совместные действия, создание новых организаций, сообществ; 7) возрождение и развитие местных отделений Российского Красного Креста и других подобных общественных организаций,

которые были активны в России в начале XX века; 8) рост числа дискуссионных клубов, открытых площадок для обмена мнениями властью и обществом, молодежи и представителей других поколений, разновозрастных или одновозрастных представителей различных институтов гражданского общества или отдельных индивидов, имеющих интерес к общественной деятельности, др.; 9) формирование общественных и экспертных советов, общественных комиссий, общественных палат, рабочих и экспертных групп по решению краткосрочных или долгосрочных задач, др.

Многие исследователи, изучая проблемы, барьеры на пути развития сильного гражданского общества в России, справедливо утверждали, что развитие эффективной, высокотехнологичной экономики, с использованием современных информационных технологий и достижений научно-технического прогресса – необходимый путь к формированию среднего класса как основы гражданского общества. Но одного понимания, утверждения, признания этого вывода обществом и государством недостаточно для его реализации на практике, и требует не только финансовых затрат, правовой политики государства в целом, но и систематической, эффективной поддержки среднего класса на уровне муниципальных образований различных регионов России.

Спорным является вопрос о том, кто определяет ценности, приоритеты гражданского общества, кто их разрабатывает и распространяет путем просвещения (правового, экономического, экологического), образования (формального, неформального, дополнительного и др.).

По нашему мнению, ведущими представителями гражданского общества являются представители педагогического и академического сообщества, сотрудники медицинских учреждений и организаций, представители некоммерческих организаций (прежде всего имеющих правозащитную направленность своей деятельности). Важно привлекать таких представителей в качестве экспертов для разработки и оценки, моделирования и совершенствования государственных программ, национальных проектов. Экспертный потенциал пока использован не в полной мере, в то время как он достаточно высок и перспективен.

Перспективы гражданского общества в современной России напрямую зависят от эффективности взаимодействия общества и государства. И важную роль в этом взаимодействии призваны выполнять сравнительно новые для России институты гражданского общества, такие как общественные палаты, общественные советы, экспертные советы, др. Основными формами общественного контроля являются общественный мониторинг и общественное обсуждение. Общественные советы, общественные наблюдательные комиссии (далее – ОНК) – все эти форматы общественного контроля получили разное (по признанию, эффективности и мобильности), но достаточно активное развитие в российских регионах. Создание и совершенствование института общественных советов и ОНК способствует развитию институтов гражданского общества, формирует гражданское правосознание.

В деятельности институтов развития гражданского общества должен генерироваться демократический выбор, эти институты призваны обеспечить контроль над государственным аппаратом, и приближать правительственные решения к «реальным общественным предпочтениям» (Лебедев, Рубинштейн, 2011, с. 30).

Заключение

Основные противоречия в развитии гражданского общества выражены в полярных приоритетах: гражданский диалог или властный монолог, гражданское участие или протестное движение, свободомыслие или инакомыслие, патернализм или гражданственность, общественный контроль или противостояние, др.

Среди тенденций развития гражданского общества последних лет можно отметить следующие: растущая активность местных сообществ по защите скверов, парков, жилых и придомовых территорий, культурного наследия; формирование новых активных площадок (очных или виртуальных, интернет-площадок) для дискуссий, так называемых «точек кипения», форсайт-сессий, разработки инновационных проектов и инициатив; формирование институтов общественного, гражданского, социального контроля – общественных палат и общественных советов при органах исполнительной власти. При этом важно активно использовать все формы общественного контроля (общественная экспертиза, мониторинг конкретных, адресных, проблемных ситуаций, общественная проверка, публичные слушания, привлечение общественных контролеров и экспертов).

В целом, анализируя тенденции и направления развития российского общества, надо отметить, что от активности институтов гражданского общества, разработки и продвижения ими общественных инициатив, стремления к защите общественных интересов, а также защите прав и свобод человека и гражданина, оптимального диалога с органами государственной власти зависит уровень эффективности гражданского общества, степень зрелости российского гражданского общества.

Список литературы

1. Алексеев, С.С. (2006). *Линия права*. М.: Статут.
2. Геллнер, Э. (2004). *Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники*. М.: Московская школа политических исследований.
3. Даль, Р. (2000). *О демократии* (Пер. с англ. А.С. Богдановского). М.: Аспект-Пресс.
4. Заславская, Т.И. (2004). *Современное российское общество: Социальный механизм трансформации* (Учебное пособие). М.: Дело.
5. Игнатъев, М. (2019). *Права человека как политика и как идолопоклонство* (Пер. с английского А. Захарова). М.: Новое литературное обозрение.
6. Коэн, Джин Л., Арато, Эндрю. (2003). *Гражданское общество и политическая теория* (Пер. с англ. И.И. Мюрберг). М.: Весь мир.
7. Лебедев, А.Е., Рубинштейн, А.Я. (Ред.). (2011). *Гражданское общество: зарубежный опыт и российская практика*. СПб: Алетейя.
8. Лихачев, Д.С. (2006). *Избранное: Мысли о жизни, истории, культуре*. М.: Российский Фонд Культуры.
9. Лотман, Ю. (2016). *Внутри мыслящих миров*. Санкт-Петербург: Азбука.
10. Малинова, О.Ю. (2015). *Актуальное прошлое: Символическая*

политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия.

11. Манхейм, К. (1994). *Диагноз нашего времени*. М.: Юрист.

12. Мерсиянова, И. (2008). Гражданское общество в региональном измерении: роль факторов и социальных практик. В Е.С. Петренко (Ред.), *Гражданское общество современной России. Социологические зарисовки с натуры* (с. 90–91). М.: Институт Фонда «Общественное мнение».

13. Мерсиянова, И., Якобсон, Л. (2008). Институционализация гражданского общества и третий сектор. В Е.С. Петренко (Ред.), *Гражданское общество современной России. Социологические зарисовки с натуры* (с. 37–38). М.: Институт Фонда «Общественное мнение».

14. Никитина, Е.Е. (2017). Система институтов гражданского общества в России: конституционно-правовой аспект. *Журнал российского права*, 6, 40–45.

15. Паин, Э.А., Федюнин С.Ю. (2017). *Нация и демократия: перспективы управления культурным разнообразием*. М.: Мысль.

16. Петров Н., Титков А. (Ред.). (2010). *Власть, бизнес, общество в регионах: неправильный треугольник*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).

17. Русакова, О.Ф. (Ред.). (2004). *Судьбы гражданского общества в России: Т. 2. Современные аспекты концептуального осмысления проблем гражданского общества*. Екатеринбург: УрО РАН.

18. Сунгуров, А.Ю. (Ред.). (2018). *Правоприменительная практика в области гражданского образования и просвещения в области прав человека*. СПб.: Норма.

19. Туманова, А.С. (2018). Либеральная концепция гражданского общества: промежуточные итоги и перспективы осмысления. В В.В. Шелохаев (Ред.), *X Муромцевские чтения «Российский либерализм: итоги и перспективы изучения»* (с. 100–102). Орел: Орловский гос. университет им. И.С. Тургенева.

References

1. Alekseyev, S.S. (2006). *Liniya prava* [Line of law]. Moscow: Statut.
2. Cohen, Gene L., & Arato, Andrew. (2003). *Grazhdanskoe obshchestvo i politicheskaya teoriya* [Civil society and political theory] (Trans. from English / ed. by I.I. Myurberg). Moscow: Ves' mir.
3. Dahl, R. (2000). *O demokratii* [On democracy] (Trans. from English by A.S. Bogdanovsky). Moscow: Aspect-Press.
4. Gellner, E. (2004). *Usloviya svobody. Grazhdanskoe obshchestvo i ego istoricheskie soperniki* [Conditions of liberty. Civil society and its historical rivals]. Moscow: MSHPI.
5. Ignatyev, M. (2019). *Prava cheloveka kak politika i kak idolopoklonstvo* [Human rights as politics and idolatry] (Trans. from English by A. Zakharov). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
6. Lebedev A.E., & Rubenstein F.J. (Eds.). (2011). *Grazhdanskoe obshchestvo: zarubezhnyj opyt i rossijskaya praktika* [Civil society: foreign

experience and Russian practice]. St. Petersburg: Aletheia.

7. Likhachev D. S. (2006). *Izbrannoe: mysli o zhizni, istorii, kul'ture* [Favorites: Thoughts about life, history, culture]. Moscow: Rossijskij Fond Kul'tury.

8. Lotman, Yu. (2016). *Vnutri myslyashchih mirov* [Inside thinking worlds]. St. Petersburg: Azbuka.

9. Malinova, O. Yu. (2015). *Aktual'noe proshloe: Simvolicheskaya politika vlastvuyushchej elity i dilemmy rossijskoj identichnosti* [Current past: The symbolic politics of the dominant elite and the dilemma of Russian identity]. Moscow: Politicheskaya e'nciklopediya.

10. Mannheim, K. (1994). *Diagnoz nashego vremeni* [Diagnosis of our time]. Moscow: Yurist.

11. Mersiyanova, I. (2008). Grazhdanskoe obshchestvo v regional'nom izmerenii: rol' faktorov i social'nyh praktik [Civil society in the regional dimension: the role of factors and social practices]. In E. S. Petrenko (Ed.), *Grazhdanskoe obshchestvo sovremennoj Rossii. Sociologicheskie zarisovki s natury* (pp. 90–91). Moscow: Institut Fonda "Obshhestvennoe mnenie".

12. Mersiyanova, I., & Jacobson, L. (2008). Institutionalization of civil society and the third sector. In E. S. Petrenko (Ed.), *Grazhdanskoe obshchestvo sovremennoj Rossii. Sociologicheskie zarisovki s natury* (pp. 37–38). Moscow: Institut Fonda "Obshhestvennoe mnenie".

13. Nikitina, E. E. (2017). Sistema institutov grazhdanskogo obshchestva v Rossii: konstitucionno-pravovoj aspekt [System of civil society institutions in Russia: Constitutional and legal aspect]. *Zhurnal rossijskogo prava*, 6, 40–45.

14. Pain, E. A., & Fedyunin S. Yu. (2017). *Naciya i demokratiya: perspektivy upravleniya kul'turnym raznoobraziem* [The nation and democracy: The perspectives of managing cultural diversity]. Moscow: Mysl'.

15. Petrov, N., & Titkov A. (Ed.). (2010). *Vlast, biznes, obshchestvo v regionakh: nepravil'nyj treugol'nik* [Authority, business and community in regions: The irregular triangle]. Moscow: Rossijskaya politicheskaya e'nciklopediya (ROSSPE'N).

16. Rusakova, O. F. (Ed.). (2004). *Sud'by grazhdanskogo obshchestva v Rossii: T. 2. Sovremennye aspekty konceptual'nogo osmysleniya problem grazhdanskogo obshchestva* [The fate of civil society in Russia: T. 2. Modern aspects of the conceptual understanding of the problems of civil society]. Ekaterinburg: UrO RAN.

17. Sungurov, A. Y. (Ed.). (2018). *Pravoprimeritel'naya praktika v oblasti grazhdanskogo obrazovaniya i prosveshcheniya v oblasti prav cheloveka* [Law enforcement in civil and human rights education]. St. Petersburg: Norma.

18. Tumanova, A. S. (2018). Liberal'naya koncepciya grazhdanskogo obshchestva: promezhutochnye itogi i perspektivy osmysleniya [Liberal concept of civil society: Intermediate outcomes and perspectives of reflection]. In V. V. Shelohayev (Ed.), *X Muromcevskie chteniya "Rossijskij liberalizm: itogi i perspektivy izucheniya"* (pp. 100–102). Oryol: Oryol State University named after I. S. Turgenev.

19. Zaslavskaya, T. I. (2004). *Sovremennoe rossijskoe obshchestvo: Social'nyj mekhanizm transformacii* [Modern Russian society: Social mechanism of transformation] (Study letter). Moscow: Delo.

СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ. ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ



Ворончихина Дарья Николаевна,

АНО ВО «Университет при МПА ЕвразЭС»,
старший преподаватель,
Санкт-Петербург, Россия,
ORCID: 0000-0002-6674-0357,
E-mail: daria-voronchikhina@mail.ru

Статья поступила в редакцию 21.11.2019, принята к публикации 10.02.2020

Для цитирования: Ворончихина Д.Н. Современные концепции экологической безопасности. Проблемы реализации экологической политики в Российской Федерации // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2019. № 4 (37). С. 79–96. doi: 10.24411/1817-9568-2019-10405

Аннотация

В статье исследуются современные теоретические концепции экологической безопасности с точки зрения различных подходов, анализируется формирование и реализация концепции экологической безопасности в Российской Федерации на практике, приводится обоснование необходимости модернизации проводимой государственной экологической политики в России, формирования и развития экологического сознания и экологической культуры граждан.

Цели: проанализировать существующие в настоящее время теоретические концепции экологической безопасности с позиции различных подходов, выявить проблемы в осуществлении Российской Федерацией политики в области обеспечения экологической безопасности.

Методы: системный подход, обобщение, сравнительный анализ, исторический подход.

Результаты. Проведен анализ современных концепций экологической безопасности в теоретическом аспекте. Автором представлено собственное понимание таких понятий, как экологическая безопасность и концепция экологической безопасности.

В работе рассмотрены основные виды экологической безопасности: национальная, глобальная (всеобъемлющая, международная), а также экологическая безопасность индивидов. Проведен анализ формирования и осуществления концепции экологической безопасности в России в практическом аспекте. Сделано заключение о наличии серьезных пробелов в формировании и реализации высшими органами власти России экологической политики.

Выводы. Концепция экологической безопасности закрепляется в различных нормативных актах, которые зачастую носят лишь декларативный характер. Политика государства является механизмом реализации положений данных документов в области обеспечения экологической безопасности. Полномочиями по защите окружающей среды должны обладать не только государство, но и проживающие на его территории люди. На сегодняшний день в России среди населения наблюдается эколого-политико-правовой нигилизм. Кроме того, в нашей стране существует большое количество пробелов в области эффективного осуществления экологической политики. В основном, такие проблемы носят экономический и юридический характер. Для успешного обеспечения экологической безопасности в России следует сосредоточиться на решении управленческих, организационных, политических и правовых проблем и заняться устранением законодательных пробелов.

Ключевые слова:

экологическая безопасность, государственная экологическая политика, экополитология, экологические проблемы, концепция экологической безопасности, национальная экологическая безопасность, «глобальная» экологическая безопасность, «экологическая безопасность индивидов», экологическая культура, экологическое сознание.

UDC 323

DOI: 10.24411/1817-9568-2019-10405

MODERN ENVIRONMENTAL SAFETY CONCEPTS. PROBLEMS OF THE IMPLEMENTATION OF THE ENVIRONMENTAL POLICY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Voronchikhina Darya Nicolaevna,

AN HEO «University associated with IA EAEC»,
Senior Lecturer,
St. Petersburg, Russia,
ORCID: 0000-0002-6674-0357,
E-mail: daria-voronchikhina@mail.ru

Article received on November 21, 2019, accepted on February 10, 2020

To cite this article: Voronchikhina, D.N. (2019). Sovremennye koncepcii ekologicheskoy bezopasnosti. Problemy realizacii ekologicheskoy politiki v Rossijskoj Federacii [Modern environmental safety concepts. Problems of the implementation of the environmental policy in the Russian Federation]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 4(37), 79-96. doi: 10.24411/1817-9568-2019-10405

Abstract

The article explores modern theoretical concepts of environmental safety in terms of different approaches; analyzes the formation and the implementation of this concept in the Russian Federation in practice; substantiates of the need for modernization of the state environmental policy in Russia, for the formation and the development of the environmental awareness and the environmental culture of citizens.

Aims: To analyze the existing theoretical concepts of the environmental safety in terms of different approaches; to identify problems in the implementation of the environmental policy by the Russian Federation.

The following *methods* were used: the systems approach, the generalization method, the comparative analysis and the historical approach.

Results. An analysis of modern theoretical concepts of the environmental safety was carried out. The author presents his own understanding of such concepts as the environmental safety and the concept of the environmental safety. The main types of the environmental safety: national, global (comprehensive, international), as well as the environmental safety of individuals were considered in the article. An analysis of the formation and implementation of the concept of environmental safety in Russia in practical terms was carried out. The conclusion that there are serious gaps in the formation and the implementation of the environmental policy by the highest authorities of Russia was made.

Conclusion. The concept of the environmental safety is enshrined in various regulations, which are often only declarative in nature. The state policy is a mechanism for implementing the provisions of these documents in the field of the environmental safety. The state, as well as people living on its territory, should have powers to protect the environment. Today, environmental-political-legal nihilism is observed among the population of Russia. In addition, there are a large number of gaps in the effective implementation of the environmental policies in our country. In the main, such problems are economic and legal in nature. Russian authorities should focus on solving managerial, organizational, political, and legal problems and address legislative gaps for the successful ensuring of the environmental safety.

Keywords:

the environmental safety, the state environmental policy, the ecopolitology, environmental problems, the environmental safety concept, the national environmental safety, the global environmental safety, the environmental safety of individuals, the ecological culture, the environmental awareness.

Введение

В настоящее время в современном мире экологическим проблемам стали уделять повышенное внимание как ученые, политики, государственные и общественные деятели, так и обычные граждане. Это связано с тем обстоятельством, что ухудшение состояния окружающей природной среды повсеместно поставило под вопрос существование всей человеческой цивилизации.

В связи с этим защита окружающей природной среды и обеспечение экологической безопасности являются важнейшими задачами, требующими незамедлительного принятия срочных решений. В середине XX века произошли глобальные изменения: экологические проблемы стали рассматриваться в рамках политической науки; начала формироваться и развиваться отдельная подотрасль политической науки, которая стала именоваться «экополитология» (Ойцев, 2008, с. 2).

Концепцией, которая предлагает новые подходы к окружающей среде и изучается исследователями различных областей знаний, в том числе и политологами, является концепция экологической безопасности.

Формированием концепции экологической безопасности в теоретическом ее понимании занимался и продолжает заниматься большой круг ученых-исследователей, занимающихся разработками в различных сферах жизнедеятельности.

В то же время все еще идет формирование новых теоретических концепций, рассматривающих, в том числе, «глобальную» экологическую безопасность и «экологическую безопасность индивидов». Ученые до сих пор продолжают обсуждать содержание концепций экологической безопасности. К настоящему времени исследователи не пришли к единому мнению. Некоторые из них не признают важность формирования эффективного механизма обеспечения экологической безопасности в рамках определенной страны и всего мира в целом.

Если рассматривать концепцию экологической безопасности как документ, закрепляющий положения и меры по формированию и эффективной реализации экологической политики в стране, то следует отметить, что в России на данный момент не сформирована целостная концепция экологической безопасности. Отдельные ее положения содержатся в различных разрозненных нормативных правовых актах. Серьезные проблемы возникают и в отношении реализации прописанных в документах политико-правовых норм.

Целями данной работы являются анализ существующих в настоящее время теоретических концепций экологической безопасности с точки зрения различных подходов; изучение основных проблем в вопросе реализации эффективной политики в области обеспечения экологической безопасности в Российской Федерации.

Для достижения целей решаются научные *задачи*, среди которых следует выделить следующие:

1. рассмотрение эволюции научной мысли о формировании концепции экологической безопасности в теоретическом ее понимании, предложение автором своего понятия концепции экологической безопасности;
2. систематизация и обобщение сложившихся в зарубежной и российской науке подходов к определению понятия «экологическая безопасность», представление авторского понимания экологической безопасности;

3. исследование подходов в классификации экологической безопасности;
4. изучение национального законодательства Российской Федерации в области обеспечения экологической безопасности;
5. выявление основных проблем в вопросе проводимой Россией политики по обеспечению экологической безопасности.

Научно-теоретическая и практическая значимость работы состоит в том, что она имеет системный характер. Предложения и выводы работы способствуют более полному и глубокому пониманию экологических проблем в мире и в России, необходимости скорейшего нахождения путей их решения, дополняют и развивают существующие научные знания в области обеспечения экологической безопасности. Комплексный характер исследования предполагает его использование при определении направлений в выработке федерального и регионального законодательства в области обеспечения экологической безопасности. Также материалы работы могут быть использованы в учебных курсах российской политики, в других специальных курсах, преподаваемых в высших учебных заведениях.

Исследованиями по данной теме занимались как российские, так и иностранные ученые. Среди зарубежных исследователей можно выделить Б. Алленби, Дж. Барнетта, Б. Бузана, П. Мартиновского, Э. Спорринга, О. Уайвере, Я. де Уайлда. Нашими соотечественниками, проводящими исследования в данной области, являются А.Ю. Галяметдинова, А.В. Герасимов, О.А. Глушко, А.А. Ойцев, Г.П. Серов, Н.А. Чертова и другие ученые.

Методология исследования

В качестве методологической основы использован системный подход.

В работе также использованы общенаучные и специальные научные методы, такие как обобщение, сравнительный анализ, а также исторический подход. В частности, проводится сравнение мнений различных ученых относительно понятия экологической безопасности; приводится эволюция формирования концепции экологической безопасности по исследованиям зарубежных ученых; на основе взглядов исследователей автор формирует собственные понятия «экологическая безопасность», «концепция экологической безопасности».

Результаты исследования

Научные идеи об экологической безопасности стали формироваться в XX веке. Эволюцию формирования концепции экологической безопасности можно проследить по исследованиям зарубежных ученых.

Так, Спорринг Э. в своей статье «Environmental Security: A conceptual investigating study» пишет, что исторически экологические проблемы присутствовали в международной повестке дня, но никогда не существовали в той форме, которую мы видим сегодня. Лишь в конце XX – начале XXI века, а в особенности с 2007 года, когда были опубликованы в Отчетах Межправительственной группы по изменению климата (МГЭИК) результаты исследований климатических изменений, вопросы изменения климата от антропогенной деятельности выдвинулись на первый план в вопросах обеспечения безопасности. Кроме

того, с этого времени проблемой защиты окружающей среды заинтересовалась общественность (Jonsson, 2009, p. 33).

Мартиновский П. в статье «Environmental security and classical typology of security studies» указывает, что экологическая безопасность уже на протяжении нескольких десятилетий в рамках исследований безопасности занимает особое положение: некоторые исследователи полностью игнорируют экологические угрозы, другие уделяют им самое пристальное внимание, а третьи резко выступают против проведения подобных исследований. Он выделяет три поколения исследователей экологической безопасности. При этом предыдущие поколения не исчезают с появлением новых. Напротив, они сохраняются, и даже присутствуют концептуальные дебаты о положении экологической безопасности (Martinovsky, 2011).

Вопросами обеспечения экологической безопасности в свое время занимался Римский клуб. Он представлял собой основанную в 1968 году международную общественную ассоциацию экономистов, предпринимателей, социологов, демографов и ученых, занимающихся исследованиями в сфере естественных наук. Главная его цель состояла в прогнозировании развития общества. Члены клуба, в том числе, предлагали различные способы предотвращения и преодоления наступающего экологического кризиса. Большинство концепций обеспечения экологической безопасности были выдвинуты именно в рамках данной организации. Наиболее популярными концепциями считаются: концепция ограниченного роста, концепция глобального управления окружающей природной средой, концепция экологической революции, концепция охраны и развития и другие (Келина, 2009, с. 102).

В настоящее время как в зарубежной, так и в российской науке существует множество определений экологической безопасности. Каждый ученый, занимающийся исследованием по данной тематике, формулирует свое определение. В то же время все они схожи.

Среди иностранных ученых, занимающихся исследованиями экологической безопасности, следуют выделить представителей Копенгагенской школы. Они считают, что в понятие экологической безопасности входит широкий спектр тем: нарушение экосистем (изменение климата, обезлесение...), энергетические проблемы (эксплуатация источников, аварий), проблемы, связанные с народонаселением (эпидемии, миграция...), проблемы с продовольствием (нищета, голод...), экономические проблемы (неустойчивый рост, асимметрия в разделении богатства), гражданские споры (эко-терроризм и деградация страны во время войн) (Vuzan, 1998, p. 239). Представителями данной школы являются Бузан Б., Уайвер О., Я. де Уайлд. Данные авторы предлагают, на наш взгляд, достаточно полный перечень угроз, связанных как с антропогенной и техногенной деятельностью, так и с природными изменениями.

Свое понимание экологической безопасности имеет Алленби Б. В статье «Environmental Security: Concept and Implementation» он пишет, что экологическая безопасность охватывает классические «экологические» («биологические») темы (биоразнообразие, климатические изменения, доступность пищевых продуктов), а также конфликты в отношении источников, вопросы о ядерных и других материалах и защите против распространения оружия массового уничтожения. Также им в понятие экологической безопасности включен весь

комплекс энергетической безопасности, в том числе усилия относительно обеспечения поставок энергоносителей, сырья, и источников (Allenby, 2000, p. 12). Однако здесь возникает вопрос, не должна ли часть вопросов из его понятия экологической безопасности быть включена в вопрос о сырьевой безопасности. . .

Экологическая безопасность воспринимается следующим образом австралийским исследователем Барнеттом Дж. В своей работе в понятие экологической безопасности он включает усилия по переопределению безопасности, поиск факторов окружающей среды в насильственных конфликтах, безопасность окружающей среды государства, связь между вооруженными силами и окружающей средой, экологическую безопасность, безопасность окружающей среды личности, вопросы секьюритизации (Barnett, 2001, p. 98). Не совсем удачное определение с точки зрения необходимости раскрытия понятий, которые он включает в состав экологической безопасности. Следовало бы более полно раскрыть и отделить техногенные, антропогенные и природные источники угроз. Кроме того, в данном случае трактовка экологической безопасности слишком широкая.

Наши отечественные ученые рассматривают понятие экологической безопасности практически с той же точки зрения, что и зарубежные исследователи.

Так, например, Ойцев А. А. (2008) в своем диссертационном исследовании дает свое понятие экологической безопасности, при этом в ее структуре он выделяет отдельно природную и техногенную безопасность (с. 12). По нашему мнению, Ойцев А. А. уделяет мало внимания безопасности человека, неблагоприятным влияниям изменений окружающей среды на существование человечества.

С точки зрения правового режима защищенности окружающей среды от внутренних и внешних угроз дается определение понятия экологической безопасности Глушко О. А. (2014) в монографии «Экологическая безопасность: понятие и содержание (административно-правовой аспект)». В данном определении автор не раскрывает, что он понимает под внешними и внутренними угрозами.

Галяметдинова А. Ю. (2000) в своей работе «Международно-правовые аспекты экологической безопасности» раскрывает исследуемое понятие со всех сторон. При формировании собственного понятия концепции экологической безопасности автор опирается на данное определение.

Особый интерес представляет определение, которое дает Серов Г. П. (1998а) в своей научно-исследовательской работе «Правовое регулирование экологической безопасности при осуществлении промышленной и иных видов деятельности». На наш взгляд, его определение данного термина наиболее полное. Он рассматривает экологическую безопасность с точки зрения взаимодействия человеческого общества и природы для защиты индивидов, самого общества, государства и окружающей природной среды от угроз, которые исходят от природных объектов, измененных в процессе антропогенной деятельности, а также в результате хозяйственной деятельности людей (Серов, 2007, 1998а, 1998б).

Можно продолжать этот ряд определений экологической безопасности, но в целом сущность термина ясна и достаточно четко определена.

На основании научных взглядов исследователей автор работы предлагает собственное определение «экологическая безопасность».

Позиция автора состоит в том, что экологическая безопасность – это состояние защищенности жизни и здоровья индивидов, особо важных интересов

человеческого общества, государств, самой окружающей природной среды при взаимодействии общества и природы от угроз, исходящих от природных объектов, загрязненных, поврежденных или подверженных другим качественным изменениям в процессе и результате хозяйственной или техногенной деятельности людей, либо от природных явлений и стихийных бедствий, чьими последствиями являются уничтожение, порча, истощение как природных объектов, так и социокультурных, промышленных, инфраструктурных объектов; как преднамеренно, так и неумышленно, по неосторожности.

Субъектами экологической безопасности выступают индивиды, общество, государства и международное сообщество в целом.

В роли глобального объекта безопасности ученые выделяют биосферу. Кроме того, объектами экологической безопасности выступают особо важные права, свободы и интересы индивидов, в том числе их право на благоприятную для жизни и здоровья окружающую среду; общество с его культурой, традициями и ценностями; природные ресурсы и сама природная среда как основа для благополучия и развития настоящих и будущих поколений.

По мнению автора, концепцию экологической безопасности можно определить как совокупность взглядов, целей, принципов, приоритетов, способов, методов, выработанных для осуществления акторами действий управленческого, политического, экономического, правового, административного, научно-технического, образовательного, воспитательного характера, направленных для защиты жизни и здоровья индивидов, особо важных интересов общества, государств, самой окружающей природной среды от негативных воздействий антропогенного, техногенного и природного характера, а также на создание безопасных условий среды обитания для ныне проживающих людей и будущих поколений.

Основной целью концепции экологической безопасности является обеспечение благоприятного и безопасного существования нынешнего и будущих поколений в условиях повышенных экологических угроз и опасностей антропогенного, техногенного и природного характера, сохранение окружающей среды хотя бы в ее сегодняшнем состоянии и обеспечение защиты существующих экосистем (Власова, 2008, с. 61–64). Это выражается в нормативно-правовом закреплении соответствующих положений по защите жизни и здоровья индивидов, интересов общества, государства и всего человечества в целом, а также окружающей природной среды от внутренних и внешних негативных воздействий в официальных документах. Действиями по реализации концепции экологической безопасности выступают федеральная и региональная политики в сфере охраны окружающей среды.

По мнению Глушко О. А. (2015), концепция обеспечения экологической безопасности:

Во-первых, имеет внешнюю форму выражения в виде нормативного политико-правового акта.

Во-вторых, показывает уровень состояния экологической безопасности в стране, формирует позицию государственных органов по данному вопросу.

В-третьих, сочетает в себе социально-политическое и нормативно-правовое начало и закрепляется в различных документах программного характера, часто не имеющих юридическую силу и не являющихся обязательными для исполнения.

В-четвертых, выражается как форма осуществления государственной политики в сфере обеспечения экологической безопасности.

Чертова Н. А. (2007) пишет в своем исследовании, что экологическая безопасность достигается реализацией единой целостной государственной политики и проведением соответствующих мероприятий по сохранению и поддержанию в состоянии защищенности объектов безопасности (с. 32).

Государственную политику в области обеспечения экологической безопасности можно определить как управленческую деятельность органов государственной власти, связанную с механизмом обеспечения экологической безопасности общества и государства, с защитой окружающей природной среды, а также с формированием благоприятной и безопасной среды обитания для нынешних и будущих поколений.

Существуют разные подходы в классификации экологической безопасности. Так, например, некоторые ученые, среди которых Кукушкина А. В., Галяметдинова А. Ю., выделяют не только «национальную», «внутригосударственную» экологическую безопасность, при которой именно государство рассматривается в роли главного субъекта обеспечения безопасности, но также «глобальную», или «всеобъемлющую», «международную» экологическую безопасность и «экологическую безопасность индивидов».

Рассмотрим каждый вид экологической безопасности в отдельности.

Международная экологическая безопасность является элементом всеобщей международной безопасности. Ее следует понимать как состояние защищенности особо важных и необходимых экологических составляющих нашей планеты для сохранения человеческого существования и поддержания природного экологического баланса во всей системе (Емельянова, 2012).

Кукушкина А. В. (1993) рассматривает экологическую безопасность в рамках данного подхода. В своей научной работе она пишет, что все члены мирового сообщества обязаны соблюдать существующие и действующие в настоящее время в международном праве принципы и нормы в сфере защиты окружающей природной среды и обеспечения экологической безопасности (с. 16).

Таким образом, глобальная экологическая безопасность возлагает ответственность за наступающий экологический кризис на все страны мира и обязывает последних поддерживать экологическую безопасность всеми имеющимися силами.

Впервые про безопасность индивида в 1983 году написал в своей работе «Redefining security» Ульман Р. Он выделил безопасность индивида из понятия государственной безопасности (Ullman, 1983, p. 142). В 1994 году в рамках программы развития ООН был представлен Доклад о человеческом развитии, который окончательно утвердил концепцию индивидуальной безопасности человека (Программа развития, 1994). В рамках данного подхода рассматривается взаимодействие между человеком и природной средой, при этом концепция предполагает, что угрозы безопасности в XXI веке происходят из конкуренции между существованием человеческого общества и сохранением природы в ее первоначальном виде.

Так, Галяметдинова А. Ю. (2000) в рамках данного подхода основывается на наличии парадоксов и важности аксиологического элемента при решении существующих проблем (с. 56). Парадокс состоит в том, что отвечать на экологи-

гические вызовы должны все проживающие на планете люди совместно, при этом конкуренцию в системе следует сохранить. «Аксиологический элемент» преследует своей целью смену существующей и доминирующей на данный момент экономической парадигмы развития на экологическую (Галяметдинова, 2000, с. 56).

В XXI веке индивидуальная безопасность человека все чаще рассматривается в рамках национальной безопасности государств (Ковригина, 2018). Именно государство является гарантом обеспечения права на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение вреда, причиненного жизни, здоровью или имуществу субъекта права экологическим правонарушением (Конституция Российской Федерации, 1993, Ст. 42).

Таким образом, появляются и развиваются новые концепции, рассматривающие «глобальную» экологическую безопасность и «экологическую безопасность индивидов».

Остановимся подробнее на внутригосударственном подходе к концепции экологической безопасности. Он основан на механизме обеспечения национальной безопасности, в которую входит, в том числе, и экологическая безопасность. В рамках данного подхода изучаются концепции национальной безопасности государств, анализируются положения законов и иных нормативно-правовых актов, касающихся обеспечения экологической безопасности стран; выделяются объекты национальной безопасности; формулируются и вычленяются из программно-правовых документов национальные интересы, потребности, цели, задачи, угрозы национальной безопасности, а также источники экологической опасности, потенциально имеющие возможность принести вред и ущерб человеку, обществу, государственному строю и окружающей природной среде (Галяметдинова, 2000, с. 56).

В последнее время в политической науке проводятся многочисленные исследования по вопросам экологической безопасности в рамках внутригосударственного подхода. Большой вклад в изучение политических аспектов экологических проблем внесли Гирусов Э. В., Горелов А. А., Гумилев Л. Н., Данилов-Данильян В. М., Мамедов Н. М., Яблоков А. В. и другие (Ойцев, 2008, с. 5–6).

Например, Васильев А. В., Капранова Л. Д., Маслов Е. А., Шуленина Н. В. рассматривают экологическую безопасность, основываясь на взаимодействии между собой политических институтов государства, на приоритетах, целях и задачах государственной экологической политики. Также в работах некоторых ученых рассматривается эффективность осуществления государством экологической функции (Ойцев, 2008, с. 5–6).

Боголюбов С. А., Бринчук М. М., Тимошенко А. С., Чертова Н. А. и другие юристы-теоретики рассматривают механизм обеспечения экологической безопасности Российской Федерации с правовой точки зрения, основываясь на выработке эффективной экологической политики и ее закреплении в соответствующих документах программного характера (Ойцев, 2008, с. 5–6).

Особо следует отметить работы Серова Г. П. Ученый рассматривает связь экологической безопасности с другими видами национальной безопасности, а также дает тщательно выработанные определения, которые можно брать в основу, занимаясь разработками в сфере экологической безопасности» (Серов, 2007, 1998а, 1998б).

Многообещающее исследование по политологическому анализу современной концепции экологической безопасности Российской Федерации провел Герасимов А. В. Само исследование и его результаты описаны в его монографии «Экологическая безопасность современной России: политика обеспечения» (Герасимов, 2008, с. 86–88).

Он пишет о зависимости решения вопроса обеспечения экологической безопасности в России от проводимой государством экологической политики. Герасимов А. В. (2008) связывает рассматриваемую концепцию с реализацией ее «на деле» государственными органами и политическими акторами (с. 86–88). Также в работе он определяет предмет политологической теории экологической безопасности.

Действительно, важным вопросом в политологическом анализе экологической безопасности является обоснование роли и места политики в системе факторов и мер обеспечения экологической безопасности. Экологическая безопасность, как и любой другой вид национальной безопасности, формируется под воздействием множества внутренних и внешних факторов. Политика является одним из таких факторов.

Во-первых, политика формулирует цели, к которым стремится государство. Одной из таких целей является обеспечение безопасности граждан. От этого зависит политическая устойчивость в государстве и социальная стабильность в обществе. Так, внутренняя нестабильность может негативно отразиться на возможности институтов государственной власти своевременно и эффективно отвечать на экологические вызовы (Герасимов, 2008, с. 86–88).

В настоящее время основной политической проблемой служит предотвращение экологического кризиса в условиях доминирующей в настоящее время экономической парадигмы и ограниченности природных ресурсов (Герасимов, 2008, с. 86–88). По мнению некоторых ученых (Чертова Н. А., Герасимов А. В.), решением данного вопроса является реализация средствами политики основополагающих идей безопасности. Например, нужно осуществить «экологизацию» всех сфер жизнедеятельности; признать равенство экологических прав граждан; искоренить политико-правовой экологический нигилизм и т. п. (Герасимов, 2008; Чертова, 2007).

Во-вторых, на экологическую безопасность влияет не только политика в целом, но и ее компоненты, например, политическое сознание, политическая культура. Современное общество и представители со стороны государства должны понимать, что обеспечение экологической безопасности является задачей не только государства и компетентных государственных органов, но и общественных организаций, и всего населения страны в целом. Поэтому государство не должно противиться осуществлению обществом надлежащего контроля и надзора за природоохранной деятельностью, и обязано предоставлять населению достоверную и своевременную информацию о состоянии окружающей природной среды, изменении ее состояния.

Привлечение населения к решению экологических проблем требует формирования и дальнейшего развития у граждан соответствующего экологического сознания и экологической культуры. Сейчас в России существует острая проблема высокого уровня эколого-правового нигилизма населения, которая требует скорейшего решения. В связи с этим для повышения экологической

культуры общества необходимо установить систему всеобщего, комплексного и непрерывного экологического воспитания и образования.

Таким образом, в настоящее время на фоне обострения экологических проблем получили развитие различные подходы к концепциям экологической безопасности. Фактически в рамках осуществления государственной экологической политики их отражение мы находим в конкретных программных документах, концепциях, стратегиях, принятых государственными органами.

В Российской Федерации такими документами являются Экологическая доктрина Российской Федерации, принятая Распоряжением Правительства РФ в 2002 году, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ в 2015 году, Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная Указом Президента РФ в 2017 году, Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию, утвержденная Указом Президента РФ в 1996 году, Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденные Президентом РФ в 2012 году, Государственная программа Российской Федерации «Охрана окружающей среды» на 2012–2020 годы, принятая Постановлением Правительства РФ в 2014 году и другие.

В данных документах закреплена государственная политика нашей страны в области обеспечения экологической безопасности. В то же время механизмом реализации концепции экологической безопасности страны выступает политика государства, осуществляемая компетентными государственными органами, обладающими определенными полномочиями в области охраны и защиты окружающей природной среды.

Указом Президента РФ «Вопросы Совета Безопасности Российской Федерации» от 06.05.2011 года № 590 была утверждена Межведомственная комиссия Совета Безопасности РФ по экологической безопасности. Основной целью данного государственного органа является реализация возложенных на Совет Безопасности РФ задач в области обеспечения экологической безопасности Российской Федерации (Вопросы Совета Безопасности ..., 2011).

Межведомственная комиссия Совета Безопасности Российской Федерации по экологической безопасности является внутригосударственным институтом, который отвечает за качественную и эффективную реализацию государственной политики в области обеспечения экологической безопасности.

Таким образом, в Российской Федерации приняты нормативно-правовые акты в сфере обеспечения экологической безопасности, а также учреждены соответствующие органы государственной власти, наделенные необходимой компетенцией. Однако этого недостаточно для проведения эффективной государственной политики в области обеспечения экологической безопасности, отвечающей требованиям международного сообщества и предупреждающей существующие на сегодняшний день экологические вызовы.

Современная государственная экологическая политика носит противоречивый, двойственный характер. Властью проводятся определенные мероприятия по предупреждению экологических угроз, что доказывается, например, наличием ежегодных государственных докладов о состоянии окружающей среды и природных ресурсов Российской Федерации, но такие меры следует признать

недостаточными. В нашей стране на данный момент не сформировалась целостная экологическая политика; положения концепции экологической безопасности страны также содержатся в нормах различных программно-правовых документов, часто носящих лишь декларативный характер.

Одной из важнейших причин экологических проблем в России является природоёмкая структура ее экономики. Так, большая часть добываемых ресурсов идет на обеспечение ресурсоемких добывающих и обрабатывающих производств.

Другую важную причину экологических проблем нашей страны мы можем найти в ее законодательстве. Например, отношения в рассматриваемой сфере регулируются рядом не связанных, иногда даже противоречащих друг другу законов и подзаконных актов (Русakov, 2011).

На настоящий момент Россия является участником многих международных природоохранных конвенций, деклараций, соглашений и договоров в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности. Однако выделяемых финансовых и материальных средств для выполнения вытекающих из них обязательств недостаточно. Некоторые Конвенции не в полной мере обеспечены научно-методической и организационной поддержкой. Зачастую полномочия по выполнению международных обязательств Российской Федерацией не закреплены в положениях о федеральных органах исполнительной власти (Глушко, 2013), что в итоге может привести к невыполнению Россией предписанных обязательств.

Существует достаточно большое количество и других серьезных пробелов в реализации государственными органами Российской Федерации экологической политики.

Следует отметить, что для проведения эффективной экологической политики нашему государству необходимо заняться решением управленческих, организационных, политических и правовых проблем в сфере обеспечения экологической безопасности и устранением законодательных пробелов.

Таким образом, в начале XXI века концепция экологической безопасности находит законодательное закрепление как на национальном, так и на международном уровнях. В то же время появляются новые экологические вызовы. Так, основной проблемой современного мира является глобальное изменение климата (Емельянова, 2012), связанное с антропогенной деятельностью. В связи с этим экологическая составляющая национальной безопасности интенсивно входит в политическую сферу. Политика, в свою очередь, играет большую роль в механизме обеспечения экологической безопасности.

Как верно отмечает Герасимов А.В., защитой природной среды должно заниматься не только государство, но и лица, проживающие в данной стране. В России наблюдается как правовой, так и экологический нигилизм среди граждан. Немаловажное значение для решения данной проблемы имеет развитие экологического образования, воспитания и экологического политического сознания.

По мнению автора, для решения вышеуказанного вопроса следует принять Федеральный закон «О повышении экологического сознания и экологической культуры», в котором четко прописать все необходимые меры по формированию экологического сознания граждан с детского возраста, по продолжению его раз-

вития на протяжении всей жизни индивида, а также предусмотреть действенный механизм реализации положений данного закона на практике.

Таким образом, несмотря на многочисленные разработки концепций экологической безопасности различного содержания, существует объективная необходимость совершенствования национальной политики и механизма ее реализации в области защиты окружающей природной среды и обеспечения экологической безопасности.

Заключение

Констатируем следующие результаты: проведенного исследования:

1. Научные идеи об экологической безопасности стали формироваться с середины XX века, и в настоящее время получили достаточно большое распространение. Многие исследователи посвящают свои работы теме разработки механизма обеспечения экологической безопасности как на национальном уровне, так и на международном.

2. Автором на основе взглядов исследователей, занимающихся вопросами обеспечения экологической безопасности, сформированы собственные определения «экологическая безопасность» и «концепция экологической безопасности».

3. На данный момент существуют различные подходы в классификации экологической безопасности. Выделяются национальная, глобальная (всеобъемлющая, международная) экологическая безопасность и экологическая безопасность индивидов.

4. Концепция экологической безопасности страны закрепляется в различных государственных программах, концепциях, стратегиях, и часто носит лишь декларативный характер.

5. Государственная политика является формой выражения положений концепций экологической безопасности.

6. Функцию защиты окружающей природной среды должно осуществлять не только государство, но и проживающие на данной территории индивиды.

7. В Российской Федерации на данном этапе развития среди населения прослеживается правовой и экологический нигилизм, что говорит об отсутствии у большинства граждан сформированного экологического сознания и экологической культуры.

8. Автор предлагает принять Федеральный закон «О повышении экологического сознания и экологической культуры».

9. В России существует большое количество пробелов в области формирования и развития эффективного механизма обеспечения экологической безопасности.

10. Проблемы в реализации государственной экологической политики носят экономический и правовой характер.

11. Для качественного обеспечения экологической безопасности России следует заняться решением управленческих, организационных, политических и правовых проблем и устранением законодательных пробелов.

Вывод: среди ученых-исследователей, государственных деятелей продолжают споры относительно содержания концепций экологической безопасности,

а также эффективного механизма реализации их положений. Различие мнений можно объяснить комплексным характером данной проблемы. Все же есть что-то общее, что объединяет всех ученых, занимающихся исследованием проблем в сфере обеспечения экологической безопасности, и политиков, претворяющих национальные концепции экологической безопасности в жизнь. Это убежденность в том, что существующие в настоящее время экономика и политика неизбежно приведут к экологическому кризису. В связи с этим необходимыми условиями недопущения экологической катастрофы являются смена доминирующей на данный момент экономической парадигмы на экологическую, выбор биосферной концепции развития в качестве основной концепции экологической безопасности, а также формирование как среди людей, принимающих важные государственные решения, так и среди обычных граждан понимания важности решения назревших экологических проблем силами всего человеческого сообщества.

Список литературы

1. Артоболевский, В.И. (Ред.). (1999). *Состояние природной среды и проблемы экологии на Кольском полуострове в 1999 году: ежегод. доклад Государственного комитета по охране окружающей среды Мурманской области*. Взято с https://www.murman.ru/ecology/comitet/report99/part7_2_1.html
2. Власова, Е.Я. (2008). Стратегические направления обеспечения экологической безопасности региона. *Фундаментальные исследования*, 5, 61–64.
3. *Вопросы Совета Безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 06.05.2011 № 590 (с изм. и доп. от 25.07.2014)*. (без даты). Взято с <http://www.consultant.ru/>
4. Галяметдинова, А.Ю. (2000). *Международно-правовые аспекты экологической безопасности* [дис. ... канд. юрид. наук]. Казань.
5. Герасимов, А.В. (2008). *Экологическая безопасность современной России: политика обеспечения*. М.: РУДН.
6. Глушко, О.А. (2013). Экологический кризис и правовые проблемы его преодоления. *Научный журнал КубГАУ*, 91(07). Взято с: <http://ej.kubagro.ru/2013/07/pdf/100.pdf>
7. Глушко, О.А. (2014). *Экологическая безопасность: понятие и содержание (административно-правовой аспект)*. Краснодар.
8. Глушко, О.А. (2015). Понятие и содержание концепции экологической безопасности Российской Федерации. *Научный журнал КубГАУ*, 109(05). Взято с <https://cyberleninka.ru/article/v/ponyatie-i-soderzhanie-kontseptsii-ekologicheskoy-bezopasnosti-rossiyskoy-federatsii>
9. Емельянова, Н.Н. (2012). К вопросу о поддержании экологической безопасности в XXI веке. *ЕврАзЮж*, 11(54). Взято с <https://eurasianlaw.ru/2012g/11-54-2012g>
10. Келина, Н.Ю. (2009). *Экология человека*. Ростов н/Д: Феникс.
11. Ковригина, Д.Н. (2018, 21 июня). *Экологическая безопасность в политической повестке Европейского союза*. Взято с [93](https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/ekologicheskaya-bezopasnost-v-</div><div data-bbox=)

politicheskoy-povestke-evropeyskogo-soyuza/

12. Конституция Российской Федерации (2014, 4 августа). Собрание законодательства РФ, 31, Ст. 4398.

13. Кукушкина, А.В. (1993). *Взаимосвязь проблем экологической безопасности и разоружения: международно-правовой аспект* [автореф. дис. канд. юрид. наук]. М.

14. Ойцев, А.А. (2008). *Обеспечение экологической безопасности современной России как политическая проблема* [автореф. дис. канд. полит. наук]. М.

15. *Программа развития Организации Объединенных Наций (ПРООН), ежегодный доклад за 1994 год о развитии человека* (1994, 29 июля). Взято с https://digitallibrary.un.org/record/191908/files/E_1994_64_Add.1-RU.pdf

16. Русаков, М.И. (2011, 22 декабря). *Пути совершенствования юридического обеспечения экологической безопасности России*. Взято с http://superinf.ru/view_helpstud.php?id=1726

17. Серов, Г.П. (1998). *Правовое регулирование экологической безопасности при осуществлении промышленной и иных видов деятельности*. М.: Ось 89.

18. Серов, Г.П. (1998). *Экологическая безопасность населения и территорий Российской Федерации. (Правовые основы, экологическое страхование и экологический аудит)*. М.: «Анкил».

19. Серов, Г.П., Серов, С.Г. (2007). *Техногенная и экологическая безопасность в практике деятельности предприятий: Теория и практика*. М.: Издательство «Ось-89».

20. Чертова, Н.А. (2007). *Конституционно-правовые основы обеспечения экологической безопасности Российской Федерации (на опыте северных регионов)* [автореф. дис. д-ра юрид. наук]. М.

21. Barnett, J. (2001). *The meaning of environmental security: ecological politics and policy in the new security era*. London: Zed Books.

22. Braden, R. Allenby. (2000). Environmental Security: Concept and Implementation. *International Political Science Review*, 21(1), 5–21.

23. Buzan, B., Waever, O., & J. de Wilde. (1998). *Security: a new framework for analysis*. Boulder, Colo.: Lynne Rienner Pub.

24. Jonsson, E. S. (2009). *Environmental Security: A conceptual investigating study*. Jönköping University.

25. Martinovsky, P. (2011). Environmental security and classical typology of security studies. *The science for population protection*, 2/2011. Взято с <http://www.population-protection.eu/prilohy/casopis/eng/9/38.pdf>

26. Ullman, R.H. (1983). Redefining Security. *International Security*, 8(1), 129–153.

References

1. Artobolevskiy, V.I. (Ed.). (1999). *Sostoyanie prirodnoy sredy i problem ekologii na Kol'skom poluostrove v 1999 godu: ezhegod. doklad Gosudarstvennogo komiteta po ohrane okruzhayushchey sredy Murmanskoy oblasti* [The state

of the environment and environmental problems on the Kola Peninsula in 1999: annually. report of the State Committee for Environmental Protection of the Murmansk region] Retrieved from https://www.murman.ru/ecology/comitet/report99/part7_2_1.html

2. Barnett, J. (2001). *The meaning of environmental security: ecological politics and policy in the new security era*. London: Zed Books.

3. Braden, R. Allenby. (2000). Environmental Security: Concept and Implementation. *International Political Science Review*, 21(1), 5–21.

4. Buzan, B., Waever, O., & J. de Wilde (1998). *Security: a new framework for analysis*. Boulder, Colo.: Lynne Rienner Pub.

5. Chertova N.A. (2007). *Konstitutsionno-pravovie osnovi obespecheniya ekologicheskoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii (na opyte severnih regionov)* [Constitutional and legal framework for ensuring the environmental safety of the Russian Federation (on the experience of the northern regions)] [Doctoral dissertation abstract]. Arkhangelsk.

6. Emel'yanova, N.N. (2012). K voprosu o podderzhanii ekologicheskoi bezopasnosti v XXI veke [On the issue of maintaining environmental safety in the XXI century]. *EvrAzYuzh*, 11 (54). Retrieved from <https://eurasialaw.ru/2012g/11-54-2012g>

7. Galyametdinova, A. Yu. (2000). *Mezhdunarodno-pravovie aspekti ekologicheskoi bezopasnosti* [The international legal aspects of environmental safety] [PhD thesis]. Kazan.

8. Gerasimov, A.V. (2008). *Ekologicheskaya bezopasnost' sovremennoy Rossii: politika obespecheniya* [Ecological safety of modern Russia: support policy]. Moskva: RUDN.

9. Glushko, O.A. (2013). Ekologicheskii krizis i pravovie problem ego preodoleniya [The ecological crisis and legal problems to it overcoming]. *Nauchnyy zhurnal KubGAU*, 91(07). Retrieved from <http://ej.kubagro.ru/2013/07/pdf/100.pdf>

10. Glushko, O.A. (2014). *Ekologicheskaya bezopasnost': ponyatie i sodержanie (administrativno-pravovoy aspekt)* [Environmental safety: concept and content (administrative and legal aspect)]. Krasnodar.

11. Glushko, O.A. (2015). Ponyatie i sodержanie kontseptsii ekologicheskoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii [The concept and content of the concept of environmental safety of the Russian Federation]. *Nauchnyy zhurnal KubGAU*, 109(05). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/v/ponyatie-i-soderzhanie-kontseptsii-ekologicheskoy-bezopasnosti-rossiyskoy-federatsii>

12. Jonsson, E.S. (2009). *Environmental Security: A conceptual investigating study*. Jönköping University.

13. Kelina, N.Yu. (2009). *Ekologiya cheloveka* [The human ecology]. Rostov-on-Don: Feniks.

14. Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii [Constitution of the Russian Federation]. (2014, August 4). *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 31, St. 4398.

15. Kovrigina, D.N. (2018). *Ekologicheskaya bezopasnost' v politicheskoy povestke Evropeiskogo soyuza* [Environmental security on the political agenda of the European Union]. Retrieved from <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/ekologicheskaya-bezopasnost-v-politicheskoy-povestke-evropeyskogo-soyuza/>

16. Kukushkina, A.V. (1993). *Vzaimosvyaz' problem ekologicheskoy bezopasnosti i razoruzheniya: mezhdunarodno-pravovoi aspect* [The relationship between environmental safety and disarmament: international legal aspect]. Moskva.
17. Martinovsky, P. (2011). Environmental security and classical typology of security studies. *The science for population protection*, 2/2011. Retrieved from <http://www.population-protection.eu/prilohy/casopis/eng/9/38.pdf>
18. Oytsev, A.A. (2008). *Obespechenie ekologicheskoy bezopasnosti sovremennoy Rossii kak politicheskaya problema* [Ensuring the environmental safety of modern Russia as a political problem]. Moscow.
19. *Programma razvitiya Organizatsii Ob'edinennih Natsii (PROON), ezhegodnii doklad za 1994 god o razvitii cheloveks* [United Nations Development Program (UNDP), 1994 annual human development report]. (1994, July 29). Retrieved from https://digitallibrary.un.org/record/191908/files/E_1994_64_Add.1-RU.pdf
20. Rusakov, M.I. (2011). *Puti sovershenstvovaniya yuridicheskogo obespecheniya ekologicheskoy bezopasnosti Rossii* [Ways of improving the legal support of the environmental safety in Russia]. Retrieved from http://superinf.ru/view_helpstud.php?id=1726
21. Serov, G.P. (1998). *Ekologicheskaya bezopasnost' naseleniya i territoriy Rossiyskoy Federatsii. (Pravovye osnovy, ekologicheskoe strahovanie i ekologicheskii audit)* [Ecological safety of the population and territories of the Russian Federation. (Legal framework, environmental insurance and environmental audit)]. Moscow: "Ankil".
22. Serov, G.P. (1998). *Pravovoe regulirovanie ekologicheskoy bezopasnosti pri osushchestvlenii promyshlennoy i inyh vidov deyatel'nosti* [Legal regulation of environmental safety in the implementation of industrial and other activities]. Moscow: Os'-89.
23. Serov, G.P., & Serov, S.G. (2007). *Tehnogennaya i ekologicheskaya bezopasnost' v praktike deyatel'nosti predpriyatij: Teoriya i praktika* [Technogenic and environmental safety in the practice of enterprises: Theory and practice]. Moscow: Os'-89.
24. Ullman, R.H. (1983). Redefining Security. *International Security*, 8(1), 129–153.
25. Vlasova, E.Ya. (2008). Strategicheskie napravleniya obespecheniya ekologicheskoi bezopasnosti regiona [Strategic directions for ensuring the environmental safety of the region]. *Fundamental'nye issledovaniya*, 5, 61–64.
26. *Voprosy Soveta Bezopasnosti Rossijskoj Federacii: Ukaz Prezidenta RF ot 06.05.2011 № 590 (s izm. i dop. ot 25.07.2014)* [Issues of the Security Council of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation № 590 (as amended and supplemented on July 25, 2014)]. (n.d.). Retrieved from <http://www.consultant.ru/>

СПОРТ В СИСТЕМЕ ВНУТРИ- И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА В МИРЕ И РОССИИ



Иванько Наталья Анатольевна,

Федеральное учебно-методическое объединение по укрупненной группе специальностей и направлений 51.00.00 «Культуроведение и социокультурные проекты», кандидат философских наук, ученый секретарь, Химки, Россия,
E-mail: natalya-ivanko@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 02.12.2019, принята к публикации 10.02.2020

Для цитирования: Иванько Н.А. Спорт в системе внутри- и внешнеполитической деятельности государства в мире и России // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2019. № 4 (37). С. 97-107. doi: 10.24411/1817-9568-2019-10406

Аннотация

Современная спортивная деятельность представляет собой многоликий и структурно сложный феномен, и выражает не только состязательность, как ядро спортивной деятельности, но и множество других подсистем и областей, связанных с финансово-экономическими, духовно-политическими и нравственно-правовыми отношениями, включенными в глобальный процесс трансформации мира и человечества. Вследствие чего характер взаимоотношений спорта с другими элементами общественной структуры носит нелинейный и разноуровневый характер.

Отношения спорта и политики выстраиваются под влиянием как политических, так и неполитических факторов. Политические факторы возникают при взаимодействии спортивной сферы со структурами власти и управления. Особую роль в этом процессе играет государство и осуществляемый им протекционизм, который заключается в установлении публично-правового статуса физкультурно-спортивных общественных организаций, включая целенаправленное покровительство организационно-юридических и социально-экономических основ спортивной деятельности.

Другим каналом политического влияния выступают политические партии и движения, которые могут распространять на спортивную сферу пропаганду положительного (лояльного) либо отрицательного (неодобрительного) поведения и от-

ношения к государственным и муниципальным образованиям, другим политическим, в частности оппозиционным, формированиям.

Заинтересованность политических субъектов в спортивной сфере не случайна, поскольку последняя, обладая качеством «мягкой силы», может служить эффективным каналом решения внешних и внутренних проблем общества и его слоев, социально-политических объединений и общностей.

Процессы взаимодействия политики и спорта находят непосредственное выражение в основополагающих направлениях деятельности государств, политической элиты, партий и общественно-политических движений через организацию, подготовку и проведение многочисленных и широкомасштабных спортивных соревнований. Таким образом, спорт превращается в кардинальный политический, социокультурный и финансово-экономический феномен.

Ключевые слова:

спорт, политика, общество, государство, политические функции спорта.

UDC 101.1:316

DOI: 10.24411/1817-9568-2019-10406

SPORT IN THE SYSTEM OF DOMESTIC AND FOREIGN GOVERNMENT ACTIVITY IN THE WORLD AND RUSSIA

Ivan'ko Natalya Anatolyevna,

Federal training and methodology association
of enlarged group of specialties and directions
51.00.00 «Culturology and socio-cultural projects»,
PhD (Philosophy), Academic Secretary,
Khimki, Russia,
E-mail: natalya-ivanko@yandex.ru

Article received on December 2, 2019, accepted on February 10, 2020

To cite this article: Ivan'ko, N.A. (2019). Sport v sisteme vnutri- i vneshnepoliticheskoy deyatel'nosti gosudarstva v mire i Rossii [Sport in the system of domestic and foreign government activity in the world and Russia]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 4(37), 97-107. doi: 10.24411/1817-9568-2019-10406

Abstract

Modern sport activity is a multi-imaged and structurally complex phenomenon and expresses not only contentiousness, as a kernel of sport activity, but many other subsystems and brunches, connected with financial and economical, religious and politi-

cal and ethical and law, included into global process of world and human transformation. Inconsequence of this the character of interaction of sports with other elements of social structure has a nonlinear and different-levels character.

Sport and politics relations are built under the influence of both political and non-political factors. Political factors appear under the interaction of sports sphere with government and authority. A special role in this process is given to the government and protection realized by it, which is in determination of public and juridical status of physical education and sport public organizations, including target protection of organizational and legal, social and economical bases of sport activity.

Another channel of political influence are considered political parties and movements, which can distribute on sports sphere propaganda of either positive (loyal) or negative (disapproving) behavior and attitude to government and municipal formations, specifically oppositional formations.

Interest of political subjects in sports sphere is not circumstantial, as it, having the quality of “merciful power”, can be an effective channel of solving domestic and outer problems of society and its stratum, social and political unions and communities.

Processes of interaction politics and sport find their expression in framework directions of government, political aristocracy, parties and social and political movements through organization, preparation and holding of numerous and large-scale sports competitions. Thus, sport is rendered into cardinal political, social and cultural, financial and economical phenomenon.

Keywords:

sport, politics, community, government, political functions of sports.

Взаимосвязь и взаимовлияние спорта и политики осуществляется посредством и политических, и неполитических качеств власти в целом и ее отдельных структур, образований в частности (Гедугова, 2015, с. 44–46).

Симбиоз политики, спорта и предпринимательства сопровождается, с одной стороны, ростом значимости спортивной деятельности в политической и экономической жизни социума, а, с другой, – повышением обязательств органов власти и управления, бизнеса и политического истеблишмента за функциональность и результативность сферы спорта.

Бизнес-элита, политики, государственные и муниципальные служащие активно участвуют в спортивном и олимпийском движении (возглавляют национальные и региональные спортивные клубы и федерации, оказывают организационную, финансово-экономическую, материально-техническую, политико-правовую, духовно-нравственную и информационную поддержку атлетам, спортивным организациям и ассоциациям).

Спортсмены, как правило, после завершения (а иногда и во время) карьеры в спорте начинают плодотворно заниматься бизнесом или политической деятельностью (целый ряд атлетов-чемпионов состязаний высокого ранга, в том числе Олимпийских игр, – представители законодательных и исполнительных властных структур, члены политических партий и движений, политические деятели, руководители и менеджеры спортивных комитетов).

В процессах взаимодействия спорта и политики значительная роль принадлежит гражданскому обществу – системе общественных институтов (организации, движения, некоммерческие сообщества, национально-этнические, религиозные и культурные центры и общности), отстаивающей определенные цели и интересы различных групп, слоев и сфер социума, включая и область спорта. Однако самый весомый вклад в эволюцию спортивного и олимпийского движения, в интерактивность политики и спорта вносит государство (Левин, 2015, с. 123–126).

Государственный протекционизм в отношении спорта связан с деятельностью по следующим ключевым направлениям:

- улучшение материально-технической базы для подготовки атлетов;
- совершенствование профессиональной подготовки высококвалифицированных спортсменов, тренеров и специалистов;
- теоретическое, методическое и медицинское обеспечение учебно-тренировочного процесса;
- усиление работы по проведению антидопингового контроля (Федеральная целевая программа ..., 2015).

Реализация обозначенных насущных форм деятельности органов власти и управления, спортивных организаций, ученых, общественных ассоциаций и активистов (болельщики, волонтеры, молодые спортсмены) призвана способствовать всестороннему развитию спортивного и олимпийского движения, достижению наивысшего конкурентного превосходства российских атлетов в мировом спортивном сообществе.

Во многих регионах мира (центральная и восточная Европа, постсоветское пространство) спорт курируют государственные структуры власти, в других странах (Япония, Швеция, Германия) отсутствуют непосредственные управленческие ведомства спорта, но ответственность за его функционирование осуществляют смежные инстанции (чаще всего министерства культуры или образования). В обоих случаях государственное регулирование сферы спорта проходит при обязательном соблюдении относительной самостоятельности спортивных федераций, клубов и организаций. Но есть регионы, где вместо государственного управления спортивной сферой используются законодательные акты пограничных спорту отраслей социально-политической деятельности (например, Соединенные Штаты Америки) (Аль-Гази, 1997, с. 18–29).

Считается (эту точку зрения разделяют и российские, и западные теоретики), что инициатором государственного протекционизма в большом спорте (в центре внимания – деятельность высококвалифицированных атлетов) был Советский Союз (его последователями стали Куба и Китай).

Для современного этапа эволюции социума характерно использование спортивной деятельности в качестве средства влияния на политический процесс жизнедеятельности общества. В нынешних условиях наблюдается активное применение спорта как существенного агента политической деятельности на внутригосударственном и международном уровнях (Грачев, Аксянов, 2015, с. 76–80).

Спорт как многоликий и структурно сложный феномен воплощает в себе не только состязательность, выступающую в качестве ядра спортивной деятельности, но и множество других форм и областей общественного бытия, связан-

ных с финансово-экономическими, духовно-политическими и нравственно-правовыми отношениями, включенными в глобальный процесс трансформации мира и человечества. Спорт выступает интегратором различных областей знания, приводит к появлению новых отраслей деятельности и специальностей (спортивная экономика, спортивное право, спортивная журналистика, спортивная медицина и психология и др.). Это значит, что спорт является драйвером развития современных научных и социальных практик, связанных с решением внутренних и внешних проблем любого социума (Лебедев, 2006).

На внутригосударственном (общенациональном) уровне спорт во многих случаях служит агентом регулирования (управления) жизнедеятельностью общества. Политические партии и движения, общественно-политические организации через спортивную сферу могут пропагандировать и внедрять в сознание людей положительное (лояльное) или отрицательное (неодобрительное) поведение и отношение к государственным и муниципальным образованиям, другим политическим, в частности оппозиционным, формированиям. Наиболее существенна значимость спорта в деле усиления процесса консолидации и сплочения народа, в роли повышения достоинства и престижа Отечества (Федеральная целевая программа ..., 2015). Причем патриотическая, национально-политическая роль спорта настолько велика, что позволяет ему реализовывать множество актуальных задач и социально-политических функций (Голобородько, Сериков, 2015). Раскроем более подробно данный тезис:

1. Высокопродуктивные (рекордные) достижения атлетов на спортивных состязаниях, особенно на Олимпийских играх, способствуют росту рейтинга (общего показателя развития) страны, ее авторитета и статуса в мировом сообществе, адекватному восприятию и эффективному взаимодействию, сотрудничеству с другими государствами, с одной стороны, и оптимальному проведению политического курса в целом и государственной спортивной политики, с другой. Иностранцы граждане, отечественные и зарубежные СМИ воспринимают успехи национальной сборной команды как победу страны, как основу для гордости и патриотизма. При этом социально-экономические и духовно-политические проблемы и повседневно-бытовые неурядицы становятся второстепенными, а имя государства в массовом сознании ассоциируется с достижениями его в области спорта (Нужденов, 2012). Примером может служить активизация деятельности России и повышенный интерес к ней со стороны западных держав в период подготовки и проведения Чемпионата мира по футболу в 2018 году.

2. Спорт может «быть идеальным вместилищем любой идеологии, и в каждом конкретном случае государство, чья команда или спортсмены побеждали, обращивало этот успех себе на пользу» (Щепинов, 2010, с. 123). Спорт вполне способен выполнять роль национально-патриотической идеи государства, оказывая содействие консолидации, сотрудничеству и сотворчеству народов (этносов) страны, выступая тем самым действенным инструментом воздействия на гражданское общество, а, в конечном счете, – оптимальным средством роста популярности и упрочения статуса государственных и политических деятелей. Так, убедительная победа российской сборной на зимних Олимпийских играх в Сочи в 2014 г., по результатам опроса ВЦИОМ, подняла рейтинг президента России В.В. Путина на максимальный уровень. Однако

при этом есть и другая сторона медали спортивной деятельности, которую необходимо непременно учитывать: «Спорт быстро вырождается, если его используют не по назначению – например, для воспитания граждан в милитаристском духе...» (Кильдюшев, 2020).

3. На уровне членов сборных национальных команд (юношеские, молодежные и взрослые) профессиональный спорт играет важную роль в деле пропаганды развития массового спорта, приобщающего к занятиям физической культурой миллионы людей, стремящихся укрепить и сохранить свое здоровье, развить и усовершенствовать двигательные и эмоционально-волевые способности (согласно статистике последних лет число граждан, регулярно занимающихся спортом в современной России, заметно выросло и составляет сейчас около 35 млн. человек). В ближайшие годы к спорту должны быть привлечены не менее 40% россиян (Путин поставил задачу ..., 2014). Все это свидетельствует о прямой зависимости уровня развития массового спорта в нашей стране от успешности проведения в России широкомасштабных европейских и мировых соревнований и турниров.

4. На международном уровне каждое крупное спортивное событие (европейские и мировые соревнования, встречи, Олимпийские игры), к которому привлечено внимание большого числа людей (население, спортсмены-участники, болельщики, атлеты других стран), нередко используется в качестве средства политического воздействия и давления на государство (властные структуры) и его деятельность. В таких случаях спортивное состязание выступает своего рода полем идейно-политической борьбы (пропаганда идей и установок, националистических взглядов и принципов, выражение интересов и призывов). При этом, как правило, задействованы следующие три способа политического влияния на спортивное мероприятие, на органы управления и власти (на государство в целом) (Бродская, 2007, с. 62–74).

5. Протесты и недовольства вектором политических действий властей, пропаганда и навязывание оппозиционных убеждений, демонстрационные вызовы по поводу социально-экономической и общественно-политической ситуации в стране. Например, во время многочисленных массовых беспорядков в Бразилии в 2014 г., жители страны выступили с осуждением того, что на подготовку и проведение Чемпионата мира по футболу были потрачены миллиарды долларов, которые можно было бы направить на «решение жилищных проблем» и реализацию социальных задач (В Бразилии нарастают протесты ..., 2014). Другой пример – высокоактивное противодействие оппозиционных сил в Российской Федерации подготовительным работам по проведению зимней Олимпиады в Сочи в 2014 г., которые считали, что затраты на данный проект являются чрезмерными, и могли бы быть направлены в русло решения социальных проблем. Еще один пример – многочисленные беспорядки, поджоги и погромы магазинов, автомобилей, травмы населения болельщиками во Франции в 2014 г. после благополучного выступления сборной команды Алжира на групповом этапе Чемпионата мира по футболу, что, в конечном счете, еще больше обострило тему миграционной политики в стране.

6. Призывы к игнорированию, либо к бойкоту наиболее значимых по размаху и роли спортивных соревнований мирового уровня, проводимых страной, зачастую сопровождаются оглашением официального повода неучастия

в престижных состязаниях. К примеру, поводом для бойкота Олимпийских игр в Москве в 1980 г. со стороны США и других западных государств стало введение советских вооруженных сил на территорию Афганистана. В ответ на это Олимпийский Комитет Советского Союза призвал страны мира отказаться от участия в Олимпийских играх в Лос-Анджелесе в 1984 году (призыв получил поддержку большинства стран социалистического лагеря). Официальной причиной данного отказа стала угроза покушения профессиональных гангстеров Японии, Латинской Америки и Канады на спортсменов из СССР. Игнорирование Олимпиад в Москве и Лос-Анджелесе обусловило усиление противоборства двух великих держав – США и СССР, перевело его на новый, более сложный виток холодной войны. Вместе с тем сразу после распада Советского Союза наступил период временного ослабления спортивно-политического противостояния между странами коллективного Запада и Российской Федерацией (примером могут служить успешно проведенные в Санкт-Петербурге в 1994 году Третьи Игры доброй воли). Однако с усилением российского политического суверенитета, и в особенности после присоединения Крыма к России, ситуация резко поменялась в сторону усиления конфронтационности.

7. Терроризм (террористическая деятельность) как социально-политическое явление и всеобщая угроза современному социуму достаточно часто используется для привлечения массового внимания и достижения определенных политических целей и задач. Спортивные события, особенно соревнования высокого уровня, часто становятся объектом террористических угроз и прямых нападений на их участников. Наиболее красноречивым примером тому является террористический акт на Олимпийских играх в ФРГ (Мюнхен, 1972 г.), когда члены террористической группы «Черный сентябрь» посредством взятия в заложники, а затем и убийства атлетов Израиля освободили из тюрем этой страны почти 200 своих сообщников. В качестве примера террористического акта, направленного против участников спортивного мероприятия, можно назвать взрывы, произведенные во время проведения марафонского забега в США (Бостон, 2013 г.). Известно также, что в целях срыва зимних Олимпийских игр в Сочи (2014 г.) организация «Имарат Кавказ»¹, руководимая Д. Умаровым, занималась подготовкой проведения террористических атак.

Обозначившиеся в течение многих десятилетий процессы прямого взаимодействия политики и спорта находят непосредственное выражение в основополагающих направлениях деятельности государств, политической элиты, партий и общественно-политических движений через организацию, подготовку и проведение многочисленных и широкомасштабных спортивных соревнований (прежде всего – Олимпийских игр), нередко осложненных внутри- и внешнеполитическими конфликтными и кризисными ситуациями в мировом сообществе, а также – в отдельных странах и регионах. К числу принципиально важных видов влияния политики на спорт, политических функций, выполняемых спортом (Курасова, 2016), можно отнести следующие:

1) Обоснование посредством достижения страной в течение ряда лет значительных спортивных успехов эффективности ее политической деятельности, правильности государственной политики в целом.

¹ Организация запрещена в России.

2) Популяризация через организацию крупных спортивных событий сформировавшихся в стране идеалов, ценностей, принципов, образа жизни народа, их продвижение в мировом политическом пространстве.

3) На основе формирования чувства гордости за высокие спортивные достижения и победы своей страны воспитывать у ее населения уважительное отношение к собственной державе, укреплять патриотические настроения, чувство приверженности внутренней и внешней политике государства.

4) При решении актуальных социально-экономических и духовно-политических проблем усиливать их ориентацию в сторону реализации насущных задач развития и функционирования национального спорта.

5) Корректировка связей между центром и периферией путем передачи территориям страны полномочий на проведение значимых спортивных состязаний (чемпионатов мира и Европы, турниров и встреч).

6) Профилактика процессов разжигания этнополитических конфликтов, возбуждения националистических идей, роста ксенофобских настроений посредством применения в спортивной жизни соответствующих законодательных актов и норм пресечения противоправного общественного поведения.

В целом, спорт – эффективное средство воздействия на все сферы жизнедеятельности современного общества. Политические и государственные деятели (элита), политические партии и движения предприимчиво эксплуатируют спорт для решения определенных политических задач, проведения собственного политического курса. При этом, в силу огромной популярности, притягательности и массовости спорта, под их политическое влияние попадает огромное число людей, которое своими действиями может вызывать как позитивные (конструктивные, консолидирующие) перемены в жизни нации, так и негативные (деструктивные, дезинтеграционные).

Это значит, что политическая детерминанта спортивной сферы общества, использование органами власти и общественно-политическими организациями спорта в своих интересах, неизбежно превращают спорт в мощный фактор воздействия на процесс формирования и развития как внешнеполитических, так и внутривнутриполитических общественных отношений.

Список литературы

1. Аль-Гази, Ахмед Г. (1997). Международный спорт как социокультурный феномен. *Теория и практика физической культуры*, 6, 18–29.
2. Абарин, В. (2014). Спорт и политика. Краткий исторический обзор. *Научно-культурологический журнал*, 3(276). Взято с <http://www.relga.ru/Environment/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=3828&level1=main&level2=articles>
3. *В Бразилии нарастают протесты против ЧМ-2014*. (2014, 16 мая). BBC. Русская служба. Взято 3 февраля 2015 с http://www.bbc.com/russian/international/2014/05/140515_brazil_wc_riots
4. Голобородько, А.Ю., Сериков, А.В. (2015). Дискурс «мягкой силы» в контексте конструирования имиджа современной России: факторы и технологии формирования конкурентной идентичности. *Гуманитарий Юга России*, 4, 41–50.

5. Гедугова, З.А. (2015). Вопросы теории и практики: Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. *Политика и спорт: взаимосвязь политических и неполитических атрибутов российской власти*, 9(59), 44–46.

6. Грачев, С.И., Аксянов, А.С. (2015). Спорт как фактор политической деятельности. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 8, 76–80.

7. Кильдюшев, О. (2010). О двух культурах боления. *Русский журнал*. Взято с www.russ.ru/pole/O-dvuh-kul-turah-boleniya

8. Курасова, К.А. (2016). Спорт как инструмент политической борьбы в международных отношениях. *Международный студенческий научный вестник*, 2. Взято с <http://eduherald.ru/ru/article/view?id=15873>

9. Лебедев, А.С. (2006). *Гуманистическая сущность и социокультурные функции спорта* [Дисс. на соиск. ученой степени канд. филос. наук]. Москва.

10. Левин, Е.А. (2015). Ассимиляция спорта и политики в современном мире. *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*, 6(96), 123–126.

11. Невская, Т.А. (2016). «Мягкая сила» и международный имидж Российской Федерации. *Социология*, 3, 113–117.

12. Нужденов, К.Э. (2012). Международные спортивные соревнования как инструмент воздействия на современный политический процесс. *Электронный журнал «Вестник Московского государственного областного университета»*, 2, 74–75. Взято с <http://www.vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/198>

13. *О федеральной целевой программе «Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации на 2016–2020 годы» (с изменениями на 18 июня 2019 года)*. (2019). Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. Взято с <http://docs.cntd.ru/document/420248844>

14. Осинина, Д.Д., Урожок, Е.А. (2016). Спорт и политика в современном мире. *Научные записки молодых исследователей*, 2, 77–81.

15. Путин поставил задачу вовлечь в занятия спортом в ближайшие пять лет не менее 40% россиян. (2014). ИТАР-ТАСС. Взято 05 февраля 2019 с <http://tass.ru/sport/1232581>

16. Соловьев, Э.Г. (Ред.). (2007). *Современные политические процессы и имидж России: Олимпийское движение и международный имидж страны* (с. 62–74). М.: ИМЭМО РАН.

17. Щепинов, А.О. (2010). Политический потенциал спорта в современной России. *Среднерусский вестник общественных наук. Политология: актуальные аспекты*, 3, 123.

References

1. Al-Gazi, Ahmed G. (1997). Mezhdunarodnyj sport kak sociokul'turnyj fenomen. [International sport as social and cultural phenomenon]. *Teoriya i praktika fizicheskoj kul'tury*, 6, 18–29.

2. Abarinov, V. (2014). Sport i politika. Kratkij istoricheskij obzor. [Sport and policy. Short historical review]. *Nauchno-kul'turologicheskij zhurnal*, 3(276).

Retrieved from <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=3828&leve11=main&level2=articles>

3. Goloborod'ko, A. YU., & Serikov, A. V. (2015). Diskurs «myagkoj sily» v kontekste konstruirovaniya imidzha sovremennoj Rossii: factory i tekhnologi iformirovaniya konkurentnoj identichnosti [Discourse of “soft power” in the contest of image building of modern Russia: factors and technologies of competitive identity creation]. *Gumanitarij Yuga Rossii*, 4, 41–50.

4. Gedugova, Z. A. (2015). Politika i sport: vzaimosvyaz' politicheskikh i nepoliticheskikh atributov rossijskoj vlasti [Politics and sport: interaction of political and nonpolitical attributes of Russian authority]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 9(59), 44–46.

5. Grachev, S. I., & Aksyanov, A. S. (2015). Sport kak factor politicheskoy deyatelnosti [Sport as a factor of political activity]. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 8, 76–80.

6. Kil'dyushev, O. (2010). O dvuhkul'turah boleniya [Concerning two cultures of funning]. *Russian journal*. Retrieved from www.russ.ru/pole/O-dvuhkul-turah-boleniya

7. Kurasova, K. A. (2016). Sport kak instrument politicheskoy bor'by v mezhdunarodnyh otnosheniyah [Sport as a tool of political fight in international relations]. *Mezhdunarodnyj studencheskij nauchnyj vestnik*, 2. Retrieved from <http://eduherald.ru/ru/article/view?id=15873>

8. Lebedev, A. S. (2006). *Gumanisticheskaya sushhnost' i sociokul'turnye funktsii sporta* [Humanistic essence and social and cultural functions of sport] [PhD thesis]. Moscow.

9. Levin, E. A. (2015). Assimilyaciya sporta i politiki v sovremennom mire [Assimilation of sport and politics in modern world]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 6(96), 123–126.

10. Nevskaya, T. A. (2016). «Myagkaya sila» i mezhdunarodnyj imidzh Rossijskoj Federacii [“Soft power” and international image of Russia]. *Sociologiya*, 3, 113–117.

11. Nuzhdenov, K. E. (2012). Mezhdunarodnye sportivnye sorevnovaniya kak instrument vozdejstviya na sovremennyj politicheskij process [International sport competitions as a tool of influence on modern political process]. *Elektronnyj zhurnal «Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta»*, 2, 74–75. Retrieved from <http://www.evestnik-mgou.ru/Articles/Doc/198>

12. *O federal'noj celevoj programme “Razvitie fizicheskoy kul'tury i sporta v Rossijskoj Federacii na 2016–2020 gody” (s izmeneniyami na 18 iyunya 2019 goda)* [On the federal target program “Development of physical culture and sports in the Russian Federation for 2016–2020” (as amended on June 18, 2019)]. (2019). E'lektronnyj fond pravovoj i normativno-texnicheskoy dokumentacii. Retrieved from <http://docs.cntd.ru/document/420248844>

13. Osinina, D. D., & Urozhok, E. A. (2016). Sport i politika v sovremennom mire [Sport and politics in modern world]. *Nauchnye zapiski molodyh issledovatelej*, 2, 77–81.

14. *Putin postavil zadachu вовлечь в zanyatiya sportom v blizhajshie pyat' let ne menee 40% rossiyan* [Putin has set the goal to involve at least 40% of Russians

in sports in the next five years]. (2014). ITAR-TASS. Retrieved February 5, 2019, from <http://tass.ru/sport/1232581>

15. Shchepinov, A.O. (2010). Politicheskij potencial sporta v sovremennoj Rossii [Political potential of sport in modern Russia]. *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk. Politologiya: aktual'nye aspekty*, 3, 123.

16. Solov'ev, E.G. (Ed.). (2007). Olimpijskoe dvizhenie i mezhdunarodnyj imidzh strany [Olympic movement and international image of country]. *Modern political processes and the image of Russia* (pp. 62–74). M.: IME'MO RAN.

17. *V Brazilii narastayut protesty protiv ChM-2014* [Protests in Brazil against 2014 World Cup are growing]. (2014, May 16). BBC. Russkaya sluzhba. 2014. Retrieved 2015, February 3, from http://www.bbc.com/russian/international/2014/05/140515_brazil_wc_riots

КИТАЙСКАЯ СИСТЕМА СОЦИАЛЬНОГО КРЕДИТА: ВЗГЛЯД СНАРУЖИ И ИЗНУТРИ



Трахтенберг Анна Давидовна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
кандидат политических наук, старший научный сотрудник,
Екатеринбург, Россия,
ORCID: 0000-0002-3530-9361,
E-mail: cskiit@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 01.12.2019, принята к публикации 10.02.2020

Для цитирования: Трахтенберг А. Д. Китайская система социального кредита: взгляд снаружи и изнутри // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2019. № 4 (37). С. 108-118. doi: 10.24411/1817-9568-2019-10407

Аннотация

В статье проведен анализ планов правительства КНР построения системы социального кредита, в рамках которой должна быть осуществлена интеграция баз данных, накопленных как органами власти, так и частными IT-компаниями. Показано, что внешняя реакция на создание системы социального кредита не совпадает с внутренней. За пределами Китая система социального кредита была воспринята как инструмент всеобъемлющего социального и политического надзора с применением искусственного интеллекта, социальных сетей, Интернета вещей и прочих новейших достижений в сфере информационных технологий. В самом Китае в системе социального кредита видят инструмент упреждающего управления через репутацию, призванный повысить уровень межличностного доверия, уровень доверия к власти и уровень управляемости общества. Воплощение данной системы на практике пока находится на уровне многочисленных (не менее 40) локальных пилотных проектов, в которых значительную роль играет усмотрение местных властей.

Автор приходит к выводу, что всеобъемлющая система социального кредита пока является скорее пропагандистским проектом, вселяющим оптимизм в граждан КНР и порождающим дистопические страхи в окружающем мире.

Ключевые слова:

технооптимизм, система социального кредита, цифровой авторитаризм, доверие, управление репутацией.

CHINA'S SOCIAL CREDIT SYSTEM: LOOK INSIDE AND OUT

Trakhtenberg Anna Davidovna,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Candidate of Political Sciences,
Senior Researcher,
Ekaterinburg, Russia,
ORCID: 0000-0002-3530-9361,
E-mail: cskit@yandex.ru

Article received on December 1, 2019, accepted on February 10, 2020

To cite this article: Trahtenberg, A.D. (2019). Kitajskaya sistema social'nogo kredita: vzglyad snaruzhi i iznutri [China's social credit system: look inside and out]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 4(37), 108–118. doi: 10.24411/1817-9568-2019-10407

Abstract

The article analyzes the plans of the PRC government to build a social credit system, within the framework of which the integration of databases accumulated by both authorities and private IT companies should be carried out. It is shown that the external reaction to the creation of a social credit system does not coincide with the internal one. Outside of China, the social credit system was perceived as an instrument of comprehensive social and political surveillance using artificial intelligence, social networks, the Internet of things, and other latest advances in information technology. In China itself, the system of social credit sees a tool of preemptive management through reputation, designed to increase the level of interpersonal trust, the level of trust in government and the society manageability. The implementation of this system in practice is still at the level of numerous (at least 40) local pilot projects, in which the discretion of local authorities plays a significant role.

The author concludes that the comprehensive system of social credit is still rather a propaganda project that instills optimism in the citizens of China and generates dystopic fears in the surrounding world.

Keywords:

techno-optimism, social credit system, digital authoritarianism, trust, reputation management.

Введение

Применительно к информационным технологиям (в отличие от атомной энергетики или генной инженерии) массовое «технологическое воображаемое» в основном носит позитивный характер. Культурная значимость информационных технологий настолько велика, что они превратились в главный позитивный символ технического прогресса. Вокруг электронных средств коммуникации с момента их возникновения складывается мифология «секулярного миллениаризма» (Cagey, 1992), порождающая «риторику разрыва» с прошлым, устаревшим и неправильным состоянием (Hecht, 2012). Именно на основе риторики разрыва (и под влиянием идеологии нового государственного менеджмента) в девяностые годы XX века сформировалась концепция «электронного/цифрового правительства», предполагающая, что внедрение информационных технологий в государственное управление позволит превратить жесткие вертикальные бюрократические структуры в гибкое, интегрированное по горизонтали и оперативное «государство по требованию» (подробнее см. Трахтенберг, 2017). Современная концепция цифрового правительства предполагает предоставление гражданам «суперсервисов», то есть комплексов услуг, ориентированных по жизненным ситуациям и оказываемых в проактивном режиме, то есть переход от «государства по требованию» к государству, действующему на опережение. Такой подход к оказанию гражданам услуг подается как нечто безусловно положительное и как новое достижение технического прогресса.

Ни о каком значимом общественном сопротивлении переходу к электронному правительству говорить не приходится. Главной проблемой для его разработчиков традиционно выступает не сопротивление, а недостаточная популярность и востребованность новых форм взаимодействия с органами власти у граждан.

На общем технооптимистическом фоне, связанном с информатизацией государственного управления, резко выделяются технопессимистические ожидания, связанные с планами правительства КНР по созданию «системы социального кредита». Представление об освещении этих планов в самых авторитетных изданиях могут дать заголовки из журнала «The Economist»: «Китай изобретает цифровое тоталитарное государство» (Feng, 2016) и «Китайская цифровая диктатура» (Kefferpütz, 2016). Эти заголовки с теми или иными вариациями транслируются во всех мировых СМИ, включая отечественные (см., например: Гордеев, 2016; Евтушенко, 2016).

Чем обусловлен этот взрыв технопессимизма и насколько он соответствует реальности? Эти проблемы будут рассмотрены нами в настоящей статье.

Система социального кредита в «черном зеркале» мировых СМИ

В 2014 году Государственным советом КНР была утверждена «Программа создания системы социального кредита (2014–2020)», в которой была поставлена задача на основе всех продуцируемых с использованием информационных технологий данных сконструировать систему оценки поведения граждан, так, чтобы «оправдавшие доверие пользовались всеми благами, а утратившие доверие не могли сделать ни шагу» (Ковачич, 2017).

Заявление о намерении правительства КНР создать систему социального кредита породило целую серию статей в ведущих мировых СМИ, в которых КНР обвиняли в намерении реализовать на практике оруэлловский кошмар и создать государство тотального надзора.

Для молодых читателей, незнакомых с оруэлловским Большим Братом, использовалась ссылка на британский сериал «Черное зеркало», в котором оцениваются возможные последствия внедрения новых информационных технологий. В 2016 году в 1 серии третьего сезона сериала было показано общество, в котором граждане постоянно выставляют друг другу оценки через социальные сети, тем самым формируя рейтинг друг друга. В результате воцаряется тотальное лицемерие, а любое проявление искренних чувств чревато падением «под откос» (как и называется серия). Подчеркнем, что в «Черном зеркале» полностью отсутствовала политическая составляющая: было показано «общество надзора», а не «государство надзора», однако СМИ, как правило, не интересовали столь тонкие различия.

Журнал «Wired» не так давно попытался проследить истоки этой волны публикаций. По мнению автора «Wired» источником стал блог одного из активистов «Американского союза в защиту гражданских свобод» Дж. Стенли, который в октябре 2015 года опубликовал сообщение «Кошмарная китайская система рейтингования граждан – предупреждение для американцев» (Matsakis, 2019).

Картина, которую рисовал Дж. Стенли (а затем воспроизвели значительно более авторитетные издания), была ужасающей: в Китае намерены объединить все доступные источники/базы данных о гражданах, как государственные, так и частные, включая данные из социальных сетей, кредитную историю и историю покупок, чтобы на основе неких таинственных алгоритмов рассчитывать рейтинг каждого гражданина и регулировать его допуск к общественным благам. Более того: на рейтинг будет влиять не только поведение самого гражданина, но и поведение его друзей и знакомых.

Скромное сообщение в блоге получило мощный резонанс. Китайские планы срезонировали с собственно американскими страхами, что новые информационные технологии приведут к появлению «государства надзора» и легко позволят обойти те гарантии свободы слова, которые содержатся в Конституции США (Balkin & Levinson, 2006; Hu, 2017). Система социального кредита была воспринята как инструмент всеобъемлющего социального и политического надзора (surveillance) с применением искусственного интеллекта, социальных сетей, Интернета вещей и прочих новейших достижений в сфере информационных технологий.

Китай превратился в «черное зеркало» американского массового и элитного сознания, на которое были спроецированы собственные страхи и тревоги, связанные с бесконтрольным развитием информационных технологий. Особо острое беспокойство вызывало то, что для создания системы социального кредита один монстр – государство – намерен объединить усилия с другими монстрами – национальными и транснациональными ИТ-компаниями, накопившими огромные массивы информации о пользователях Сети.

Насколько эти страхи и тревоги обоснованны, и в чем, собственно говоря, выражается (или будет выражаться) китайский цифровой авторитаризм?

Система социального кредита в документах государственного стратегического планирования КНР

Впервые о социальном кредите в Китае заговорили в 2003 году на III пленуме КПК шестнадцатого созыва. Тогдашний председатель КПК Ху Цзиньтао назвал систему социального кредита необходимым условием развития современной рыночной экономики (подробнее см. Creemers, 2016). В 2007 году появились «Некоторые замечания канцелярии Госсовета КНР о создании системы социального кредита». Задача была сформулирована достаточно скромно: «используя международный опыт, совершенствовать системы скоринга в области кредитования, налогообложения, выполнения контрактов, качества продукции» (Ковачич, 2017).

После того как в 2012 году председателем КПК стал Си Цзиньпин, концепция социального кредита вышла далеко за пределы банковского сектора. Но при всей амбициозности поставленных задач анализ «Программы создания системы социального кредита (2014–2020)» заставил такого крупнейшего ее исследователя, как С. Дай сделать вывод, что она представляет собой не единую стратегию, а скорее «мешанку» (hodge-podge) административных и правовых инициатив (Dai, 2018, с. 13). Инициативы разделены на четыре группы: «государственная честность», «деловая честность», «судебное доверие» и «общественная честность».

Появление терминов «честность» и «доверие» в английском (и русском) тексте не должно удивлять: как указывают специалисты-синологи (не только С. Дай, но и Ш. Ахмед, А. Лян, Р. Криммерс, а также Б. Кивачич), смысл китайского «дайкуан» далеко не сводится к экономическим отношениям. Это слово имеет ярко выраженную моральную составляющую и может переводиться еще и как «авторитет» и «доверие», причем подразумеваются и соответствующие добродетели: честность, надежность, добросовестность, искренность и даже любезное поведение. В этом смысле китайское слово «кредит» можно сравнить с русским словом «долг», значение которого также выходит за пределы финансов.

Поэтому систему социального кредита одновременно можно истолковать и как систему присвоения общественного авторитета (или лишения такового). Ее официальная цель состоит в том, чтобы повысить доверие граждан друг другу через управление репутацией. Такую систему «упреждающего» управления через репутацию (Dai, 2018) одни исследователи (Song, 2019) связывают с конфуцианством с его акцентом не на хорошие институты, а на добродетельных чиновников. Другие, наоборот, – с воинствующе антиконфуцианским маоизмом (Hoffman, 2019) с его ленинской целью «построения нового человека». Однако в целом все согласны, что система социального кредита глубоко укоренена в китайской административной традиции.

За счет интеграции баз данных, накопленных властью и бизнесом, система социального кредита призвана повысить и уровень межличностного доверия, и уровень доверия к власти, и уровень управляемости общества.

Система социального кредита глазами граждан КНР

Именно так ее цель понимают сами китайцы, о чем свидетельствуют результаты проведенного Дж. Костка социологического исследования (было

опрошено 2209 человек и проведено 17 фокусированных интервью) (Kostka, 2019). К удивлению исследовательницы, респонденты решительно отказывались видеть в системе социального кредита ущемление своих прав. В той мере, в какой они вообще слышали про эту систему (а уровень осведомленности оказался весьма невелик – сталкивались с социальным кредитом на личном опыте не более 7% опрошенных), они были склонны видеть в ней инструмент поддержки честных и добросовестных граждан. 80% участников опроса в той или иной мере поддержали идею оценки имеющегося у гражданина уровня общественного авторитета и вызываемого им доверия. Чем выше был уровень образования опрошенных и чем лучше их материальное положение, тем охотнее они выражали свою поддержку (что полностью противоречило стандартному представлению о том, что высокий уровень образования и доходов предполагает рост ценности личных свобод).

Примерно такой же вывод сделали журналисты С. Мистреану («Foreign Policy») (Mistreanu, 2018) и Н. Ган («South China Morning Post») (Gan, 2019) после посещения с интервалом примерно в год городского уезда Жунчэн в провинции Шаньдун, опыт которого по внедрению системы социального кредита популяризируется как образцовый.

Уезд Жэньчун – очень небольшой по китайским меркам. Все его 670 тысяч жителей получили стартовый капитал 1000 баллов. Этот капитал может увеличиваться или уменьшаться в зависимости от той информации, которая поступает в единый информационный центр из муниципальных, коммерческих, правоохранительных, судебных органов в единый информационный центр и, согласно отчетам уездной администрации, обрабатывается с помощью технологии *big data*. Утверждается, что единый информационный центр анализирует 160 тысяч различных параметров из 142 учреждений. Гражданам присваивается рейтинг от ААА до D (всего пять вариантов), в соответствии с которым их поощряют (например, выдают без залога в аренду велосипед или опять же без залога кладут в больницу) или ограничивают. По данным информационного центра, к высшей группе А+++ относится 90% городского населения, не совершавших никаких зафиксированных правонарушений.

На практике ситуация выглядела не вполне так, как в отчетах уездной администрации. С. Мистреану пришла к выводу, что большинство населения города не слышало о системе социального кредита, а те, кто слышал, относятся к ней, как к очередной административной инициативе, только косвенно связанной с их повседневной жизнью. Н. Ган, в свою очередь, заключил, что определенное внимание на рейтинг обращают в основном сотрудники государственных учреждений и государственных же предприятий. Что касается частного бизнеса, то мясник, официально отмеченный за честность в торговле, заявил: «Лучший рейтинг – это мое лицо, а не то, что чиновники пишут в своих бумагах».

Конечно, журналистские зарисовки не могут заменить социологические исследования, но определенные выводы они сделать позволяют. Возникает впечатление, что эффективность системы социального кредита находится вне зоны интересов как заказчиков, так и разработчиков. Такая ситуация типична для многих, если не для большинства проектов в сфере информатизации государственного управления. Существующие методы определения эффектов от внедрения информационных технологий в лучшем случае позволяют оценить внутреннюю

эффективность (efficiency), т. е. насколько рачительно израсходованы выделенные на тот или иной проект средства, однако практически не в состоянии дать оценки его реальной пользе (efficacy) для конечных потребителей. Эксперты даже говорят о «парадоксе электронного правительства» (Bertot & Jaeger, 2008; Castelnovo, 2010; Salvodelli, Codagnone & Misuraca, 2012), связанном со сложностями, порождаемыми попытками найти доказательства его реальной полезности.

В результате возникает простор для исполнительского усмотрения на местах. На основе замещения цели (повышения уровня общественного и межличностного доверия) средствами (внедрением информационных систем сбора, интеграции и анализа данных о гражданах) можно успешно отчитываться перед вышестоящими органами, не слишком беспокоясь о том, как воспринимают и используют систему социального кредита граждане.

Заключение

В настоящее время в КНР имеется не менее 40 «кредитных городов» (Ahmed, 2018, с. 63), в которых систему пытаются построить на муниципальном уровне, формулируя критерии сбора и оценки данных на свой страх и риск. Такая ситуация во многом является следствием традиционного китайского подхода к внедрению социальных инноваций в соответствии с формулой Дэн Сяопина: «переходить реку, ощупывая камни», предполагающей поощрение конкуренции пилотных проектов с целью в последующем отобрать наиболее эффективный (Воропаев, 2011; Heillman, 2008).

Примерно по такой же схеме конкурируют между собой ведомства, разрабатывающие собственные кредитные системы и ограничивающие доступ к собственным базам данных.

И хотя китайские власти очень активно взаимодействуют с ведущими национальными IT-компаниями, все же рейтинговые системы таких лидеров китайского IT-рынка, как «Alibaba» (система «Сезам Кредит»), «Weibo» и «Tencent» (платежная система «WeChat Wallet») существуют автономно от государства и осуществляют, как считает С. Дай, скорее функции банковского скоринга и поощрения лояльности, чем социального, а тем более – политического контроля (Dai, 2018).

Общую ситуацию специалисты описают как «острова данных» (Ding, 2019, с. 39), что вполне объяснимо. Проект системы социального кредита, как любой масштабный государственный проект, страдает от традиционных проблем, связанных с наличием множества акторов с несовпадающими интересами. Этим, в частности, можно объяснить «мешанку» в «Программе создания системы социального кредита (2014–2020)», и такую же «мешанку» в процессе ее реализации. Всеобъемлющая система социального кредита пока является скорее пропагандистским проектом, вселяющим оптимизм в граждан КНР и порождающим дистопические страхи в окружающем мире.

Список литературы

1. Воропаев, Д. С. (2011). *Китайская модель политической модернизации в контексте феномена коинволюции цивилизаций*. М.: Издатель А. В. Воробьев.

2. Гордеев, А. (2016). Цифровая диктатура: как в Китае вводят систему социального рейтинга. *Ежедневная деловая газета РБК*. Взято с <https://www.rbc.ru/business/11/12/2016/584953bb9a79477c8a7c08a7>
3. Евтушенко, А. (2016). Двойка за поведение: В Китае нашли новый способ следить за населением. *Lenta.ru*. Взято с <https://lenta.ru/articles/2016/12/12/chinarating/>
4. Ковачич, Л. (2017). *Большой брат 2.0. Как Китай строит цифровую диктатуру*. Московский Центр Карнеги. Взято с <http://carnegie.ru/commentary/71546>
5. Трахтенберг, А.Д. (2017). «Электронное правительство» как идеологический конструкт: как работает риторика разрыва? *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН*, 17(2), 41–58.
6. Ahmed, Sh. (2018). Automating carrot and stick process. *AI, China, Russia, and the Global Order: Technological, Political, Global, and Creative Perspectives. A Strategic Multilayer Assessment (SMA) Periodic Publication*. Взято с https://nsiteam.com/social/wp-content/uploads/2018/12/AI-China-Russia-Global-WP_FINAL.pdf
7. Balkin, J.M., & Levinson, S.V. (2006). The Processes of Constitutional Change: From Partisan Entrenchment to the National Surveillance State. *Yale Law School Faculty Scholarship Series. Research Paper No 120*. Взято с https://digitalcommons.law.yale.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1230&context=fss_papers
8. Bertot, J.C., & Jaeger, P.T. (2008). The E-Government Paradox: Better Customer Service Doesn't Necessarily Cost Less, *Government Information Quarterly*, 25/2, 846–860.
9. Carey, J.W. (1992). *Communication as Culture: Essays on Media and Society*. N.Y., Psychology Press.
10. Castelnovo, W. (2010). Is there an e-government paradox? In D.O' Donnell (Ed.), *Proceedings of the 10th European Conference on eGovernment* (pp. 90–98). Limerick: Academic Publishing.
11. Creemers, R. (2016). Disrupting the Chinese State: Internet plus, New Actors and New Factors. *Asiascape: Digital Asia*, 5, 169–197.
12. Dai, X. (2018). *Toward a Reputation State: The Social Credit System Project in China. Working Paper*. Взято с <https://ssrn.com/abstract=3193577>
13. Ding, J. (2018). The Interests Behind China AI Dream. *AI, China, Russia, and the Global Order: Technological, Political, Global, and Creative Perspectives. A Strategic Multilayer Assessment (SMA) Periodic Publication*. Взято с https://nsiteam.com/social/wp-content/uploads/2018/12/AI-China-Russia-Global-WP_FINAL.pdf
14. Feng, J. (2016). China Invents the Digital Totalitarian State. *The Economist*. Взято с <https://www.economist.com/briefing/2016/12/17/china-invents-the-digital-totalitarian-state>
15. Gan, N. (2019). The complex reality of China's social credit system: hi-tech dystopian plot or low-key incentive scheme? *South China Morning Post*. Взято с <https://www.scmp.com/print/news/china/politics/article/2185303/hi-tech-dystopia-or-low-key-incentive-scheme-complex-reality>

16. Hecht, G. (2012). *Being Nuclear: Africans and the Global Uranium Trade*. Cambridge, MA: The MIT Press.
17. Heilmann, S. (2008). From Local Experiments to National Policy: The Origins of China's Distinctive Policy Process. *The China Journal*, 59, 1–30.
18. Hoffman, S. (2019). China's Tech-Enhanced Authoritarianism. *Testimony before the House Permanent Select Committee on Intelligence Hearing on "China's Digital Authoritarianism: Surveillance, Influence, and Political Control"*. Взято с <https://www.anu.edu.au/events/china's-tech-enhanced-authoritarianism>
19. Hu, M. (2017). From the National Surveillance State to the Cybersurveillance State. *Annu. Rev. Law Soc. Sci.*, 13, 161–180.
20. Kefferpütz, R. (2016). China's Digital Dictatorship. *The Economist*. Взято с <https://www.economist.com/leaders/2016/12/17/chinas-digital-dictatorship>
21. Kostka, G. (2019). China's Social Credit System and Public Opinion: Explaining High Levels of Approval. *New Media and Society*, 21(7), 1565–1593.
22. Matsakis, L. (2019). How the West Got China's Social Credit System Wrong. *Wired*. Взято с <https://www.wired.com/story/china-social-credit-score-system/>
23. Mistreanu, S. (2018). Life Inside China's Social Credit Laboratory. *Foreign Policy*. Взято с <https://foreignpolicy.com/2018/04/03/life-inside-chinas-social-credit-laboratory>
24. Savoldelli, A., Codagnone, C., & Misuraca, G. (2012). Explaining the eGovernment paradox: An analysis of two decades of evidence from scientific literature and practice on barriers to eGovernment. In *ICEGOV '12* (pp. 287–296). Albany, New York, United States, October 22–25.
25. Seifert, J.W., & Chung, J. (2009). Using E-Government to Reinforce Government Citizen Relationships: Comparing Government Reform in the United States and China. *Social Science Computer Review*, 27(1), 3–23.
26. Song, B. (2019). The West May Be Wrong About China's Social Credit System. *New Perspective Quarterly*, 36(1), 33–35.

References

1. Ahmed, Sh. (2018). Automating carrot and stick process. *AI, China, Russia, and the Global Order: Technological, Political, Global, and Creative Perspectives. A Strategic Multilayer Assessment (SMA) Periodic Publication*. Retrieved from https://nsiteam.com/social/wp-content/uploads/2018/12/AI-China-Russia-Global-WP_FINAL.pdf
2. Balkin, J.M., & Levinson, S.V. (2006). The Processes of Constitutional Change: From Partisan Entrenchment to the National Surveillance State. *Yale Law School Faculty Scholarship Series. Research Paper No 120*. Retrieved from https://digitalcommons.law.yale.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1230&context=fss_papers
3. Bertot, J.C., & Jaeger, P.T. (2008). The E-Government Paradox: Better Customer Service Doesn't Necessarily Cost Less. *Government Information Quarterly*, 25/2, 846–860.
4. Carey, J.W. (1992). *Communication as Culture: Essays on Media*

and Society. N.Y., Psychology Press.

5. Castelnovo, W. (2010). Is there an e-government paradox? In D.O' Donnell (Ed.), *Proceedings of the 10th European Conference on eGovernment* (pp. 90–98). Limerick: Academic Publishing.

6. Creemers, R. (2016). Disrupting the Chinese State: Internet plus, New Actors and New Factors. *Asiascape: Digital Asia*, 5, 169–197.

7. Dai, X. (2018). *Toward a Reputation State: The Social Credit System Project in China. Working Paper*. Retrieved from <https://ssrn.com/abstract=3193577>

8. Ding, J. (2018). The Interests Behind China AI Dream. *AI, China, Russia, and the Global Order: Technological, Political, Global, and Creative Perspectives. A Strategic Multilayer Assessment (SMA) Periodic Publication*. Retrieved from https://nsiteam.com/social/wp-content/uploads/2018/12/AI-China-Russia-Global-WP_FINAL.pdf

9. Evtushenko, A. (2016). Dvoika za povedenie: V Kitae nashli novyi sposob sledit' za naseleniem [A poor for behavior: In China, they found a new way to monitor the population]. *Lenta.ru*. Retrieved from <https://lenta.ru/articles/2016/12/12/chinarating/>

10. Feng, J. (2016). China Invents the Digital Totalitarian State. *The Economist*. Retrieved from <https://www.economist.com/briefing/2016/12/17/china-invents-the-digital-totalitarian-state>

11. Gan, N. (2019). The complex reality of China's social credit system: hi-tech dystopian plot or low-key incentive scheme? *South China Morning Post*. Retrieved from <https://www.scmp.com/print/news/china/politics/article/2185303/hi-tech-dystopia-or-low-key-incentive-scheme-complex-reality>

12. Gordeev, A. (2016). Cifrovaya diktatura: kak v Kitae vvodyat sistemu social'nogo reitinga [Digital dictatorship: how China introduces a social rating system]. *Ejednevnaya delovaya gazeta RBK*. Retrieved from <https://www.rbc.ru/business/11/12/2016/584953bb9a79477c8a7c08a7>

13. Hecht, G. (2012). *Being Nuclear: Africans and the Global Uranium Trade*. Cambridge, MA: The MIT Press.

14. Heilmann, S. (2008). From Local Experiments to National Policy: The Origins of China's Distinctive Policy Process. *The China Journal*, 59, 1–30.

15. Hoffman, S. (2019). China's Tech-Enhanced Authoritarianism. *Testimony before the House Permanent Select Committee on Intelligence Hearing on "China's Digital Authoritarianism: Surveillance, Influence, and Political Control"*. Retrieved from <https://www.anu.edu.au/events/china's-tech-enhanced-authoritarianism>

16. Hu, M. (2017) From the National Surveillance State to the Cybersurveillance State. *Annu. Rev. Law Soc. Sci.*, 13, 161–180.

17. Kefferpütz, R. (2016). China's Digital Dictatorship. *The Economist*. Retrieved from <https://www.economist.com/leaders/2016/12/17/chinas-digital-dictatorship>

18. Kostka, G. (2019). China's Social Credit System and Public Opinion: Explaining High Levels of Approval. *New Media and Society*, 21(7), 1565–1593.

19. Kovachich, L. (2017). Bol'shoy brat 2.0. Kak Kitay stroit tsifrovuyu diktaturu [Big Brother 2.0. How China is building a digital dictatorship]. *Moskovskiy Centr Karnegi*. Retrieved from <http://carnegie.ru/commentary/71546>

20. Matsakis, L. (2019). How the West Got China's Social Credit System

Wrong. *Wired*. Retrieved from <https://www.wired.com/story/china-social-credit-score-system/>

21. Mistreanu, S. (2018). Life Inside China's Social Credit Laboratory. *Foreign Policy*. Retrieved from <https://foreignpolicy.com/2018/04/03/life-inside-chinas-social-credit-laboratory>

22. Savoldelli, A., Codagnone, C., & Misuraca, G. (2012). Explaining the eGovernment paradox: An analysis of two decades of evidence from scientific literature and practice on barriers to eGovernment. In *ICEGOV '12* (pp. 287–296). Albany, New York, United States, October 22–25.

23. Seifert, J.W., & Chung, J. (2009). Using E-Government to Reinforce Government Citizen Relationships: Comparing Government Reform in the United States and China. *Social Science Computer Review*, 27(1), 3–23.

24. Song, B. (2019). The West May Be Wrong About China's Social Credit System. *New Perspective Quarterly*, 36(1), 33–35.

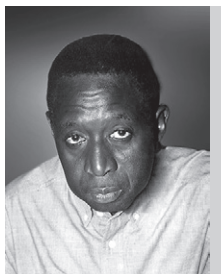
25. Trakhtenberg, A.D. (2017). «Elektronnoye pravitel'stvo» kak ideologicheskii konstrukt: kak rabotayet ritorika razryva? [E-government as an ideological construct: how does rupture talk function?] *Nauchnyy yezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya RAN*, 17(2), 41–58.

26. Voropaev, D.S. (2011). *Kitaiskaya model' politicheskoi modernizatsii v kontekste fenomena koinvolucii civilizatsii* [The Chinese model of political modernization in the context of the phenomenon of co-involution of civilizations]. M.: Izdatel' A.B. Vorob'ev.

УДК 141

DOI: 10.24411/1817-9568-2019-10408

КАРЛ МАРКС, МАРКСИЗМ И ЧЕРНАЯ АФРИКА



Диоп Тьерно,

Университет Шейха Анты Диопа,
доктор философии,
Дакар, Сенегал,
E-mail: sidiop12@yahoo.fr

Статья поступила в редакцию 05.12.2019, принята к публикации 10.02.2020

Для цитирования: Диоп, Тьерно. Карл Маркс, марксизм и Черная Африка (Пер. с французского В.М. Русакова) // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2019. № 4 (37). С. 119–130. doi: 10.24411/1817-9568-2019-10408

Аннотация

Несмотря на позднее появление в Черной Африке, произведения Карла Маркса имеют важное значение для анализа особенностей исторического становления континента. Этот анализ требует правильного использования марксистских категорий. Эти категории должны быть развиты и обогащены в рамках, во многом отличающихся от европейских времен Маркса. Именно эту работу проделали Шейх Анта Диоп (1923–1986) и Амилькар Кабрал (1924–1975). Первый, египтолог, имел смелость сделать шаг по пути, проложенному основателями исторического материализма, чтобы пролить свет на цивилизации, которые до этого считались за пределами истории человечества; второй, политический лидер Национально-освободительного движения в Гвинее-Бисау и на островах Зеленого Мыса, отличался антидогматическим отношением к творчеству Маркса, что позволило ему обогатить это учение и вести победоносную освободительную борьбу в стране, реалии которой во многом отличаются от тех, которые позволили Марксу проанализировать капиталистическую систему его эпохи.

Ключевые слова:

Черная Африка, Карл Маркс, марксизм, Амилькар Кабрал, Шейх Анта Диоп.

KARL MARX, MARXISM AND BLACK AFRICA

Diop Thierno,

Université Cheikh Anta Diop de Dakar,
PhD,
Dakar, Senegal,
E-mail: sidiop12@yahoo.fr

Article received on December 5, 2019, accepted on February 10, 2020

To cite this article: Diop Thierno. (2019). Karl Marks, marksizm i Chernaya Afrika [Karl Marx, Marxism and Black Africa] (Translated from French by V.M. Rusakov). *Scientific Journal "Discourse-P"*, 4(37), 119-130. doi: 10.24411/1817-9568-2019-10408

Abstract

Despite his late arrival in Black Africa, the work of Karl Marx is important for the analysis of the peculiarities of the historical future of the continent. This analysis requires a good use of Marxist categories. These categories must be developed and enriched in a different context, in many respects, from that of Europe in Marx's time. It is this work that Cheikh Anta Diop (1923–1986) and Amilcar Cabral (1924–1975). The first, Egyptologist, had the audacity to take a step on the track traced by the founders of historical materialism to throw light on civilizations until then considered on the fringes of the history of humanity; the second, political leader of the national liberation movement in Guinea Bissau and in the Cape Verde Islands, distinguished himself by his anti-dogmatic attitude towards the work of Marx, which enabled him to enrich this work and lead a struggle of victorious liberation in a country whose realities are different, in many respects, from those which enabled Marx to analyze the capitalist system of his time.

Keywords:

Black Africa, Karl Marx, Marxism, Amilcar Cabral, Cheikh Anta Diop.

I. Встреча Черной Африки с марксизмом

Когда Карл Маркс в 1867 году опубликовал первую книгу «Капитала», Черная Африка, содействуя первоначальному накоплению капитала путем торговли чернокожими, стала жертвой империалистических держав. Именно с 1885 года, спустя восемнадцать лет после Берлинской конференции, которая определила условия совместного использования черного континента, африканские общества будут интегрированы в глобальную капиталистическую систему,

периферией которой они стали и по-прежнему являются. На этой периферии, где капиталистический способ производства стал доминирующим и неисклucительным, в повестке дня был вопрос не преодоления капитализма и установления социализма, а борьбы с колониальным господством и эксплуатацией. Отсюда понятно, почему, в отличие от других частей мира, где противоречия зрелой капиталистической системы требовали изучения «Капитала» для своего решения, здесь перевод и чтение «Капитала» не стояли на повестке дня.

Впрочем, когда африканцы почувствовали необходимость вооружиться анализом капитализма, чтобы лучше расшифровать колониальные реалии, они больше вдохновлялись работами марксистских лидеров, которые развили мысль Маркса в эпоху империализма, хорошо проанализированную Лениным в его книге «Империализм как высшая стадия капитализма», – чем «Капиталом». Эта книга, переведенная на языки колониальных держав, была недоступна подавляющему большинству, ограниченному неграмотностью, и ее нелегко понять. Независимость, приобретенная в неоколониальной обстановке, не ставила под сомнение преобладание языков бывших колонизаторов. Именно поэтому до настоящего времени в наших странах нет перевода «Капитала» ни на один из африканских языков. Африка отличается от Европы во многих отношениях. Поразительно то, что в Африке, как и в других странах мира, марксизм выступает в качестве импортируемой теории, хотя его импорт отвечает необходимости решать проблемы, порожденные капитализмом, развитие которого привело к противоречиям, которые может решить только использование марксизма.

Черный континент встретился с марксизмом в решающий момент истории человечества: после Второй мировой войны – истинной точки перелома мировой истории – и исторического момента, характеризующегося поражением нацистской Германии, победой китайской революции и расцветом освободительных движений в разных местах планеты. Эти три элемента оказали влияние на становление африканских обществ. Социальные образования континента, вырванные из их исторической траектории, отныне вступят в новую фазу их эволюции и будут постепенно занимать свое место в концерте свободных наций. Это позднее вступление новых «африканских наций» в мировой исторический процесс сопровождалось стремлением этих стран подняться на уровень самых передовых обществ того времени. Отсюда и спешка в обращении к новым моделям, предлагаемым африканским обществам, среди которых наиболее привлекательной казалась социалистическая модель, символизируемая Советским Союзом. Несмотря на то, что она занимала новое место в концерте наций, Африка во многих отношениях отличалась от Европы. Большая часть континента претерпела долгую колонизацию, которой предшествовали три столетия работорговли. Территориальные границы были нарушены, что сделало границы искусственными и народы разделенными. Именно на этом фоне черный континент соприкасался с марксизмом как идеологическим вектором патриотической интеллигенции.

В отсутствие коренного капитализма и настоящей буржуазии, некоторые элементы которой, наделенные теоретическим пониманием всего исторического движения, присоединяются к пролетариату, чтобы вдохнуть в него революционное сознание, только интеллигенты-патриоты могли выполнить задачу импорта марксистской теории. Кроме того, атмосфера, в которой купалось

большинство из них, а также проблемы, с которыми они столкнулись, готовили интеллектуалов-патриотов лучше, чем кто-либо другой к этой роли вектора марксизма.

Однако в этом было меньше изначального марксизма, марксизма Маркса и Энгельса, и того, который Чарльз Беттельхайм последовательно назвал большевистской идеологической и сталинской идеологической формациями, чем в том, который импортировали интеллектуалы. Этот марксизм действовал двояко: как система легитимации существующего порядка и как сетка для применения к реальности. Несмотря на эту двойную функцию, этот марксизм по многим вопросам не был верен первоначальному марксизму, поскольку он представлялся в виде противоречивой реальности, в которой сосуществовали марксистские и немарксистские элементы, которые, по их терминологии, были переходными к марксистским.

От Маркса через Ленина до Мао – марксизм значительно расширил свое теоретическое поле, породив новые концепции, созданные из реалий, благодаря которым Африка имеет определенную специфику. Следует также отметить, что в марксистской теоретической области Африка не является объектом специального теоретизирования. Большинство проблем, которые возникают на этом континенте, отчасти связаны с проблемами капитализма. Вот почему категории, реализованные в анализе капитализма, сталкиваются с очевидными ограничениями. Отсюда вытекает необходимость обогащения этих категорий – задача, которая предполагает, в частности, продолжение диалектического движения, вызванного марксизмом. Это понимали два интеллектуала, которые хотя и открыто не заявляли о своей приверженности марксизму, но использовали эту теорию – один как египтолог, другой как лидер Национально-освободительного движения. Это, с одной стороны, шейх Анта Диоп (1923–1986), смелый египтолог, чья работа состояла в том, чтобы вернуть чернокожим свое истинное место в истории человечества и показать их вклад в остальной мир, а с другой – Амилкар Кабрал (1924–1973), лидер Национально-освободительной борьбы в Гвинее-Бисау и Кабо-Верде, заслуги которого имеют двойную ценность: он помог положить конец долгому догматическому сну многих африканцев, претендовавших на марксизм, и он привел к победе в борьбе за национальное освобождение (Diop, 2007, 2010).

II. Шейх Анта Диоп и марксизм

В предисловии к изданию 1954 года «Негритянские народы и культура» Шейх Анта Диоп (Diop, 1979, p. 18–19), критикуя «марксистских интеллектуалов», которые забыли позаботиться о своем марксистском образовании, или того, кто изучал марксизм в догматическом смысле, никогда не рассматривая его применение в конкретном случае реальности своей страны, утверждает, что его подход основан на марксизме. Он добавляет, что те, кто захочет использовать марксизм в качестве руководства для действий на африканской земле, придут к тем же результатам, что и он. В своих последующих работах «Культурное единство Черной Африки» (Diop, 1960b), «Доколониальная Черная Африка» (Diop, 1960a), «Превосходство негритянских цивилизаций. Мифы или историческая правда?» (Diop, 1967) и «Цивилизация или варварство» (Diop, 1981) Диоп

использует исторический материализм, с одной стороны, в своем анализе отношений между материальными условиями существования и цивилизациями, а с другой – в анализе революций.

В своем исследовании цивилизации фараонов Египта и в сравнении с другими цивилизациями Диоп использовал подход, объясняющий все из материальных условий существования, что, по его мнению, соответствует учению исторического материализма.

«Египетский народ, – пишет Диоп, – сумел создать блестящую цивилизацию, благодаря особенно благоприятной ситуации, в которой он находился, то есть зависимости Египта от паводков Нила. Адаптация людей в плодородной долине Нила требовала опытной техники орошения и дамб. Неспособность деревенских общин проводить ирригационные работы и сооружать систему дамб оправдала существование центральной власти, поставленной над этими общинами и отвечающей за выполнение крупных работ. Эти материальные условия существования побудили египтян изобретать науки (геометрию, астрономию и т. д.), дополненные искусствами и религиями» (Diop, 1979, p. 411). Для Диопа вся надстройка египетского общества вытекала из материальных условий. «Обилие жизненных ресурсов, оседлый и земледельческий характер ее, специфические условия долины Нила породят в человеке, то есть Негре, мягкую, идеалистическую и щедрую натуру, миролюбивую, пропитанную духом справедливости, веселую. Все эти добродетели были по большей части незаменимы для повседневного сосуществования. В результате требований социальной жизни возникли такие концепции, как матриархат, тотемизм, наиболее совершенная организация, монотеистическая религия. Они породили других. Так, обрезание проистекает из монотеизма, это, действительно, идея несотворенного бога Амона и Творца всего существующего, которая привела к идее андрогения...» (Diop, 1979, p. 175–176). В своем сравнении негритянских популяций, роившихся внутри континента, с популяциями в долине Нила, всегда отдавая предпочтение материальным условиям существования, Диоп объясняет, исходя из них, особенность положения этих популяций: «Отныне отрезанные от родины-матери, вторгшиеся за границу, отступившие от географической обстановки, требовавшей минимальных усилий по адаптации, пользовавшиеся благоприятными экономическими условиями, – негры ориентируются на развитие своей социальной, политической и моральной организации, а не на спекулятивные научные исследования, которые среда не только не оправдывала, но сделала невозможными. <...> История, нарушившая свое прежнее равновесие с окружающей средой, негр обрел новое равновесие, отличающееся от первого: существование техники уже не имело жизненного значения в отличие от политической и моральной социальной организации. Поскольку экономические ресурсы обеспечиваются средствами, не требующими постоянных изобретений, негр постепенно утрачивает интерес к материальному прогрессу» (Diop, 1979, p. 51–52)¹.

¹ Сравнивая последнее предложение цитаты с отрывком из «Капитала», книга 1; Том 1, (Марх, 1970, p. 187) «слишком щедрая природа удерживает «человека за руку, как ребенка на краю», она мешает ему развиваться, не делая его развитие необходимостью природы», мы видим идентичность позиций Диопа и Маркса.

Когда он переходит от изучения генезиса египетской цивилизации к его сравнению с другими цивилизациями, особенно с колыбелью Северной Европы, колыбелью индоевропейцев, Диоп продолжает придерживаться действий материальных условий существования: «...Свирепость природы в европейских степях, бесплодие этих регионов, оригинальность материальных условий в этой географической колыбели создадут у человека инстинкты, необходимые для его адаптации к среде. Здесь природа не допускает никакого пренебрежения: человек будет черпать свой хлеб насущный из пота со лба; он научится, прежде всего, в течение этого долгого и мучительного существования полагаться на свои собственные средства, свои собственные возможности. Он не может позволить себе роскошь верить в благодетельного Бога, который будет щедро раздавать ему средства к существованию: его дух будет рождать в основном злые, жестокие, ревнивые и злые божества: Зевс, Яхве и т. д.

В этой неблагодарной деятельности, которую физическая среда навязывала человеку, уже формировались материализм, антропоморфизм, который является лишь частным случаем, светским духом. Так среда постепенно выковала эти инстинкты у людей, живших в этой области, у индоевропейцев в частности» (Diop, 1979, p. 175–176). К трудолюбию, экспансионизму, материализму, вытекающему из материальных условий, Диоп добавил патриархальность, ксенофобию, пессимизм, индивидуализм, трагедию как литературный жанр по преимуществу. Настаивание Диопа на материальных условиях существования вызывает замечания², но некоторые анализы Маркса дают ему определенные основания.

В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс, порывая с идеалистической концепцией истории, чтобы заложить основы исторического материализма, демонстрируют свой подход: «эти предпосылки, из которых мы исходим, не являются произвольными основами, догмами; это реальные люди, их действия и условия их материального существования, те, которые они нашли готовыми, а также те, которые родились от их собственных действий. Таким образом, эти основы эмпирически поддаются проверке» (Marx et Engels, 1972, p. 55).

Среди этих основ Маркс и Энгельс указывают телесный состав индивидов, физическую среду. Но они добавляют: «мы не можем, естественно, провести здесь углубленное исследование физической конституции самого человека или естественных условий, которые люди нашли готовыми, геологических, орографических, гидрографических, климатических и других условий. «Вся история должна исходить из этих природных основ и их изменения действием людей во время их истории» (Курсив мой – Т.Д.) (Marx et Engels, 1972, p. 55)³.

Объясняя сноску 2, приведенную в цитате, Маркс и Энгельс уточняют следующее: «Это состояние вещей не только обуславливает организацию,

² Маджмут Диоп, лидер первой сенегальской марксистской партии, упрекает Диопа в его отношении к объяснению всего по географии, когда он пишет: «ясно, что это географическое объяснение мира, которое оставляет тень не только более половины земного шара (Азия и Америка), но и ограничивается некоторыми чертами характера народов, не удовлетворяет духу. Тем более, что она заменяет общее марксистское объяснение мира» (Диоп, Маджмут. (без даты). Классы и идеологии классов в Сенегале. Издания ЦК (с. 94)).

³ Рус. перевод: К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч.: Т. 3 (с. 19).

которая исходит от природы, первобытную организацию людей, их расовые различия, но и обуславливает все их развитие или неразвитие до сегодняшнего дня»⁴. В «Капитале», где созрела марксистская концепция истории, Маркс возвращается к решающей роли природных условий в истории первых обществ: «Помимо социального режима производства, производительность труда зависит от материальных условий, в которых она выполняется (Курсив мой – Т.Д.). Эти условия могут относиться либо к природе самого человека, к его расе и т.д., либо к природе вокруг него (Курсив мой – Т.Д.). Эти внешние природные условия делятся с экономической точки зрения на два основных класса богатства: богатство почвы, богатые рыбой воды и т.д; природные богатства в рабочих средствах, таких как водопады, судоходные реки, дерево, металлы, уголь и т.д. У истоков цивилизации преобладает первый класс природных богатств (Курсив мой – Т.Д.), позже, в продвинутом обществе, это второй» (Магх, 1970, р. 186). Основываясь на всех этих показаниях, мы видим, что основатели исторического материализма открыли исследовательский путь для изучения ранних цивилизаций. Подчеркивая решающую роль материальных условий существования, сводящихся к действию внешней среды в его изучении цивилизаций южных колыбелей, Египта, в частности, и северных, Диоп вписывается в прямую линию с точки зрения Маркса для изучения ранних цивилизаций. Однако его подход больше не соответствует историческому материализму, когда он молчит о существовании социальных отношений.

Не принимая во внимание диалектическую связь между отношением людей к природе и отношением людей друг к другу, Диоп вывел надстройки материальных условий существования, то есть действие природной среды на людей. Действуя таким образом, он еще дальше отошел от исторического материализма.

Несмотря на свои отклонения от некоторых марксистских тезисов, Диоп дал догматическим марксистам прекрасный урок теоретической инициативы и смелости, который хорошо сохранил Амилкар Кабрал.

III. Амилкар Кабрал и марксизм

Амилкар Кабрал (Andrade, 1980) является одним из немногих африканских политических лидеров, которые возглавили победоносное национально-освободительное движение в Гвинее-Бисау и на островах Кабо-Верде. В своих анализах он очень вдохновлялся марксизмом, хотя и открыто не заявлял себя марксистом.

Кабрал родился в португальской Гвинее. Печальная колониальная реальность очень рано открыла глаза на истинную природу португальского колониализма и породила в нем стремление к лучшему миру. С 1945 по 1962 год, в период подготовки к выпуску, он прекрасно знал колониальную реальность и познакомился с марксизмом в Лиссабоне через тексты, распространенные Коммунистической партией Португалии, в которой он не состоял. Поскольку Коммунистическая партия Португалии соответствовала идеологическим позициям Москвы, легко понять, что именно с марксизмом в сталинском варианте

⁴ Рус. перевод: К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч.: Т. 3 (с. 19).

познакомились Кабрал и студенты из бывших португальских колоний. В отличие от своих коллег из бывших французских колоний, студенты из бывших португальских колоний мало влияли на советский марксизм. Как отметил Патрик Шабаль в своей работе (Chabal, Patrick, 1983, p. 41–42), марксистская теория в сталинском варианте мало чем могла повлиять на Кабрала. Она действительно открыла ему характер капиталистической эксплуатации, что он мог наблюдать в Португалии. Инструмент анализа развития истории и преобразования общества, который советский марксизм предлагал Кабралу, добавляет Шабаль, был жестким и неадекватным.

Чтобы очень рано осознать это, Кабрал располагал необходимыми предпосылками, чтобы хорошо проанализировать гвинейско-капвердские реалии. Поняв, что только борьба за национальное освобождение может освободить свой народ от колониального ига, Кабрал утверждал, что эта борьба может быть победоносной только в том случае, если она будет вестись на основе знаний о реальности, которую необходимо трансформировать. Познание этой реальности – плод столкновения лоб в лоб с этой самой реальностью, а не чтения книг, будь они самыми революционными. Кабрал прекрасно знал, что подход к реальности не невинен, по той простой причине, что тот, кто изучает реальность, заранее обладает рабочими предположениями, которые в ходе практики подтверждаются или опровергаются. Исходя из этого, он готов был исправлять и обогащать теорию всякий раз, когда в этом возникала необходимость. Теория, подлежащая реконструкции, имела своеобразные рамки возникновения. Это страна, в которой доминирует колониализм и которая ведет национально-освободительную борьбу. В таком контексте теория, выработанная в других исторических обстоятельствах, неизбежно имела недостатки и требовала их преодоления. Кабрал не ошибся, вступив в игру, уловил особенность своей страны, находящейся под колониальным господством. Оно является первой формой господства империализма со следующими последствиями: полное или частичное разрушение социальной структуры доминирующей страны, сопровождающееся более или менее значительной фиксацией чужеродного населения, или кажущееся сохранение той же социальной структуры. Существенной чертой империалистического господства в его первой форме (колониализма) или второй форме является «отрицание исторического процесса подавляемого народа посредством насильственной узурпации свободы процесса развития национальных производительных сил» (Cabral, 1975, p. 295). Таким образом, борьба за национальное освобождение народа представляет собой «восстановление личности этого народа, его возвращение к истории посредством разрушения империалистического господства, которому он был подчинен». Именно на основе ситуации в стране, находящейся под колониальным господством, Кабрал, приняв строго материалистический подход, пришел к выводам (некоторые из них, кстати, являются проблемой), которые догматику было бы трудно принять. Эти выводы касаются анализа социально-культурных реалий Гвинеи-Капвердии. Кабрал проанализировал социальную структуру Гвинеи в свете исторического материализма. Он ушел от сталинской схемы пяти стадий (речь идет о первобытном коммунизме, рабовладельчестве, феодализме, капитализме и коммунизме). Кабрал заменил эту схему тремя фазами развития человечества. Первая характеризуется низким уровнем производительных сил,

отсутствием социальных классов и, следовательно, борьбой классов. Эта фаза будет соответствовать, по словам Кабрала, общественному сельскохозяйственному и пастушескому обществу с горизонтальной социальной структурой, характеризующейся отсутствием государства.

Второй этап характеризуется повышением уровня производительных сил, что приводит к частному присвоению производительных сил, возникновению классового деления и классовой борьбе. Эта фаза соответствует буржуазным, феодальным или ассимилированным аграрным и агропромышленным обществам. Вертикальное развитие социальной структуры порождает государство.

Третий этап – это определенный уровень производительных сил, позволяющий ликвидировать их частное присвоение, ликвидировать классы и ликвидировать классовую борьбу. Этот этап будет соответствовать социалистическим и коммунистическим обществам.

Кабрал отметил, что из-за неравномерного развития обществ, вызванного внутренними или внешними причинами (ускоряющее или замедляющее влияние), три или два этапа могут сосуществовать. В нынешней фазе человечества преемственность во времени трех фаз не является обязательной, добавил Кабрал. Возможность скачков в историческом процессе существует. После того как Кабрал изложил свою концепцию развития общества, он перешел к анализу социальной структуры Гвинеи на основе этнической принадлежности. Для чистого и жесткого марксиста такой подход противоречит принципам исторического материализма, которые требуют, чтобы анализ любой социальной реальности проводился на основе классовых критериев. Действуя иначе, Кабрал уловил особенность своего периферийного общества, где доминирующий, но не эксклюзивный капиталистический способ производства создал следующую конфигурацию: общества, образованные интегрированными докапиталистическими способами производства, подчиненные собственным целям центрального капитализма и выделяющиеся своей неоднородностью. Только такое отношение Кабрала к реалиям Гвинеи могло избавить его от догматизма, последствия которого были бы пагубны для национально-освободительной борьбы.

В своем анализе социальной структуры в Гвинее и Кабо-Верде Кабрал придал большое значение мелкой буржуазии. Оно вытекает из положения последней по отношению к классам и социальным слоям. В стране, где крестьянство неграмотно, почти не имеет отношения к колониальным силам, где рабочий класс не существует как класс, и где, наконец, отмечается отсутствие экономически состоятельной буржуазии, только мелкая буржуазия способна руководить и использовать инструменты на службе колониального государства. «Колониальная ситуация, – пишет Кабрал, – которая не допускает развития крупной коренной буржуазии и в которой народные массы обычно не достигают необходимой степени политического сознания до начала явления национального освобождения, предоставляет мелкой буржуазии историческую возможность возглавить борьбу против иностранного господства, чтобы быть, по своему объективному и субъективному положению (уровень жизни выше, чем у масс, более частые контакты с агентами колониализма и, следовательно, больше возможностей быть униженным, более высокая степень образования и культуры и т. д.) слоем, который быстрее всего осознает необходимость освобождения от иностранного господства. Эту историческую ответственность берет на себя

сектор мелкой буржуазии, который в колониальном контексте можно назвать революционным, в то время как другие сектора остаются в сомнении, характерном для этих классов, или объединяются с колониализмом для защиты, хотя и иллюзорной, их социального положения» (Cabral, 1975, p. 301). Если для Кабрала мелкая буржуазия по своему положению является единственным классом, способным руководить борьбой за национальное освобождение, то характерные для этого класса особенности (отсутствие экономической базы, гарантирующей захват власти) являются одной из слабых сторон борьбы за национальное освобождение. Вслед за этой борьбой у мелкой буржуазии есть две возможности: либо позволить своим естественным тенденциям свободно вливаться и превращаться в псевдо-буржуазию, отвернувшуюся от борьбы, либо укрепить ее революционное сознание и отождествить себя с трудовыми классами. В этом последнем случае она выполнит свою истинную миссию только если она «способна совершить самоубийство в качестве класса, чтобы воскреснуть в качестве революционного работника, полностью отождествленного с чаяниями народа, к которому она принадлежит» (Cabral, 1975, p. 286).

Подходя к проблеме культуры в стране, находящейся под колониальным господством и борющейся за свое освобождение, Кабрал по-марксистски хорошо видел тесную связь между экономической основой общества и его надстройкой. Но его заслуга заключается не в этом признании, а в постижении особенностей культурных явлений в его стране. Анализируя соотношение культуры и истории, он пришел к выводу, что культура, как «более или менее сознательный результат экономической и политической деятельности, более или менее динамичное выражение типа отношений, преобладающих в этом обществе, с одной стороны, между человеком (рассматриваемым индивидуально или коллективно) и природой, а с другой – между отдельными лицами, группами лиц, социальными слоями или классами» (Cabral, 1975, pp. 319–322), может оказывать положительное или отрицательное влияние на эволюцию отношений между человеком и его средой, а также между людьми или группами людей в обществе. Незнание этого факта, по словам Кабрала, объясняет, среди прочего, провал нескольких попыток национального освобождения. Чтобы избежать этой неудачи, национально-освободительное движение как организованное политическое выражение культуры борющегося народа должно «иметь четкое представление о ценности культуры в рамках борьбы и глубоко знать культуру своего народа, независимо от уровня его экономического развития». На основе этого утверждения Кабрал проводит различие между массовым характером культуры и ее классовым характером. Классовый характер культуры не приводит к ее единообразию. Поэтому необходимо учитывать особенности каждой социальной категории. Это должно быть так, потому что перед лицом борьбы отношение каждой социальной категории не только продиктовано ее экономическими интересами, но и глубоко зависит от ее культуры. Хотя фактическая реальность классового характера культуры не вызывает сомнений у Кабрала, он утверждает, что необходимо учитывать сложность и горизонтальное и вертикальное распределение, количественный и качественный уровень культуры. Однако независимо от разнообразия культур социальных групп, участвующих в борьбе за национальное освобождение, они должны сохранять свои культур-

ные ценности, слияние которых в ходе борьбы должно придавать национальное измерение культуре.

Перевод с французского В. М. Русакова

Список литературы

1. Andrade, Mario de. (1980). *Amilcar Cabral*. Paris, Maspéro.
2. Cabral, Amilcar. (1975). *L'arme de la théorie*. Paris, Maspéro.
3. Chabal, Patrick. (1983). *Amilcar Cabral. Revolutionary leadership and people's war*. Cambridge University Press.
4. Diop, Cheikh Anta. (1960). *L'Afrique noire pré-coloniale*. Paris, Présence africaine.
5. Diop, Cheikh Anta. (1960). *L'Unité culturelle de l'Afrique noire*. Paris, Présence africaine.
6. Diop, Cheikh Anta. (1967). *Antériorité des civilisations nègres: mythe ou réalité?*
7. Diop, Cheikh Anta. (1979). *Nations nègres et culture* (Tomes 1–2) Paris, Présence africaine.
8. Diop, Cheikh Anta. (1981). *Civilisation ou barbarie*. Paris, Présence africaine.
9. Diop, Thierno. (2007). *Marxisme et critique de la modernité en Afrique*. Paris, L'Harmattan.
10. Diop, Thierno. (2010). *Léopold Sédar Senghor, Majhemout Diop et le marxisme*. Paris, L'Harmattan.
11. Marx, Karl et Engels, Friedrich (1968). *L'Idéologie allemande* (texte intégral). Paris, Editions sociales.
12. Marx, Karl. (1970). *Le Capital, Livre 1* (Tome 2). Paris, Editions sociales.

References

1. Andrade, Mario de. (1980). *Amilcar Cabral*. Paris, Maspéro.
2. Cabral, Amilcar. (1975). *L'arme de la théorie*. Paris, Maspéro.
3. Chabal, Patrick. (1983). *Amilcar Cabral. Revolutionary leadership and people's war*. Cambridge University Press.
4. Diop, Cheikh Anta. (1960). *L'Afrique noire pré-coloniale*. Paris, Présence africaine.
5. Diop, Cheikh Anta. (1960). *L'Unité culturelle de l'Afrique noire*. Paris, Présence africaine.
6. Diop, Cheikh Anta. (1967). *Antériorité des civilisations nègres: mythe ou réalité?*
7. Diop, Cheikh Anta. (1979). *Nations nègres et culture* (Tomes 1–2) Paris, Présence africaine.
8. Diop, Cheikh Anta. (1981). *Civilisation ou barbarie*. Paris, Présence africaine.

9. Diop, Thierno. (2007). *Marxisme et critique de la modernité en Afrique*. Paris, L'Harmattan.
10. Diop, Thierno. (2010). *Léopold Sédar Senghor, Majhemout Diop et le marxisme*. Paris, L'Harmattan.
11. Marx, Karl et Engels, Friedrich (1968). *L'Idéologie allemande* (texte intégral). Paris, Editions sociales.
12. Marx, Karl. (1970). *Le Capital, Livre 1* (Tome 2). Paris, Editions sociales.

**О ДИСКУРСОЛОГИИ
В МОДУЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ:
РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРОБЛЕМАХ,
РАССМОТРЕННЫХ В РАМКАХ ЮБИЛЕЙНОГО
ЗАСЕДАНИЯ ЯЛТИНСКОГО
ДИСКУРСОЛОГИЧЕСКОГО КРУЖКА
(25–27 сентября 2019 года)**



Синельникова Лара Николаевна,

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского» в г. Ялте,
доктор филологических наук, профессор,
Ялта, Россия,
ORCID: 0000-0001-8140-5648,
E-mail: prof.sinelnikova@gmail.com

Статья поступила в редакцию 13.12.2019, принята к публикации 10.02.2020

Для цитирования: Синельникова Л.Н. О дискурсологии в модульном измерении: размышления о проблемах, рассмотренных в рамках юбилейного заседания Ялтинского дискурсологического кружка (25–27 сентября 2019 года) // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2019. № 4 (37). С. 131–148. doi: 10.24411/1817-9568-2019-10409

Аннотация

В гибридном жанре статьи-информации рассматривается круг проблем, значимых для отечественной дискурсологии и тем или иным образом отражённых в докладах участников юбилейного заседания Ялтинского дискурсологического кружка. Проблемное поле дискурсологии представлено в виде 5 модулей. Критерии выбора программных модулей проясняются в процессе рассмотрения содержания каждого из них: новизна и актуальность, значимость для научного портфолио участников конференции, дискуссионность выдвигаемых идей, подходов и оценок. Модуль 1 «Медиалингвистика, медиастилистика, медиадискурсология» (предмет медиалингвистики, соотношение стиля и дискурса, дискурсы в цифровую эпоху). Модуль 2 «Эпоха поствремени, её отражение в современных дискурсах и дискурсивных практиках» (когнитивный резерв элемента *пост*- как носителя значения исчерпанности).

Модуль 3 «Поэтический дискурс: схождение проблем институализации» (стихотворный текст как когнитивный конструкт и социально проявленная коммуникация). Модуль 4 «Дискурс как территория фронта» (возможности применения концепции фронта в дискурсологии). Модуль 5 «Дискурсологическая терминосистема: преодоление несогласованности» (качественные изменения в области терминологии, возможности и условия достижения дефинитивного уровня). Описание дискурса в комплексе типологических характеристик согласуется с определённой теорией, ориентированной на представление в текстах разных «картин мира», но всегда с позиции производства нового знания.

Перспективы развития дискурсологии участники юбилейного заседания видят в профессиональном внимании к насущным проблемам дискурсологии; в описании когнитивно-дискурсивных срезов, в которых происходят процессы реального речепроизводства; в усилении экспериментального сегмента в теориях дискурса; в необходимости прогнозировать изменения в жанрово-стилистической (в широком смысле нормативной) системе, в пределах которой организуется дискурс; в активизации междисциплинарных связей; в осуществлении интеграции учебных курсов для качественной подготовки специалистов-гуманитариев.

Ключевые слова:

Ялтинский дискурсологический кружок, дискурсология, программные модули, междисциплинарность, новые технологии, медийность, модераторы-эксперты.

UDC 81.1

DOI: 10.24411/1817-9568-2019-10409

ON DISCOURSE STUDIES IN THE MODULAR DIMENSION: SPECULATIONS ABOUT PROBLEMS DISCUSSED AS A PART OF THE ANNIVERSARY MEETING OF YALTA DISCOURSEOLOGY CIRCLE (September 25–27, 2019)

Sinelnikova Lara Nikolayevna,

Humanities and Education Science Academy (branch)
of V.I. Vernadsky Crimean Federal University in Yalta,
Doctor of Philology, Professor,
Yalta, Russia,
ORCID: 0000-0001-8140-5648,
E-mail: prof.sinelnikova@gmail.com

Article received on December 13, 2019, accepted on February 10, 2020

To cite this article: Sinel'nikova, L.N. (2019). O diskursologii v modul'nom izmerenii: razmysleniya o problemah, rassmotrennyh v ramkah yubilejnogo zasedaniya Yaltinskogo diskursologicheskogo kruzhka (25-27 sentyabrya 2019 goda) [On discourse studies in the modular dimension: Speculations about problems discussed as a part of the anniversary meeting of Yalta Discourseology Circle (September 25-27, 2019)]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 4(37), 131-148. doi: 10.24411/1817-9568-2019-10409

Abstract

A range of problems pertinent to home discourse studies are reflected in the hybrid genre of an information article in the reports of the participants of the anniversary meeting of Yalta Discourseology Circle. The problematic field of discourse studies is represented in the form of 5 modules. The criteria for choosing the programme modules become apparent in the process of reviewing the content of each module: novelty and actuality, significance for the scientific portfolios of the conference participants, potential for discussing the proposed ideas, approaches and evaluations. Module 1 – “Media linguistics, media stylistics, media discourse studies” (the subject of media linguistics, the style-discourse correlation, discourses in the digital age). Module 2 – “The epoch of post-time, its reflection in modern discourses and discourse practices” (the cognitive reserve of the element *post-* as the meaning carrier of depletion). Module 3 – “Poetic discourse: convergence of industrialization problems” (poetic text as a cognitive construct and socially manifested communication). Module 4 – “Discourse as a frontier territory” (possibilities of applying the conception frontier in discourse studies). Module 5 – “Discourseological term system: overcoming imbalance” (qualitative changes in the area of terminology, possibilities and conditions of reaching the definitive level). The descriptions of discourse in the system of typological features conform to a certain theory, directed at the representations of different “world pictures” in texts but always from the position of creating new knowledge.

The participants of the anniversary meeting consider the prospects of developing discourse studies to be in devoting professional attention to vital and unresolved problems of discourse studies; in describing the cognitive discourse cuts in which the processes of speech construction take place; in enhancing the experimental segment in discourse theories; in the necessity to forecast changes in the genre-stylistic (broadly seen, normative) system, within which discourse is organized; in activating interdisciplinary connections; in integrating tutorials for quality preparation of experts in humanities.

Keywords:

Yalta Discourseology Circle, discourse studies, programme modules, interdisciplinarity, new technologies, media qualities, expert moderators.

Введение

Дискурсология – многоструктурная и многокомпонентная область научного знания, основывающаяся на новой исследовательской парадигме, которая утвер-

дилась в гуманитарных науках конца 20 – начала 21 века. Дискурсивный подход к категоризации картины мира обеспечивает реальную междисциплинарность – включение в интерактивное пространство дискурса культурной, исторической, социальной информации. Применение междисциплинарных методик позволяет рассматривать дискурс с разных теоретических позиций, но всегда с позиции производства нового знания.

Тот факт, что значительная часть современных научных работ гуманитарной направленности начинается с определений дискурса, экскурса в историю дискурсологии, представленную в идеях и персоналиях, свидетельствует о некоей предопределённости этой области знания и безоговорочном включении дискурсологии в современную научную парадигму. Концепт *предопределённость*, при всей сложности его смысловой сетки, имеет семантический (а вместе с тем и коммуникативный) гештальт, в определённое время оказывающийся важным в макрополе науки. Дискурсология – наука, удовлетворяющая социальную потребность в диалоге во всех его составляющих: диалоге культур, эпох, научных школ и т. д. Дискурсология подтвердила неизбежность диалога, в том числе (а для филологии прежде всего) диалога между миром текстов и быстротекущими событиями жизни, рождающими новые тексты и новые нормы их организации. Диалогичность проявляет природу знания, его движение и, в итоге, социальную значимость науки. Поступательное развитие дискурсологии согласуется с динамикой дискурса как социально-деятельностного феномена, а также с интерпретативными резервами дискурс-анализа, с помощью которого исследователи получают ценные сведения о разных видах и сценариях социально-культурной и мыслительно-речевой деятельности.

2019 год – юбилейный для Ялтинского дискурсологического кружка (5-летие), 2020 год – юбилейный для Уральской школы политической дискурсологии (20-летие). Связь между этими юбилеями обеспечивают два фактора: многолетние личные дискурсологические объёмные связи и взаимовлияние научных идей, продуцируемых в названных научных структурах. Лидирующая роль Уральской научной школы проявляется в формировании концепции дискурсологии и введении этой дисциплины в российское гуманитарное пространство. Развивая онтологию дисциплины, исследователи Уральской научной школы расширяли тематический спектр дискурсов, предлагали новые способы их интерпретации через комплекс типологических характеристик: лингвистических, кратологических, семиотических, социально-коммуникативных, нарративных и многих других. Поэтапно складывалась концепция дискурсологии как науки, накопившей большой опыт соединения (соположенности) внутренних и внешних детерминаций. Обстоятельную информацию о стремительном движении дискурсологической мысли можно найти в выпусках научного журнала «Дискурс-Пи» (<https://www.madipi.ru/journals/archive>), главным выпускающим редактором которого является доктор политических наук, профессор О. Ф. Русакова.

В аналитический обзор исследовательских направлений и академических практик Уральской научной школы О. Ф. Русакова включила информацию о Ялтинском дискурсологическом кружке: «Когда в 2016 г. на базе Ялтинского филиала Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского был учрежден Ялтинский дискурсологический кружок (ЯДК) под руководством доктора

филологических наук, профессора Лары Николаевны Синельниковой, уральские дискуртологи сразу же включились в его работу. Кроме того, одним из учредителей ЯДК стала Международная академия дискурс-исследований (МАДИ). Печатным органом ЯДК был официально объявлен Научный журнал «Дискурс-Пи». Статьи участников конференций ЯДК, в том числе статьи, предназначенные для Энциклопедии «Дискурнология», регулярно публикуются на страницах данного журнала» (Русакова, 2018, с. 13). Добавления обязательны: О. Ф. Русакова один из инициаторов ЯДК, постоянный участник дискурсологических конференций сначала в Луганске, а затем и в Ялте, носитель многих инициатив и идей, способствующих укреплению научных позиций и научных связей российских дискурсологов.

Дискурнология открыта для альтернативных теоретических систем: увеличивается объём эмпирических данных, совершенствуются средства и методы исследования, расширяется номенклатура актуальных для дискурсологии объектов. 25–27 сентября 2019 года в Гуманитарной педагогической академии г. Ялты, филиале Крымского федерального университета, прошло юбилейное заседание «Ялтинский дискурсологический кружок: консеквенции и перспективы». Был выбран жанр методологического семинара «5+ программных модулей дискурсологии». Цифра 5 ориентирует на актуальные проблемы современной дискурсологии (при составлении программы учитывались научные интересы участников); «плюс» символизирует незавершённость и открытость проблемного пространства дискурсологии. Модуль в этом случае фокусирует внимание на обозначенной в названии теме, даёт возможность представить проблему в некой реперной точке – точке перформативного исследовательского ориентира по параметрам, заданным существующим положением дел.

В роли модераторов-экспертов выступили специалисты в области филологии (прежде всего лингвистики, «расширенной» в сторону междисциплинарных контактов), авторы книг и статей, опубликованных в рейтинговых научных отечественных и зарубежных журналах, разработчики собственных методик интерпретации социокультурного материала. Эксперты каждого модуля не только организовывали коммуникацию, но и в заключающей дискуссии резюме оценивали значимость проведённых участниками модуля исследований, анализировали предлагаемые идеи и алгоритмы дискурс-анализа, инициировали дискуссию с акцентом на перспективе дискурсологических исследований.

Цели статьи: 1) представить информацию о содержании модулей и включённых в программу докладов, 2) расширить представление о выбранных для обсуждения программных модулях в русле значения понятия *консеквенции*: завершённость и движение, результат и перспективы. Гибридный («двухуровневый») формат информации о научном событии (Синельникова, 2017) позволяет перейти от механического перечисления прочитанных докладов к концептуальным характеристикам предлагаемого читателям обзора.

Программные модули дискурсологии, их интерпретация в прочитанных докладах и дискуссии

Назовём доклады пленарной сессии, которые во многом определили направление дискуссии в каждом модуле: «Ялтинский дискурсологический кружок.

Результаты и перспективы совместной деятельности» (Л.Н. Синельникова), «Дискурсивная глубина медиапространства: текст – отзыв – комментарий» (Е.Н. Басовская), «Дискурсивная языковая личность журналиста: определение понятия, параметры типологизации, методики анализа» (Е.Г. Малышева), «Типы дискурса и картины мира (лексикографический аспект)» (Е.Г. Борисова), «Шеф-повар ресторана: лингвокультурный / коммуникативный типаж, лингво-семиотический феномен и дискурсивно-компетентная личность» (А.В. Олянич), «Научно-проектная деятельность уральской школы политической дискурсологии: итоги и перспективы» (О.Ф. Русакова), «Постпублицистика как маркер эпохи постправды» (М.В. Иванова), «Перефразирование как маркер саморефлексии говорящего» (К.М. Шилихина), «Функция категории *point of view* в дискурсе-анализе» (Л.В. Селезнёва), «Культурный знак в поэтическом тексте как маркер интердискурсивности» (И.И. Чумак-Жунь), «Поэзия – дискурс или социолект?» (О.И. Северская), «Глобальный кризис неолиберального дискурса: причины и следствия» (В.М. Русаков).

Модуль 1. Медиалингвистика, медиастилистика, медиадискурсология.
Эксперты: Н.И. Клушина (Москва), Е.А. Кожемякин (Белгород).

Темы для дискуссии: новые технологии – новые типы дискурсов; дискурс-анализ в цифровую эпоху: расширение возможностей.

Соотношение стиля и дискурса – предмет непрекращающихся споров. В работах Н.И. Клушиной представлена показательная историография отношений между традиционным (нормативно утвердившимся) и новым (находящимся в состоянии становления и неопределённости), то есть между стилем и дискурсом: от представления о дискурсе как модном слове, вытесняющем стиль (Клушина, 2011), до признания равноправия стилистики и дискурсологии как двух коммуникативных дисциплин, требующих координации и интеграции методов (Клушина, 2016). Актуальным остаётся описание дискурсов в соотношении с функциональными стилями. Есть основания постулировать тезис: новые типы дискурсов – резерв для стилистических новаций (в том числе в области семантико-стилистической нормы). Описание текстов нового века – мультимодальных, поликодовых, видеовербальных, как представляется, может подтвердить это положение. Важно обозначить, что стилистика находится в тесном контакте с прагматикой (рассмотрением фактов языка в широком социальном контексте); прагматика, в свою очередь, согласуется с когнитивными теориями (когнитивный опыт влияет на коммуникативные действия говорящих); когнитивно-прагматические характеристики естественным образом включаются в описание дискурса. Возможна и такая риторически ориентированная рефлексия: стилистика оживляет текст, дискурс наполняет его новыми знаниями.

Медийный вариант языка реализуется в медийном тексте. Важно определить набор инвариантных (воспроизводимых) признаков медиатекста, которые могут войти в его определение: диалогичность, значимость ожиданий адресата, особый статус медийной нормы (языковой, речевой, текстовой), формирование искусственной реальности (симулякров) и др. От сопоставления медийных и немедийных текстов исследователи переходят к их противопоставлению:

«Медийный текст не исчерпывается ни журналистским текстом, ни PR-текстом, ни рекламным текстом, ни их совокупностью, собранной под именем «текст массовых коммуникаций», не сводится к тексту, созданному на основе цифровых или мультимедийных технологий, а представляет собой особый феномен, сущность которого раскрывается в генерированной современной культурой способности сознания формально и содержательно реагировать на конструктивно-технологические параметры информационного ресурса (медиа). В этой своей сущности медийный текст противостоит перешедшему уже в статус культурного наследия «немедийному тексту» (Полонский, 2019, с. 33). Различия между медийным и немедийным текстом на семантико-стилистическом и композиционном уровнях позволяют ощутить (и, соответственно, описать) разницу между функциональным стилем и дискурсом.

Дискурсная медийность проявляется во множестве лингвокогнитивных признаков: орфоэпических (в устной речи особенности произношения, ускорение или замедление речи, тональность, паузы) (доклад С.Ф. Барышевой «Орфоэпическая норма в проекции на звучащие медиатексты»); образных (доклад О.С. Роголёвой «Медиаобраз как операциональная единица лингвокогнитивного анализа медиадискурса»); словообразовательных (доклад С.А. Стряпчей «Словообразовательные и семантические неoderиваты в политическом дискурсе»).

Цифровизация принесла множество инноваций во все жизненные сферы и во все типы институциональных дискурсов. Материал статьи Е.А. Кожемякина «Дискурс-анализ в цифровую эпоху: расширение возможностей» (Кожемякин, 2016) дал основание для дискуссии по широкому кругу проблем: как изменение способов связи меняет структуру, содержание, стилистику текстов; есть ли адекватный инструментарий для фиксации и оценки этих перемен; исчерпали ли себя традиционные методы исследования текстов без учёта особенностей поликодовых, мультимодальных и мультимедийных цифровых феноменов; могут ли классические модели коммуникации объяснить характер общения между людьми в социальных сетях. Беспокойство относительно «хронической неполноты данных и инертности исследований цифрового дискурса», которое высказал Е.А. Кожемякин в 2016 году, осталось в прошлом: публикуется множество статей, проводятся междисциплинарные конференции разных уровней, идёт формирование методологии описания цифрового дискурса как принципиально новой смыслопорождающей среды.

Свой скромный вклад в рассмотрение проблемы цифровизации внесли участники ялтинской конференции: «Критический дискурс-анализ как метод изучения образов прошлого в киберпространстве» (Ю.П. Денисов), «Мультимодальные параллельные корпуса: новый формат цифрового медиадискурса» (С.С. Дикарева), «Об интегративном подходе к описанию мультимодального маркетингового дискурса веб-сайтов ит-компаний» (Н.В. Соколова), «Метанарративные детерминанты публицистического дискурса Рунета» (С.А. Шумилина).

Модуль 2. Эпоха поствремени (постправды, постформ, постжанров, постграмотности), её отражение в современных дискурсах и дискурсивных практиках. Эксперты: Е.Н. Басовская (Москва), Л.В. Ухова (Ярославль).

Темы для дискуссии: когнитивное наполнение приставки *post-*: исчерпанность времени и форм; дискурсы формата *post-* в философском, культурологическом, филологическом измерении; трудности идентификации и поиск классификационных критериев дискурсов, реализующих концепцию *post-*; «навязываемый» дискурс (средства и приёмы прямого и непрямого воздействия, стилистическая и риторическая маскировка коммуникативного намерения); дискурсивные механизмы манипуляции и новые технологии влияния; культура *post-* и резервы дискурсологии в совершенствовании системы образовательных компетенций.

Выделению этого модуля способствовали статьи в научном журнале «Дискурс-Пи» (2019, Т. 2. № 35), что можно считать одним из свидетельств действия принципа аффилированности научных структур. Под влиянием термина «постправда», появившегося в 2016 году в качестве слова года, образовались номинации: постнаука, постиндустриализм, постимпериализм, постистория, постмодерн, постчеловек, постядерный, постапокалипсис и др. Дискурсы формата *post-* рассматриваются в философии, культурологии, филологии, дискурсологии, подтверждая масштабность последствий, вызванных массовым отходом от традиционной дихотомии «правда – ложь» в новых идеологических, политических и экономических условиях. Исследователи указывают на целый ряд причин «кризиса факта»: переизбыток информации, разнообразие форм и жанров её передачи, ангажированность журналистов, влияние философии и эстетики постмодернизма в массовой культуре и др.

В дискурсах формата *post-* верифицируемость уступила место фальсифицируемости, что потребовало маскировки коммуникативного намерения через приёмы сокрытия правды: двоемыслие (способность придерживаться двух мнений одновременно), правдоподобие (моделирование сходства с правдой), манипуляцию (социально-психологическое воздействие), фейковость (фальсификация, фальшивость), умолчание (сокрытие правды) и многое другое. Коммуникативные технологии передачи постправдивого содержания захватывают всё новые и новые дискурсивные сферы (Романов, Романова, Морозова, 2019).

Дискурс постправды проявляет себя в бинарности стратегий информационной войны (свои / чужие), в медиатехнологиях политики постпамяти, в конвергентности рассредоточивающих смысл стилистических приёмов. Об этом речь шла в докладах «Информационно-психологическая война как дискурсивный феномен» (С. Л. Кушнерук, М. А. Курочкина), «Американизация выборного дискурса: стратегии и тактики коммуникативных действий политиков» (А. Г. Пастухов), «Дискурс-анализ в исследовании взаимного влияния субъектов публичной политики» (А. Н. Потсар), «Стилистические фигуры как элемент дискурса» (Н. Н. Василькова).

Внимание участников модуля привлекла проблема постграмотности в её соотношении с традиционной письменной и устной грамотностью (Северская, 2016). Согласились с тем, что сочетание классической грамотности и грамотности, диктуемой достижениями цифровых технологий, неизбежно (см. исследования участников научной группы «Полилингвизм и поликультурность в эпоху постграмотности» в Уральском федеральном университете имени первого Президента России Б. Н. Ельцина).

Реклама представляет собой «навязываемый дискурс», дискурс активного воздействия. В представленных на конференции докладах затрагивался ряд проблем, связанных со спецификой рекламы: «Социокультурные коды рекламного дискурса (на материале телевизионной рекламы)» (Е. В. Гнездилова), «Лингвoseмиотика рекламы: знаки, концепты, дискурс» (Д. Г. Куренова), «Современный медиадискурс: лингвокультурная специфика рекламных текстов» (Б. Г. Солдатов, Н. В. Солдатова), «Креативные технологии троллинга в рекламном дискурсе» (Л. В. Ухова). Обозначились перспективы изучения рекламного дискурса: влияние социокультурных изменений на коммуникативную организацию и стилистику рекламных текстов; значимость «интернетизации» и дигитализации в моделировании отношений с адресатом; типология отличий между онлайн-рекламой и офлайн-рекламой.

Закон единства и многообразия проявлен в типологии дискурсов активного воздействия: поэзии, рекламы и PR (Соколова, 2014).

Резервы дискурсологии в совершенствовании системы образовательных компетенций обозначены в докладах «Технология Овертона в сфере просветительского дискурса» (Н. А. Лобачёва), «Эколингвистический вектор педагогического дискурса» (Ю. В. Козина), «От коммуникативной интенции к полисемии рецепции: комический эффект «серьёзных» дискурсивных ситуаций» (А. В. Люликова), «Роль современных педагогических технологий в формировании дискурсивной компетенции обучающихся» (Э. К. Аметова), «От свойств и признаков дискурса к дискурсивной компетенции обучающихся» (Н. В. Аниськина).

Модуль 3. Поэтический дискурс: схождение проблем институализации.
Эксперты: О. И. Северская (Москва), И. И. Чумак-Жунь (Белгород).

Темы для дискуссии: место и специфика поэтического дискурса в системе институциональных дискурсов; коммуникативная концепция поэтического текста, его дискурсивная интерпретация; роль когнитивной поэтики в понимании специфики поэтического дискурса; социально-культурные коды в поэтическом дискурсе.

Появлению и развитию понятия «поэтический дискурс» способствовало отношение к поэзии, к стихотворным текстам как к коммуникации. «Схождение проблем институализации» можно усмотреть в сложности процесса превращения образно-эстетической сферы поэзии в институт с некими установленными правилами и нормами. Поэтический дискурс может рассматриваться с разных сторон, в том числе – с социальной и историко-культурной. Дискурсивный подход к поэтическому тексту открывает возможности соотносить языковое сознание и коммуникативное поведение лирического повествователя; связывает автора стихотворения с социумом как в биографическом смысле, так и фактом включения «событий из жизни» в лирический нарратив; специфически проявляет междискурсивное взаимодействие (например, столкновение дискурса власти и дискурса поэзии (Чумак-Жунь, 2008)). Поэтический дискурс – это и корпус текстов, объединение которых может осуществляться на разных основаниях: коммуникативном, функциональном, семантическом, и быть представленным в синхронно-диахроническом измерении.

Дискурсивный подход, ориентированный на изучение системы текстов и описание стратегий текстоорождения, может обеспечить появление новых аспектов исследования поэзии, получения данных, касающихся эволюции поэтического сознания и поэтического языка, в том числе с учётом национальных особенностей русской поэзии (Тарасова, 2019). Новые возможности в выявлении идиостилевых особенностей могут появиться в условиях применения методов анализа персональных дискурсов, прежде всего таких, в которых особенности поэтической коммуникации проявляются на фоне событий социального характера. Появление конвергентных видов стихотворений, образованных на основе объединения текстовых и визуальных сегментов, свидетельствует о продуктивности интермедиального поэтического дискурса. Развитие новых междисциплинарных областей знания, например, таких как эмотиология, которая связывает лингвистику, психологию, культурологию, когнитивистику (научная школа профессора В. И. Шаховского), потребует обращения именно к понятию «поэтический дискурс», поскольку каждая эмоция в поэзии может иметь свой дискурс.

На конференции были представлены три доклада по поэтическому дискурсу: «Культурный знак в поэтическом тексте как маркер интердискурсивности» (И. И. Чумак-Жунь), «Об эволюции художественных концептов в поэтическом дискурсе К. Д. Бальмонта» (Н. Г. Петрова), «Имагологические аспекты изучения дискурсивного пространства древнеанглийской поэтической лингвокультуры» (О. В. Томберг). Доклад кандидата искусствоведения К. Л. Лукичевой «Мимесис в изобразительном искусстве как дискурсивная практика» концептуально соотносится с докладом филолога А. И. Матвиенко «Проблема самоидентификации героев в романе Ж. Агулаузы «Продавец прошлого», поскольку мимесис, будучи эстетической категорией, определяющей отношения между произведением и внешним миром, как различает искусства, так и объединяет их.

Многое в поэтическом дискурсе согласуется с теорией фронта: метафора – пересечение границ нескольких денотативных пространств, прецедентность и интертекстуальность образуют фронтирную зону совпадения или расхождения семиотических знаков взаимодействующих текстов.

Модуль 4. Дискурс как территория фронта. Эксперты: Л. Н. Синельникова (Ялта), О. Е. Павловская (Краснодар).

Вопросы для обсуждения: Может ли теория фронта поднять планку интерпретации процессов текстообразования и понимания эволюционных изменений в области нормы? Является ли современная речевая (стилистическая) и жанровая норма зоной фронта? В какой степени фронтирные характеристики значимы для современного образовательного дискурса (поколенческий «разрыв», утрата исторической памяти и др.)?

Дискурсология расширяет пространство новых исследовательских разработок. В некоторых случаях вопреки правилу Бритвы Оккама не умножать сущностей без необходимости. Фронтир ориентирует на понимание теории изменений, что убирает ограничения, касающиеся сохранения стабильности любой ценой. Адаптации теории фронта к проблемам дискурсологии способствуют такие его характеристики: фронтир – граница, разделяющая старое и новое и в то же

время создающая контактную зону (зону взаимодействия), которая определяется как зона пересечения, незаконченности и неопределённости, постепенно ведущая к интеграции. Очевидно, что всё труднее удерживать нормативные позиции отдельного функционального стиля. Внимание к «территории фронта» может способствовать пониманию закономерностей эволюционных изменений в области стилистической нормы, разделению неоправданной эклектики и мотивированной возможности схождения разностилевого материала (Солнышкина, Казачкова, Калинин, 2015). Фронт не предлагает сиюминутной кодификации нормы, но обладает особой нормативной чувствительностью, основывающейся на понимании того, что «уровневые» нормы – лексические, грамматические, фонетические – в дискурсе должны рассматриваться совместно и с учётом экстралингвистических (социальных, культурных, личностных) данных.

Исследовательское поле фронта в дискурсологии только начинает формироваться. Фронтную характеристику может получить современный медийный текст, находящийся в состоянии нормативной неустойчивости и неравновесности (Синельникова, 2019), сетевые зоны, возникающие в условиях цифровых технологий, и сетевая коммуникация в целом (Морозова, Мирошниченко, Рябченко, 2016). Системное понимание аспектной проблемы последовательно оформляется в дефиниции: «Под фронтом сетевого общества, или сетевым фронтом, мы понимаем подвижную границу пространства контакта, взаимодействия и взаимопроникновения социальных и культурных практик сетевого общества и предшествующих цивилизационных социальных и культурных практик (Морозова, Мирошниченко, Рябченко, 2016, с. 86).

Прозвучавшие на конференции доклады прошли «верификацию на фронтность» по доминирующему критерию – предопределённость взаимодействия в пограничных (граничащих) сферах («Переводческий дискурс: русско-греческие формулы речевого этикета» (Г.Ю. Богданович), «Крымский фронт в дискурсе травелога (на материале путевых записок Джеймса Уэбстера)» (Л.В. Бондаренко), «Региональная литература в условиях белорусско-украинского пограничья (на примере творчества М.Ф. Котелева)» (М.П. Жигалова), «Лингвосомиотика дискурсивного пространства адыгейской глоттонической коммуникации» (А.В. Олянич, Ю.Ю. Хут), «Американский и русский литературный фронт: точки пересечения и векторы расхождения» (С.С. Царегородцева)).

Приведём значимую для перспективы разработки фронта цитату: «Современное человечество оказалось в пространстве фронта между установками науки прошлого и технологическими возможностями науки будущего. Ради сохранения непрерывности биологической и социальной жизни люди нуждаются в обсуждении контрастов, которых еще не было в мире» (Брызгалина, 2017, с. 6).

Модуль 5. Дискурсологическая терминосистема: преодоление несогласованности

Темы для дискуссии: соблюдение в научном пространстве дискурсологии разделяемого значительной частью научного сообщества тезиса: научные термины должны обладать свойством однозначности; связь качественных изменений в области терминологии с процессом интеграции наук; условия

достижения дефинитивного уровня толкования терминов метафорического характера.

Справедливость максимы (от софистов до нашего времени) «прежде чем спорить, давайте договоримся о терминах» отрицать трудно. Всё дело в том, какой сценарий можно считать оптимальным для введения новых терминов в научное пространство, и какой путь они должны пройти для утверждения значимости в этом пространстве. В дискурсологии есть явления, которые требуют чёткого терминологического оформления, но есть и такие, которые находятся на пути к термину, поскольку имеют отношение не к достигнутому знанию, а к предзнанию, и только дополнительное внимание к эмпирическим фактам может обеспечить вхождение терминологических нововведений в дискурсологический тезаурус.

Терминология ориентирует на определённое время, точнее, на определённую научную парадигму. В современной терминосистеме обнаруживаются (чередуются) устойчивость традиции и терминологические новации. В целом для постнаучного мышления характерно отсутствие терминологического баланса.

Внимание к дискурсологической терминологии проявлено в ряде исследований. Назовём несколько значимых для дискурсологии подходов. Динамичное производство новых связей является вполне объективной причиной того, что само понятие дискурс «растекается», эта базовая дефиниция уточняется снова и снова в связи с целями конкретных исследований и предоставляемых быстро-текущим временем материалов. «В силу многозначности и неопределённости содержания трудно говорить и о терминологизации имени «дискурс»: вне контекста конкретной теории (концепции) он остаётся протермином, для превращения которого в полнозначный термин необходимо включение в систему связей какой-либо исследовательской парадигмы», – считают авторы статьи «Дискурс и его типология в российской лингвистике» (Воркачёв, Воркачёва, 2019, с. 19). Остаётся признать, что единственной дефиниции, которая бы удовлетворяла всех, не существует.

Предлагаются и выносятся на коллективное профессиональное обсуждение новые (точнее, малоупотребительные в отечественной дискурсологии) термины. Например, термин «диспозитив», не так давно появившийся в теории коммуникации и медиалогии и позиционируемый как категория высшего порядка по отношению к понятию «дискурс» (Пастухов, 2019). Отмечается, что медийный диспозитив обнаруживает важные взаимопроникновения в социальные практики в XXI веке, связанные с функционированием власти и продвижением медиа в новых коммуникативных средах.

Ещё об одном аспекте формирующейся терминосистемы. Термин «коммуникативные риски» появился также относительно недавно, и пока не имеет словарной дефиниции, но уже имеет рабочее определение: «Коммуникативный риск – это реальная возможность получения непрогнозируемого, нежелательного результата коммуникации, возможность возникновения коммуникативной неудачи. Вместе с тем в современных СМИ нередки такие случаи медийного словотворчества, которые могут отрицательно отражаться на коммуникативном процессе, препятствовать реализации коммуникативного намерения (интенции) автора. При анализе подобных случаев важно не только указать потенциально

«опасные» новообразования, но и определить, чем обусловлена их рискогенность» (Рацибурская, Соловьева, 2018, с. 83). Выявление фактов рискогенности в коммуникативно-прагматических условиях дискурса требует особых критериев: правильность в дискурсе имеет по большей части ситуативный характер и определяется в проекции на замысел адресанта и ожидания адресата. Рискогенность стилистической нормы тесно связана с нормами дискурса (где, с кем, зачем и о чём говорят). Дискурсивный подход к освоенным и осваиваемым терминам необходим. Нормативная гомогенность дискурса исключается, гибридизация, полидискурсивность и интердискурсивность – это не столько эклектика институционального дискурса (Солнышкина, Казачкова, Калинин, 2015), сколько свойство подавляющего большинства дискурсов и формирующихся на их основе дискурсивных практик. Исходя из сказанного, следует согласиться, что дискурсивная рискогенность должна дефинироваться особым образом.

Дискуссию на заключительном модуле инициировали два стендовых доклада: «Дискурс и дискурс-анализ: в поиске терминологической определённости» (И. Ф. Ухванова, Белоруссия) и «Ингрессия концепта и его дискурсивная верификация» (Ж. Б. Селиверстова, Казахстан). В первом докладе предлагается посмотреть на терминологическую систему лингвистики дискурса в национальном и глобальном аспектах, через реконструкцию дефиниций ключевых терминов из современной научно-исследовательской и специальной справочной литературы, публикуемой в наше время в контексте разных языковых традиций. Если дискурс-знание предстаёт как живая, подвижная система, секвенция, эволюция и революция живого текста, погруженного в жизнь, то необходимо ли в этом контексте поиск дефиниционной определенности термина? Во втором докладе уделено внимание понятию «ингрессия», вхождению, проникновению терминов. Шаг за шагом ингрессия термина «концепт» закрепляет его во всех областях гуманитарных наук: в лингвокультурологии и концептологии, в когнитивной и аксиологической лингвистике, что заставляет выйти на новый уровень дефинирования. Ингрессия, требующая выхода на новый уровень дефинирования, касается многих междисциплинарных терминов.

Результат дискуссии обозначился в ряде значимых для дискурсологии позиций. Важно установить, что в первую очередь нуждается в терминологическом наименовании (типичное, активное, актуальное). Поскольку дискурсологи уделяют внимание как идеальным объектам, так и языковой материи, трансфера терминов из разных областей научного знания (логики, философии, общего языкознания, стилистики, когнитивных наук, психолингвистики и т. д.) не избежать. Важно разобраться в специфике применения терминов в дискурсологических исследованиях. Дефиниции не могут полностью исчерпать содержание понятия, но должны установить существенные признаки и определить связи с другими терминами. Пока динамично обновляющаяся дискурсологическая понятийная система носит преимущественно метафорический характер, что подтверждает когнитивные свойства метафоры как способа познания.

«Мир, описываемый современными онтологиями, – это мир, принципиально находящийся за рамками любого контроля, или же мир, постоянно выходящий из-под контроля или из рамок нашего предсказания. Это мир, который постоянно нам сопротивляется» (Железнов, 2019, с. 9–10). Приведённая цитата согласуется с законом мутабельности понятия (от лат. *mutabilis* – изменчивый). Идеи и по-

нения дискурсологии остаются подвижными, часто многозначными и по-разному понимаемыми, что, с одной стороны, соответствует живому творческому процессу, а с другой – свидетельствует о периоде слабой стандартизации терминов. Рассмотрение терминов дискурсологии в системном ракурсе – дело будущего.

Обсуждение терминосистемы естественным образом обеспечило сближение проблем, условно распределённым по разным модулям.

Заключение

Ялтинский дискурсологический кружок за 5 лет существования стал научной коммуникативной площадкой с собственными векторами рассмотрения дискурса и пониманием значимости дискурсологии в современном гуманитарном знании. Отслеживались и обсуждались актуальные проблемы, предлагались инновационные подходы к интерпретации институциональных дискурсов, в реестр вносились новые дискурсивные образования, формирующиеся в разных коммуникационных средах. При этом всегда декларировались толерантные отношения между научными школами, традиционными и новыми парадигмами.

Сообщения участников юбилейного заседания Ялтинского дискурсологического кружка подтвердили значимый для дискурсологии тезис: дискурс – это цепь коммуникативных событий, проявляющих статус субъектов социальных действий через множество дискурсивных маркеров лексико-семантического, стилистического, риторического характера. Новые аспекты дискурс-исследований связаны с такими развивающимися областями знания, как цифровой медиадискурс, дискурс постправды, постжанровости, постграмотности, дискурс фронта, представляющего мощный резерв для введения в дискурсологические исследования онтологических свойств пограничья как зоны интеграции.

Наблюдения и находки докладчиков были признаны интересными, а темы – достойными продолжения. Интеллектуальное продвижение дискурсологи видят в усилении экспериментального подхода в описании дискурсов, в необходимости прогнозировать изменения в жанрово-стилистической (в широком смысле нормативной) системе, что соответствует пониманию институтов как развивающихся структур, в переходе от стандартной цитации к обоснованным дефинициям, соответствующим накапливающимся изменениям в социально-коммуникационных процессах, в активизации междисциплинарных связей в описании дискурсивных практик, в осуществлении междисциплинарного взаимодействия в учебных курсах при подготовке специалистов-гуманитариев (дискурсология – актуальный резерв для экспликации такого рода связей).

Включение инновационных организационных действий в дискурс юбилейной конференции способствовало «приращению» знания. Такую роль выполнила и презентация новых публикаций членов Ялтинского дискурсологического кружка: Клушина Н.И., Николаева А.В. *Стилистика интернет-текста* (М.: Эдитус, 2019, 176 с.); Северская О.И., Селезнева Л.В. *Эффективная бизнес-коммуникация: «волшебные таблетки» для деловых людей* (М.: Эксмо, 2019, 406 с.); Синельникова Л.Н. *Стихотворный текст: междисциплинарная интерпретация* (М.: Инфра-М, 2019, 267 с.); Царегородцева С.С. *Роман Г.Д. Гребенщикова «Чураевы» в социокультурном контексте* (М.: Инфра-М, 2019, 127 с.); Богданович Г.Ю., Балашова И.Г., Георгиадзе И.А., Екрасиди Н.А.,

Новикова Т.Ю. Речевой этикет: русско-греческие соответствия (Белгород: КОНСТАНТА, 2019, 136 с.).

От заседания к заседанию углублялось представление о междисциплинарных подходах к описанию дискурсов, о чём свидетельствуют опубликованные сообщения участников конференций: «Дискурсология: возможности интерпретации гуманитарного знания: тезисы докладов участников всероссийской научно-практической конференции с международным участием» (2018 год) (<https://elibrary.ru/item.asp?id=36520287>) и «Сборник тезисов Юбилейного заседания Ялтинского дискурсологического кружка (2015–2019)» (<https://elibrary.ru/item.asp?id=41446143>).

В науке значима сама постановка вопроса и целенаправленная познавательная деятельность как потребность. Отслеживание насущных гуманитарных проблем, определение перспектив развития дискурсологии, описание когнитивно-дискурсивных срезов, в которых происходят процессы реального речепроизводства, таковы планы участников Ялтинского дискурсологического кружка.

Список литературы

1. Брызгалина, Е.В. (2017). Человек как фронтир науки настоящего и будущего. *Гуманитарный вестник*, 12, 1–8. doi: 10.18698/2306-8477-2017-12-496
2. Воркачев, С.Г., Воркачева, Е.А. (2019). Дискурс и его типология в российской лингвистике. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*, 3, 14–21. doi: 10.29025/2079-6021-2019-3-14-21
3. Железнов, А.С. (2019). Вера как практическое отношение к контингентному бытию. *Антиномии*, 19(2), 7–24. doi: 10.17506/airp.2019.19.2.724
4. Клушина, Н.И. (2011). От стиля к дискурсу: новый поворот в лингвистике. *Язык, коммуникация, социальная среда*, 9, 25–33.
5. Клушина, Н.И. (2016). Дискурс-анализ и стилистика: интегративные методы исследования медиакоммуникации. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*, 20(4), 78–90. doi: 10.22363/2312-9182-2016-20-4-78-90
6. Кожемякин, Е.А. (2016). Дискурс-анализ в цифровую эпоху: расширение возможностей. *Новое литературное обозрение*, 2(138), 330–337.
7. Морозова, Е., Мирошниченко, И., Рябченко, Н. (2016). Фронтир сетевого общества. *Мировая экономика и международные отношения*, 60(2), 83–97.
8. Пастухов, Г.А. (2019). «Отражение» дискурса: насколько оправдано введение в научный оборот понятия «медийный диспозитив»? *Современный дискурс-анализ*, 3(24), 4–23.
9. Полонский, А.В. (2019). Медийный текст как феномен современной культуры. *Тексты нового века: материалы Межрегионального круглого стола* (с. 31–34). Орёл: Орловский государственный институт культуры.
10. Рацибурская, Л.В., Соловьева, Д.В. (2018). Медийные новообразования как фактор коммуникативных рисков. *Вестник Волгоградского*

государственного университета. Серия 2. Языкознание, 17(4), 81–89. doi: 10.15688/jvolsu2.2018.4.7

11. Романов, А.А., Романова, Л.А., Морозова, О.Н. (2019). Дискурс правды и дискурс постправды политического интервью (на материале интервью действующих политиков зарубежным СМИ). *Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал*, 1, 1–28. Взято с <http://www.tverlingua.ru>

12. Русакова, О.Ф. (2018). Уральская школа политической дискурсологии: новейшие исследовательские направления и академические практики. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 2(31), 10–28. doi: 10.17506/dipi.2018.31.2.1029

13. Северская, О.И. (2016). Есть контакт? О коммуникативных девиациях цифровой эпохи. *Коммуникативные исследования*, 4(10), 107–119.

14. Синельникова, Л.Н. (2017). Дискурс, ещё дискурс! (О дискурсе и дискурс-анализе в статьях «Вестника Российского университета дружбы народов»). *Известия Южного федерального университета. Филологические науки*, 3, 137–152. doi: 10.23683/1995-0640-2017-3-137-152

15. Синельникова, Л.Н. (2019). Медийная коммуникация в проекции на современную теорию фронта. *Настоящее и будущее стилистики: сб. науч. ст. Междунар. науч. конф. (13–14 мая 2019 г.)* (с. 654–659). М.: ФЛИНТА.

16. Соколова, О.В. (2014). *Типология дискурсов активного воздействия: поэтический авангард, реклама и PR* (2-е изд.). Москва: Гнозис.

17. Солнышкина, М.А., Казачкова, М.Б., Калинин, Т.Е. (2015). Эклектика институционального дискурса: норма или нарушение? *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 12–1(54), 164–168.

18. Тарасова, И.А. (2019). *Когнитивная поэтика: предмет, терминология, методы*. Москва, ИНФРА-М. doi: 10.12737/monography_5a0a9111f301b8.88351304

19. Чумак-Жунь, И.И. (2008). Поэтическая коммуникация и междискурсивное взаимодействие (столкновение дискурса власти и дискурса поэзии). *Известия Волгоградского педагогического университета*, 20–23.

References

1. Bryzgalina, E.V. (2018). Chelovek kak frontir nauki nastoyashego i budushego [Man as a frontier of present and future science]. *Gumanitarnyi vestnik*, 12, 1–8. doi: 10.18698/2306-8477-2017-12-496

2. Chumak-Zhun, I.I. (2008). Poeticheskaya kommunikatsiya i mezhdiscursivnoie vzaimodeistviye (stolknoveniye discursa vlasti i discursa poezii) [Poetic communication and interdiscursive interaction (discourse of power versus discourse of poetry)]. *Izvestiya Volgogradskogo pedagogicheskogo universiteta*, 20–23.

3. Klushina, N.I. (2011). Ot stilya k discursu: novyi povorot v lingvistike [From style to discourse: a new approach in linguistics]. *Yazyk, kommunikatsiya, sotsialnaya sreda*, 9, 25–33.

4. Klushina, N.I. (2016). Discurs-analiz i stilistika: integrativnyie metody issledovaniya media kommunikatsii [Discourse analysis and stylistics: integrative

methods of research of media communication]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov*, 20(4), 78–90. doi: 10.22363/2312-9182-2016-20-4-78-90

5. Kozhemiakin, E. A. (2016). Discurs-analiz v tsifrovuiu epohu: rasshireniye vozmozhnostei [Discourse analysis in digital era: enhancement]. *Novoie literaturnoie obozreniye*, 2(138), 330–337.

6. Morozova, E., Miroschnichenko, I., & Riabchenko, N. (2016). Frontir setevogo obschestva [The frontier of digital society]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnyie otnosheniia*, 60(2), 83–97.

7. Pastukhov, G. A. (2019). “Otrazheniye” discursa: naskolko opravdano vvedeniye v nauchnyi oborot poniatiya “mediynyi dispozitiv”? [Discourse “reflection”: to what extent the introduction of the notion of “media dispositif” to the scientific usage is justified]. *Sovremennyi discurs-analiz*, 3(24), 4–23.

8. Polonskiy, A. V. (2019). Mediynyi tekst kak fenomen sovremennoi kultury [Media text as a phenomenon of modern culture]. *Teksty novogo veka: materialy Mezhtsebnogo kruglogo stola*, 31–34.

9. Ratsiburskaya, L. V., & Soloviova, D. V. (2018). Mediynuie novoobrazovaniya kak faktor kommunikativnykh riskov [Media neologisms as a factor of communicative risks]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, 17(4), 81–89. doi: 10.15688/jvolsu2.2018.4.7

10. Romanov, A. A., Romanova, L. A., & Morozova, O. N. (2019). Discurs pravdy i discurs postpravdy politicheskogo intervyyu (na materiale intervyyu deistvuyushih politikov zarubezhnykh SMI) [Discourse of truth and discourse of post-truth of political interviews (on interviews of modern politicians of foreign mass media)]. *Mir lingvistiki i kommunikatsii*, 1, 1–28. Retrieved from <http://www.tverlingua.ru>

11. Rusakova, O. F. (2018). Uralskaya shkola politicheskoi discursologii: noveishiye issledovatel'skie napravleniya i akademicheskie praktiki [Ural School of politicaldiscourse studies: the newest research approaches and academic practices]. *Nauchnyi zhurnal “Discurs-Pi”*, 2(31), 10–28. doi: 10.17506/dipi.2018.31.2.1029

12. Severskaya, O. I. (2016). Yest kontakt? O kommunikativnykh devitsiyah tsyfrovoy epohi [Is contact made? On communicative deviations of the digital era]. *Communicative research*, 4(10), 107–119.

13. Sinelnikova, L. N. (2017). Discurs, yeschyto discurs! (O discursе i discurs-analize v statiyah “Vestnika Rossiyskogo universiteta druzhby narodov”) [Discourse, and again discourse! (On discourse and discourse-analysis in research articles of “Vestnik of Russian University of Peoples’ Friendship”)]. *Izvestiya Yuzhnogo Federalnogo universiteta*, 3, 137–152. doi: 10.23683/1995-0640-2017-3-137-152

14. Sinelnikova, L. N. (2019). *Mediynaya kommunikatsiya v proektsii na sovremennuiu teoriyu frontira. Nastoyascheye i buduscheye stilistiki* [Media communication with a view to the modern theory of frontier. Present and future of stylistics] (pp. 654–659). Moscow: FLINTA.

15. Sokolova, O. V. (2014). *Tipologiya discursov aktivnogo vozdeistviya: poeticheskiy avangard, reklama i PR* [Typology of active influencing discourses: poetic avant-garde, advertising and PR] (2nd ed.). Moscow: Gnozis.

16. Solnyshkina, M. A., Kazachkova, M. B., & Kalinkina, T. E. (2015). Eklektika institutsionalnogo discursa: norma ili narusheniye? [Eclecticism of institutional discourse: norm or irregularity?]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*,

12–1(54), 164–168.

17. Tarasova, I.A. (2019). *Kognitivnaya poetika: predmet, terminologiya, metody* [Cognitive poetics: research subject, terminology, methods]. Moscow: INFRA. doi: 10.12737/monography_5a0a9111f301b8.88351304

18. Vorkachov, S.G., & Vorkachova, E.A. (2019). Discurs i ego typologiya v rossiyskoi lingvistike [Discourse and its typology in Russian linguistics]. *Aktualnyie problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki*, 3, 14–21. doi: 10.29025/2079-6021-2019-3-14-21

19. Zheleznov, A.S. (2019). Vera kak prakticheskoe otnosheniye k kontingentnomy bytiiu [Belief as a practical attitude to rationed beingness]. *Antinomii*, 19(2), 7–24.

Общие положения

1. Статья должна соответствовать тематике журнала: философия, политическая наука. Принимаются рукописи только ранее не опубликованных, оригинальных статей. Статьи представляются на русском или английском языках.
2. В случае несоответствия тематике и требованиям к оформлению материалы не принимаются к рассмотрению, автору направляется соответствующее уведомление.
3. Принятые к рассмотрению материалы проходят двойное слепое рецензирование.
4. Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в Научном журнале «Дискурс-Пи» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.
5. Одобренные редакционной коллегией материалы публикуются бесплатно, гонорары авторам не выплачиваются.
6. Статья должна быть направлена в редакцию по электронной почте: rusakova_mail@mail.ru. Пожалуйста, воспользуйтесь **шаблоном** при оформлении статьи, размещенном на сайте <http://madipi.ru>.

Требования к авторскому оригиналу

1. Формат файла – документ Microsoft Office Word 97–2010 (DOC или DOCX).
2. Размер страниц (ширина × высота) – 210 × 297 мм (формат А4).
3. Поля страниц со всех сторон – 20 мм.
4. Шрифт – Times New Roman, 14 кегль (в том числе для названия).
5. Абзацный отступ – 1,25 см (должен быть выполнен с помощью соответствующей компьютерной программы, без использования пробелов или табуляции).
6. Выравнивание текста – по ширине страницы.
7. Межстрочный интервал – одинарный.
8. Статья должна быть написана грамотным языком, стиль изложения – научный.
9. Название и текст статьи оформляется строчными буквами, без добавления переносов слов.
10. Рекомендуемый объем статьи – **30–35 тысяч знаков** без учета пробелов (включая таблицы, библиографию, подрисовочные подписи, сноски).
11. **Внутритекстовые ссылки** приводятся в круглых скобках с указанием фамилии автора, года издания и страницы – используется стиль APA (<https://apastyle.apa.org/>).
Пример русскоязычной ссылки:

(Иванов, 2014, с. 51).

Пример англоязычной ссылки:

(Smith, 2018, p. 154).

Если в тексте упоминается фамилия автора, то в скобках она не указывается. Пример:

Иванов (2014) утверждает, что «цитируемый текст» (с. 51), что подтверждает наши выводы.

Если автора нет, в скобках указываются несколько слов заглавия. Пример:

(Результаты исследования, 2017, с. 65).

Если цитируется несколько работ автора, вышедших в одном и том же году, поместите буквы a, b, c... после года. Пример:

(Нye, 2011a, 2011b).

12. При использовании в тексте кавычек применяют типографский вариант «». Тире обозначается символом «–» (среднее тире); дефис «-».
13. К статье необходимо приложить отдельным файлом **фотографию автора** хорошего качества. Допустимыми являются графические форматы TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Размер фото – не менее 600 пикселей по наименьшей стороне.
14. В тексте шрифтовые выделения должны выполняться светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки должны быть оформлены полужирным шрифтом.
15. Цифровые данные должны оформляться в таблицы. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением обозначений единиц величин (измерений) по ГОСТ 8.417-2002.
16. Каждая иллюстрация (рисунок, чертеж, график, диаграмма, схема) должна иметь порядковый номер в тексте статьи. Нумерация иллюстраций – сквозная. Электронный вариант каждой иллюстрации с подрисовочными подписями должен быть также предоставлен

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

в отдельном от статьи файле. Допустимыми являются графические форматы TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Минимальный размер изображения – 600 пикселей по наименьшей стороне.

Компоновка статьи (в порядке следования)

1. **УДК** – выравнивание по левому краю страницы.
2. **Фамилия, инициалы** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Иванов И.И.**).
3. **Название статьи** – выравнивание по центру страницы; шрифт полужирный; только первая буква прописная, остальные строчные. Если при написании статьи автору была оказана финансовая поддержка, это следует упомянуть в сноске.
4. **Фамилия, имя, отчество** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Иванов Иван Иванович**); ниже идут с выравниванием по правому краю страницы:
место работы,
ученая степень (при наличии), должность,
город, страна,
идентификационный номер ORCID (если имеется),
адрес электронной почты.
5. **Аннотация** (русскоязычный вариант) – выравнивание по ширине страницы; объем аннотации – 240–280 слов. Желательно, чтобы в аннотации была отражена следующая информация: цель, методы исследования, результаты, научная новизна.
6. **Ключевые слова:** (русскоязычный вариант) – выравнивание по ширине страницы; 5–10 слов.

Англоязычная часть статьи:

7. **Фамилия, инициалы** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Ivanov I.I.**).
8. **Название статьи** на английском языке – выравнивание по центру страницы; шрифт полужирный; только первая буква прописная, остальные строчные.
9. **Фамилия, имя, отчество** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Ivanov Ivan Ivanovich**); ниже идут с выравниванием по правому краю страницы:
место работы,
ученая степень (при наличии), должность,
город, страна,
идентификационный номер ORCID (если имеется),
адрес электронной почты.
10. **Abstract** (аннотация на английском языке) – выравнивание по ширине страницы.
11. **Keywords:** (ключевые слова на английском языке) – выравнивание по ширине страницы.
12. Основной текст статьи должен быть разбит на разделы. Желательно, чтобы в тексте статьи была отражена следующая информация:
Введение (Introduction) – описывается актуальность научной проблемы, степень исследованности в науке, цель статьи, методика и методология исследования, использованные источники.
Результаты исследования (Results) – основная часть статьи (полученные результаты и их интерпретация). Представленные в статье результаты желательно сопоставить с предыдущими работами в этой области, которые предпринимались как автором, так и другими исследователями. В этой части желательны подзаголовки.
Заключение (Conclusion) – подводятся итоги исследования, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, определяются основные направления дальнейшего исследования.
Список литературы (на русском языке) – формируется в алфавитном порядке. Сначала идут источники на русском языке, затем – на английском. Должен содержать не менее 10 источников. Необходимо минимизировать цитирование учебных пособий, справочников, диссертаций, текстов, размещенных на сайтах. На каждый источник, приведенный в списке литературы, должна быть сделана ссылка в тексте статьи. Если статья имеет DOI, его следует указать. Если упоминаются несколько статей одного автора или авторов, их нужно привести в хронологическом порядке от самой ранней до самой поздней даты. При оформлении используется стиль APA (<https://apastyle.apa.org/>).
Варианты оформления:

Автор, А.А. (2018). *Название книги*. Издательство.

Автор, А.А. (2018). *Название статьи*. *Название журнала*, 22(3), 123–231. doi: xx.xxxxxxxx.

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

Автор, А.А. (2018, 12 января). *Название документа* [Формат документа]. Взято с URL

Формат даты на русском языке: (год, день месяц). Формат даты на английском языке: (год, Месяц день). Если дату установить невозможно, в скобках указывается (без даты) или (n.d.) – для англоязычных источников.

Пример:

Author, A.A. (n.d.). *Title of document* [Format description]. Retrieved from URL

References (список литературы на английском языке) – формируется в алфавитном порядке. Англоязычные источники остаются без изменений. В русскоязычных источниках название книги, статьи, электронного источника приводятся в транслитерации, а также в квадратных скобках на английском языке. Название журнала пишется в транслитерации. Варианты оформления:

Author, A.A. (2018). *Nazvanie knigi* [Title of the book]. Moscow: Gnosis.

Author, A.A. (2018). *Nazvanie stat'i* [Article title]. *Nazvanie zhurnala*, 22(3), 123–231. doi: xx.xxxxxxxx

Author, A.A. (2018, January 12). *Nazvanie dokumenta* [Document's name]. Retrieved from URL

Примеры оформления списка литературы

Тип источника	В списке литературы
Книга, монография	Автор, А.А. (2018). <i>Название книги</i> . Место: Издательство. Шейгал, Е.И. (2004). <i>Семиотика политического дискурса</i> . М.: Гнозис. Bartky, S.L. (1990). <i>Femininity and Domination: Studies in the Phenomenology of Oppression</i> . New York, NY: Routledge.
Книга, монография (организация указана в качестве автора)	Название организации. (2003). <i>Название книги: подзаголовок</i> . Место: Издательство. Российская психологическая ассоциация. (2003). <i>Психология политики</i> . Москва: Свобода.
Книга, монография (без указания авторов)	<i>Название книги</i> (6-ое изд.). (2005). Место: Издательство. <i>Merriam Webster's collegiate dictionary</i> (10th ed.). (1993). Springfield, MA: Merriam-Webster.
Книга, монография (с указанием редактора)	Редактор, А.А., Редактор, Б.Б., Редактор, В.В. (Ред.). (2012). <i>Название книги: подзаголовок</i> . Место: Издательство. Русакова, О.Ф. (Ред.). (2015). <i>Soft power: теория, ресурсы, дискурс</i> . Екатеринбург: Изд. Дом «Дискурс-Пи». Editor, J.J., Editor, A.A., & Editor, P.P. (Eds.). (2012). <i>Book title: And subtitle</i> . Abingdon: Routledge.
Статья	Автор, А.А. (2015). Название статьи. <i>Название журнала, том(номер), страницы</i> . doi: xx.xxxxxxxx Фишман, Л.Г. (2018). Недовоображенное сообщество. <i>Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. от-ния Рос. акад. наук</i> , 18(1), 43–58. doi: 10.17506/ryipl.2016.18.1.4358 Pan, S.Y. (2011). Education abroad, human capital development, and national competitiveness: China's brain gain strategies. <i>Frontiers of Education in China</i> , 6(1), 106–138. doi: 10.1007/s11516-011-0124-4
Электронный ресурс (статья)	Караганов, С. (2017). О новом ядерном мире. Как укрепить сдерживание и сохранить мир. <i>Россия в глобальной политике</i> , 15(2), 8–19. Взято с https://globalaffairs.ru/number/O-novom-yadernom-mire-18644

Требования к оформлению статей,
представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

Электронный ресурс (газета, журнал)	Автор, А. (2015, 12 января). Название статьи. <i>Название газеты, том(выпуск)</i> . Взято с URL Author, A. (2012, January 12). Title of article. <i>The Sunday Times</i> . Retrieved from http://www.sundaytimes.com
Электронный ресурс (веб-страница, есть автор)	Если страница имеет нетипичный формат (например, блог, очерк, видео, твит и т.п.), укажите его в квадратных скобках. Автор, А. (2018, 9 марта). <i>Название документа [Формат документа]</i> . Взято с URL Author, A. (2011, March 9). <i>Title of document [Format description]</i> . Retrieved from URL
Электронный ресурс (веб-страница, нет автора)	<i>Название веб-страницы</i> . (дата). Взято с URL <i>Рабочая поездка Татьяны Голиковой в Мурманскую область</i> . (2019, 12 июля). Взято с http://government.ru/news/37355/ <i>Oxford Electric Bell</i> . (n.d.). Retrieved from https://www.atlasobscura.com/places/oxford-electric-bell

Примеры оформления списка литературы на английском языке (References)

Тип источника	В списке литературы	В разделе References
Книга, монография (курсивом выделяется название книги)	Шейгал, Е.И. (2004). <i>Семиотика политического дискурса</i> . М.: Гнозис.	Sheigal, E.I. (2004). <i>Semiotika politicheskogo diskursa</i> [Semiotics of political discourse]. Moscow: Gnozis.
Статья (курсивом выделяется название журнала)	Фишман, Л.Г. (2018). Недовоображенное сообщество. <i>Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. от-ния Рос. акад. наук</i> , 18(1), 43–58. doi: 10.17506/ryipl.2016.18.1.4358	Fishman, L.G. (2018). Nedovoobrazhennoe soobshchestvo [Under-imagined community]. <i>Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. ot-niya Ros. akad. nauk</i> , 18(1), 43–58. doi: 10.17506/ryipl.2016.18.1.4358
Электронный ресурс	Караганов, С. (2017). О новом ядерном мире. Как укрепить сдерживание и сохранить мир. <i>Россия в глобальной политике</i> , 15(2), 8–19. Взято с https://globalaffairs.ru/number/O-novom-yadernom-mire-18644	Karaganov, S. (2017). O novom yadernom mire. Kak ukrepit' sderzhivanie i sohranit' mir [About New Nuclear World. How to Strengthen Deterrence and Keep the Peace]. <i>Rossiya v global'noj politike</i> , 15(2), 8–19. Retrieved from https://globalaffairs.ru/number/O-novom-yadernom-mire-18644
	Пучков, П. (2017, 10 апреля). <i>Современные «революции» / Революция и современность</i> . Взято с http://gefter.ru/archive/21809#anchor1	Puchkov, P. (2017, April 10). <i>Sovremennyye «revolyutsii» / Revolyutsiya i Sovremennost'</i> [Modern «revolutions» / Revolution and Modernity]. Retrieved from http://gefter.ru/archive/21809#anchor1
	<i>Рабочая поездка Татьяны Голиковой в Мурманскую область</i> . (2019, 12 июля). Взято с http://government.ru/news/37355/	<i>Rabochaya poezdka Tat'yany Golikovoј v Murmanskuyu oblast'</i> [Working visit of Tatiana Golikova to the Murmansk region]. (2019, July 12). Retrieved from http://government.ru/news/37355/

General provisions

1. The article should correspond to the subject of the journal: philosophy, political science. Manuscripts of only previously unpublished, original articles are accepted. Articles are provided in Russian or English.
2. In case of inconsistency with the subject and design requirements, the materials are not accepted for consideration, the corresponding notification is sent to the author.
3. Materials accepted for review undergo double-blind peer review.
4. By submitting the manuscript of the article to the editorial, the author undertakes not to publish the article without the consent of the publisher in whole or in part in any other media prior to the publication in «Discourse-P» scientific journal.
5. Materials approved by the editorial board are published free of charge, royalties are not paid to the authors.
6. The article should be sent to the editorial office by e-mail: rusakova_mail@mail.ru. Please use the **template** when writing an article posted on the site <http://madipi.ru>.

Requirements for the author's manuscript

1. File format – Microsoft Office Word 97–2010 document (DOC or DOCX).
2. The size of the pages (width × height) is 210 × 297 mm (A4 format).
3. Margins of pages on all sides – 20 mm.
4. Font – Times New Roman, 14 size (including the title).
5. Red line indentation – 1.25 cm (must be set up using the appropriate computer program, without using spaces or tabs).
6. Alignment of the text – the width of the page.
7. Line spacing – single.
8. The article should be written in a competent language, the style of presentation – scientific.
9. The title and text of the article should be written in lowercase letters, without adding hyphenation.
10. The recommended volume of the article is **30–35 thousand characters**, excluding spaces (including tables, bibliography, figure captions, footnotes).
11. **In-text links** should be given in parentheses indicating the author's last name, year of publication and page – the APA style is used (<https://apastyle.apa.org/>).

Example: (Smith, 2018, p. 154).

If the name of the author is mentioned in the text, then it is not indicated in brackets.

Example: Ivanov (2014) claims to be a «quoted text» (p. 51), which confirms our findings.

If there is no author, a few heading words are indicated in brackets.

Example: (Results of a study, 2017, p. 65).

If you cite several works by the author that came out in the same year, put the letters a, b, c ... after the year.

Example: (Nye, 2011a, 2011b).

12. When using quotation marks in the text, the typographic version «» is used. A dash is indicated by the symbol «-» (middle dash); hyphen «-».
13. It is necessary to attach a good quality **photo of the author** in a separate file. Valid formats are TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Photo size – at least 600 pixels on the smallest side.
14. In the text, font selections should be done in light italics. Headings and subheadings should be in bold.
15. Numerical data should be tabulated. Each table should have a serial number and a name. The numbering of tables should be continuous. Abbreviations of words in the tables are not allowed, except the units of quantities (measurements) according to GOST 8.417-2002.
16. Each illustration (drawing, drawing, graph, diagram) should have a serial number in the text of the article. The numbering of illustrations should be continuous. An electronic version of each illustration with figure captions should also be provided in a separate file. Valid formats are TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). The minimum image size is 600 pixels on the smallest side.

Text layout (in sequence)

1. **UDC** – left alignment.
2. **Surname, initials of the author** – right alignment; bold font (example: **Smith J.**).
3. **Article title** – center alignment; bold font; only the first letter is uppercase, the rest are lowercase. If financial support was provided to the author when writing an article, this should be mentioned in a footnote.
4. **Surname, name, patronymic** of the author – right alignment; bold font (example: **Smith Jonh**); the following are aligned to the right of the page:
*place of work,
academic degree (if any), post,
city, country,
ORCID (if any),
E-mail address.*
5. **Abstract** – width alignment; annotation volume – 240–280 words. It is desirable that the following information be reflected in the annotation: purpose, research methods, results, scientific novelty.
6. **Keywords:** – width alignment; 5–10 words.

Russian part of the article:

7. **Surname, initials of the author** – right alignment; bold font (example: **Смит Дж.**).
8. **Article title** – center alignment; bold font; only the first letter is uppercase, the rest are lowercase.
9. **Surname, name, patronymic** of the author – right alignment; bold font (example: **Смит Джон**); the following are aligned to the right of the page:
*place of work,
academic degree (if any), post,
city, country,
ORCID (if any),
E-mail address.*
10. **Abstract** (abstract in Russian) – width alignment.
11. **Keywords:** (keywords in Russian) – width alignment.

The main text of the article (in English):

12. The main text of the article should be divided into sections. It is desirable that the following information be reflected in the text of the article:
Introduction – describes the relevance of a scientific problem, the degree of research in science, the purpose of the article, the research technique and methodology, and the sources used.
Results – the main part of the article (the obtained results and their interpretation). It is desirable to compare the results presented in the article with previous works in this field, which were undertaken both by the author and other researchers. Subheadings are desirable in this section.
Conclusion – the results of the study are summarized, conclusions, generalizations and recommendations arising from the work are drawn, the main directions of further research are determined.
References – is formed in alphabetical order. First come the sources in Russian, then in English. Must contain at least 10 sources. It is necessary to minimize the citation of textbooks, reference books, dissertations, texts posted on websites. Each listed source should be referenced in the text of the article. If the article has a DOI, it should be indicated. If several articles of the same author or authors are mentioned, they should be listed in chronological order from the earliest to the latest date. The design uses the APA style: <https://apastyle.apa.org/>.
Design Options:

Author A.A. (2018). *Title of the book*. Publisher.

Posted by A.A. (2018, May). Article title. *Journal title*, 22(3), 123–231. doi: xx.xxxxxxxx

Author, A.A. (2018, January 12). *Title of document* [Format description]. Retrieved from URL

Date format (year, month day). If the date cannot be set, in brackets is indicated (without date) or (n.d.).

Example: Author, A.A. (n.d.). *Title of document* [Format description]. Retrieved from URL

Examples of references

Source type	Reference
Book, monograph	<p>Author, A.A. (2018). <i>Book title</i>. Location: Publisher.</p> <p>Sheigal, E.I. (2004). <i>The semiotics of political discourse</i>. M.: Gnosis.</p> <p>Bartky, S.L. (1990). <i>Femininity and Domination: Studies in the Phenomenology of Oppression</i>. New York, NY: Routledge.</p>
Book, monograph (organization indicated in as an author)	<p>Name of the organization. (2003). <i>Book title: subtitle</i>. Location: Publisher.</p> <p>Russian Psychological Association. (2003). <i>The psychology of politics</i>. Moscow: Freedom.</p>
Book, monograph (without authors)	<p><i>Book Title</i> (6th ed.). (2005). Location: Publisher.</p> <p><i>Merriam Webster's collegiate dictionary</i> (10th ed.). (1993). Springfield, MA: Merriam-Webster.</p>
Book, monograph (with the indication of the editor)	<p>Editor, A.A., Editor, B.B., & Editor, C.C. (Eds.). (2012). <i>Book title: subtitle</i>. Location: Publisher.</p> <p>Rusakova, O.F. (Ed.). (2015). <i>Soft power: theory, resources, discourse</i>. Ekaterinburg: Publ. House «Discourse-P».</p>
Article	<p>Author, A.A. (2015). Article title. <i>Journal name, volume(issue number)</i>, page(s). doi: xx.xxxxxxxx</p> <p>Fishman, L.G. (2018). Undereducated community. <i>Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law Ural. branches of the Russian Academy of Sciences</i>, 18(1), 43–58. doi: 10.17506/ryipl.2016.18.1.4358</p> <p>Pan, S.Y. (2011). Education abroad, human capital development, and national competitiveness: China's brain gain strategies. <i>Frontiers of Education in China</i>, 6(1), 106–138. doi: 10.1007/s11516-011-0124-4</p>
Electronic resource (article)	<p>Karaganov, S. (2017). About the new nuclear world. How to strengthen containment and maintain peace. <i>Russia in global politics</i>, 15(2), 8–19. Retrieved from https://globalaffairs.ru/number/O-novom-yadernom-mire-1864</p>
Electronic resource (newspaper, magazine)	<p>Author, A. (2015, January 12). Article title. <i>Newspaper name, volume(issue number)</i>. Retrieved from URL</p> <p>Author, A. (2012, January 12). Title of article. <i>The Sunday Times</i>. Retrieved from http://www.sundaytimes.com</p>
Electronic resource (web page, author presents)	<p>If the page has an atypical format (for example, a blog, essay, video, tweet, etc.), indicate it in square brackets.</p> <p>Author, A. (2011, March 9). <i>Document name</i> [Format description]. Retrieved from URL</p>
Electronic resource (web page, no author)	<p><i>Webpage name</i>. (date). Retrieved from URL</p> <p><i>Oxford Electric Bell</i>. (n.d.). Retrieved from https://www.atlasobscura.com/places/oxford-electric-bell</p>